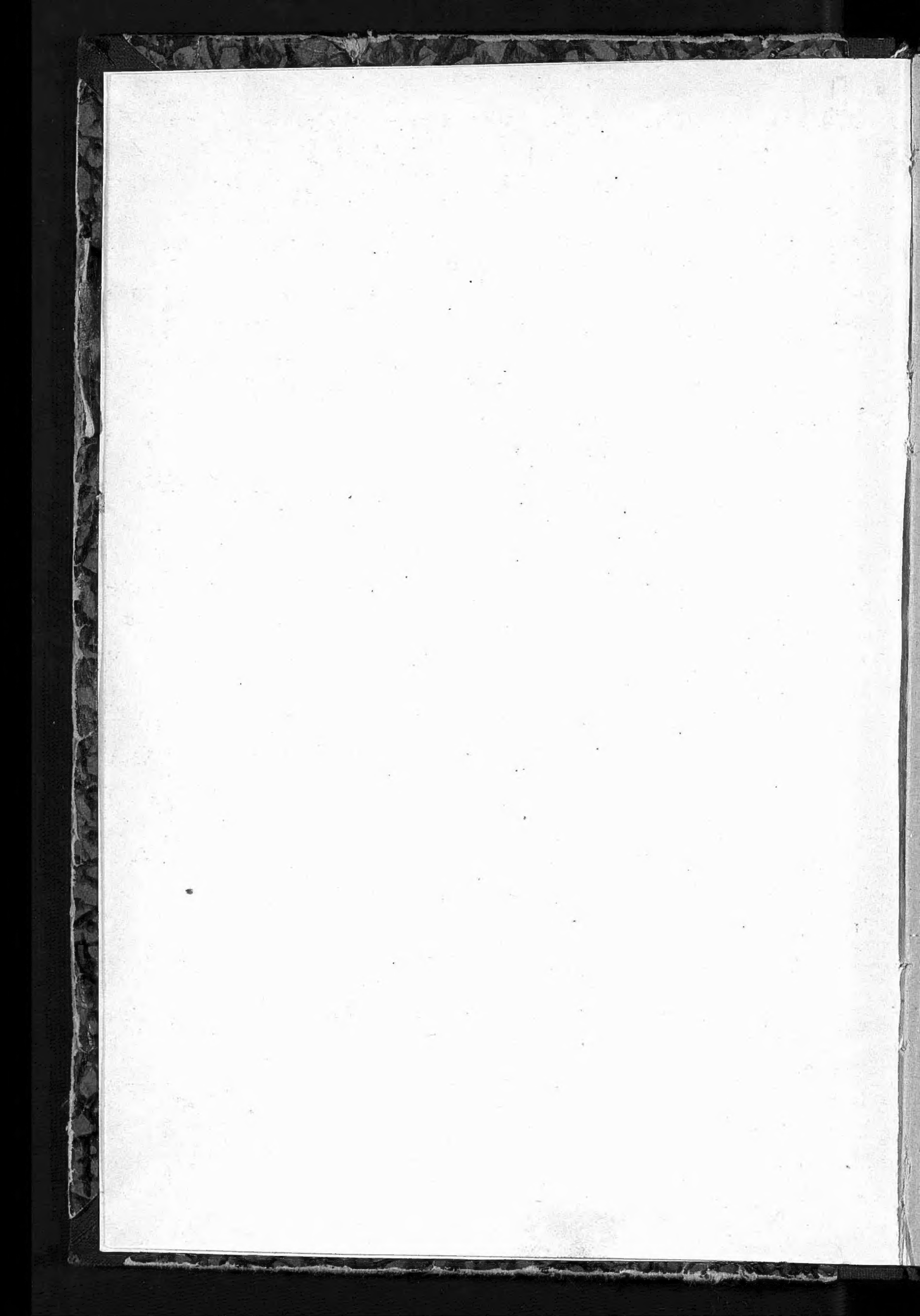

НА ПАМЯТЬ

по случаю посѣщенія

„ПОТѢШНЫМИ КОМАНДАМИ“

гор. С.-Петербурга

и смотра имъ на Марсовомъ полѣ

въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ присутствіи

28-го іюля 1911 г.

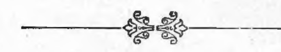
200 ЛѢТЪ
С.-ПЕТЕРБУРГА

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ
ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

В. АВСѢЕНКО.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе С.-Петербургской Городской Думы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Печатано по распоряженію СПБ. Городского Головы.

Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. СПБ., Лештуковъ пер., 13.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вѣкъ Петра Великаго.

I.

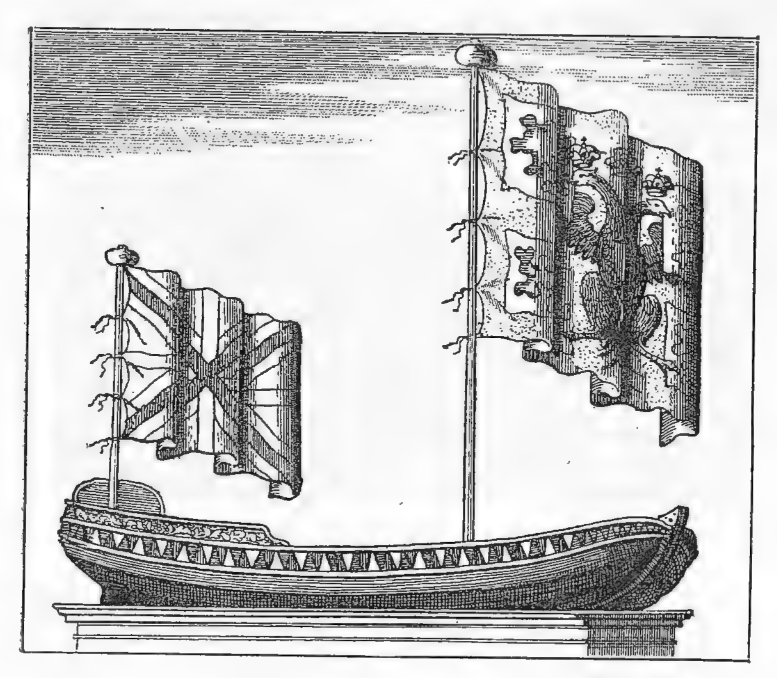
Великая сѣверная война. — Исканіе моря. — Русскіе на Невѣ. — Взятіе Нотебурга и Ніеншанца. — Закладка Петербурга.

Начало XVIII вѣка застало Россію въ разгарѣ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Молодой царь уже побывалъ въ Европѣ, насмотрѣлся на тамошніе порядки, личнымъ наблюденіемъ и сравненіемъ оцѣнилъ преимущества европейскихъ знаній, научился самъ многому невѣдомому въ московской Руси, и вызванный изъ недоконченнаго путешествія извѣстіемъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, возвратился неожиданно въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ приступить къ пересозданію страны и перевоспитанію народа. Твердой рукой расправился онъ съ участниками бунта, и не давая опомниться противникамъ новизны, заставилъ ихъ прежде всего пріучаться къ внѣшнему европейскому обличью: отмѣнилъ обычай носить длинныя неподстриженныя бороды и долгополое платье. Помимо подражанія видѣнному Петромъ заграницею, мѣры эти могли имѣть и ближайшую цѣль: онѣ наружно сближали иностранцевъ съ русскими, а иностранцы требовались для обученія русскихъ морскому и военному дѣлу, ремесламъ

и промысламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено было старинное лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и введено новое отъ Рождества Христова; день новаго года, вмѣсто 1 сентября, перенесенъ былъ на 1 января.

Съ этихъ внѣшнихъ новшествъ Петръ началъ, конечно, потому, что для осуществленія ихъ не требовалось времени и подготовленій. Въ умѣ его зрѣли болѣе широкія и глубокія преобразованія. Приглядываясь ко всему встрѣченному заграницей, онъ неустанно соображалъ, гдѣ источникъ благоустройства и богатства западныхъ странъ, и что нужно Россіи для быстраго развитія своихъ громадныхъ силъ. Настойчивѣе всего мысль его обращалась къ тѣмъ выгодамъ, какія даетъ государству мореплаваніе. Еще раньше, до поѣздки заграницу, Петромъ владѣла мечта о свободномъ доступѣ къ морю. Она зародилась въ немъ почти въ отроческомъ возрастѣ, вмѣстѣ съ личной страстью къ плаванію на водахъ. Исканіемъ моря были вызваны трудные походы къ Азову. Но хотя Азовъ былъ наконецъ взятъ, Петръ ясно видѣлъ, что свободное пользованіе южными морями для русскихъ невозможно до тѣхъ поръ, пока не сломлено могущество турокъ. Нанести же Турціи рѣшительный ударъ Россія была еще не въ силахъ.

И тогда мысли Петра обратились на сѣверъ, къ Балтійскому морю, вблизи котораго зачалось русское государство, и которое издавна знали новгородцы, хотя и не упрочились на его берегахъ. Къ Невѣ и Финскому заливу примыкала бѣдная, мало населенная страна, нѣкогда подвластная Великому Новгороду, но впослѣдствіи отошедшая къ Швеціи и получившая отъ нея названіе Ингер-

„Дѣдушка русскаго флота“.

манландіи. Вернувъ себѣ эту почти пустынную страну, которая и для шведовъ имѣла только то значеніе, что отрѣзывала московское государство отъ моря, новая Россія, съ ея зарождающимся флотомъ и великими зачинаніями, пріобрѣла бы тотъ морской выходъ, который такъ необходимъ былъ Петру для его преобразовательныхъ плановъ.

Одолѣть Швецію, располагавшую прекрасною арміей подъ руководствомъ воинственнаго и отважнаго короля, для тогдашней Россіи было трудно. Необходимы были союзники. Только тогда, когда удалось заключить союзные договоры съ Даніей,

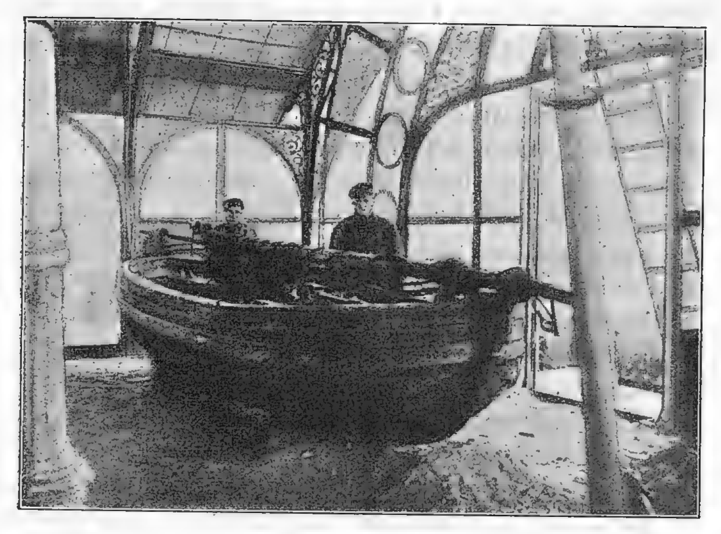
Саксоніей и Польшей, русскій царь рѣшился объявить войну Швеціи.

Начало войны ознаменовалось для насъ крупной неудачей: русская армія, еще неопытная въ военномъ дѣлѣ, была разбита подъ Нарвой. Къ счастью, этотъ успѣхъ внушилъ молодому шведскому королю Карлу XII слишкомъ презрительное отношеніе къ силамъ Россіи: онъ обратилъ свои войска противъ Августа II короля польскаго, оставивъ въ Ингерманландіи лишь незначительные отряды.

Петръ отлично воспользовался оплошностью противника и сосредоточилъ военныя дѣйствія въ мѣстности, прилегавшей къ Невѣ. Сюда была направлена сохранившаяся послѣ нарвскаго погрома армія, и сюда же стекались вновь создаваемые полки, преимущественно драгунскіе. Такъ какъ артиллерія была потеряна подъ Нарвой, то принялись готовить новую, переливая даже часть церковныхъ колоколовъ на пушки и мортиры.

Осенью 1702 года, у юго-западнаго берега Ладожскаго озера собралось до 10 тысячъ русскаго войска, съ артиллеріей. Была и конница, которою уже умѣли пользоваться для развѣдокъ. При р. Свири усердно работала корабельная верфь, спуская на воду мелкія суда, годныя для дѣйствія на Невѣ. Но провести эти суда по бурному озеру было трудно; бури не разъ ихъ разсѣивали, и приходилось подолгу выжидать благопріятной погоды. Сказалась уже и тогда необходимость обходнаго канала.

Въ сентябрѣ Петръ самъ прибылъ изъ Архангельска въ Ладогу, и сохраняя для себя званіе бомбардирскаго капитана, вызвалъ изъ Лифляндіи

Ботикъ Петра Великаго, хранящійся въ Шлиссельбургѣ.

фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, которому и поручилъ главное начальствованіе надъ войсками въ Ингріи. Но душою и распорядителемъ военныхъ дѣйствій оставался конечно самъ Петръ.

Задуманный имъ главный ударъ направленъ былъ противъ небольшой шведской крѣпости Нотебурга, при истокѣ Невы, защищаемой гарнизономъ не болѣе 450 человѣкъ подъ начальствомъ Шлиппенбаха, но снабженной сильной артиллеріей, насчитывавшей до 140 орудій. Въ старину тутъ было русское укрѣпленьице Орѣшекъ, за 90 лѣтъ передъ тѣмъ перешедшее къ шведамъ и ими перестроенное.

Важное значеніе Нотебурга понятно: онъ служилъ опорою шведскимъ силамъ на Ладожскомъ озерѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ входъ въ

Неву, на которую Петръ уже смотрѣлъ, какъ на ближайшій путь къ морю. Поэтому военныя дѣйствія и должны были открыться взятіемъ Нотебурга.

Осада началась 1 октября. Наши отряды расположились на обоихъ берегахъ Невы и на отмеляхъ, поставивъ тамъ пушечныя и мортирныя батареи. Орудія дѣйствовали такъ усердно, что жерла раскалялись; за нѣсколько дней осады выпущено было болѣе 10 тысячъ ядеръ и бомбъ. Въ стѣнахъ крѣпости образовались провалы. Въ воскресенье 11 октября нетерпѣливый Петръ на разсвѣтѣ подалъ знакъ къ штурму. Бой произошелъ жестокій. Шведы оказали отчаянное сопротивленіе; русскіе настойчиво ломились впередъ, неся страшныя потери. Была минута, когда наступающіе дрогнули, и самъ Петръ усомнился въ успѣхѣ и приказалъ отступать. Но отважный князь Голицынъ, командовавшій семеновцами, не послушался приказанія, и прихвативъ также часть преображенцевъ, бросился на провалы. Завязался снова отчаянный бой. Шведы осыпали русскихъ картечью и ручными гранатами. Кн. Голицынъ, лично предводительствуя гвардейцами, взбѣжалъ наконецъ на стѣну крѣпости со знаменемъ въ рукахъ. Нотебургъ сдался.

Потери наши были несоразмѣрно велики: у насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными до полуторы тысячи человѣкъ. Петръ по этому поводу писалъ: „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ". Онъ торжествовалъ, сознавая значеніе этого древняго русскаго Орѣшка, и назвалъ его Шлиссельбургомъ, т. е. ключемъ-городомъ.

Взятіемъ Нотебурга закончились военныя дѣйствія 1702 года. Слѣдующему году выпала не менѣе

важная задача — овладѣть невскимъ устьемъ, т. е мѣстностью нынѣшняго Петербурга.

Тамъ, при впаденіи р. Охты въ Неву, стоялъ шведскій городокъ Ніеншанцъ или Канцы. Городокъ этотъ былъ значительнѣе Нотебурга: въ немъ находились лютеранская церковь и военный госпиталь съ большимъ садомъ. Крѣпость съ шестью бастіонами защищали 800 чел. гарнизона; на взморьѣ плавали шведскія военныя суда.

Утромъ 27 апрѣля 1703 года Шереметевъ съ значительными силами подступилъ къ Ніеншанцу и приказалъ ставить батареи. Петръ находился при войскѣ, и на другой же день, сдѣлавъ съ 4 ротами гвардейцевъ, посаженныхъ на лодки, развѣдку до взморья подъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости, оставилъ три роты на нынѣшнемъ Гутуевскомъ острову, въ видѣ засады.

30 апрѣля русская артиллерія начала громить крѣпость. Огонь продолжался до слѣдующаго утра. Шведы не отважились ждать приступа и вступили въ переговоры. Имъ дозволили выйти въ Выборгъ. Преображенцы торжественно вступили въ сдавшійся городъ, названный Петромъ Шлотбургомъ.

Между тѣмъ шведская эскадра, не зная о сдачѣ Ніеншанца, спѣшила къ нему на помощь, и 5 мая показалась въ устьѣ Невы. Кромѣ шлюпокъ, тутъ были два корабля съ 24 пушками на обоихъ, подъ командою вице-адмирала Нумерса. Петръ, располагавшій только невооруженными лодками, рѣшился аттаковать непріятельскую флотилію. Посадивъ отрядъ пѣхоты на мелкія суденышки, онъ ночью подплылъ къ шведамъ изъ за Гутуевскаго острова, и подъ жестокимъ огнемъ со всей эскадры, бросился на два ближайшихъ корабля. Съ топоромъ

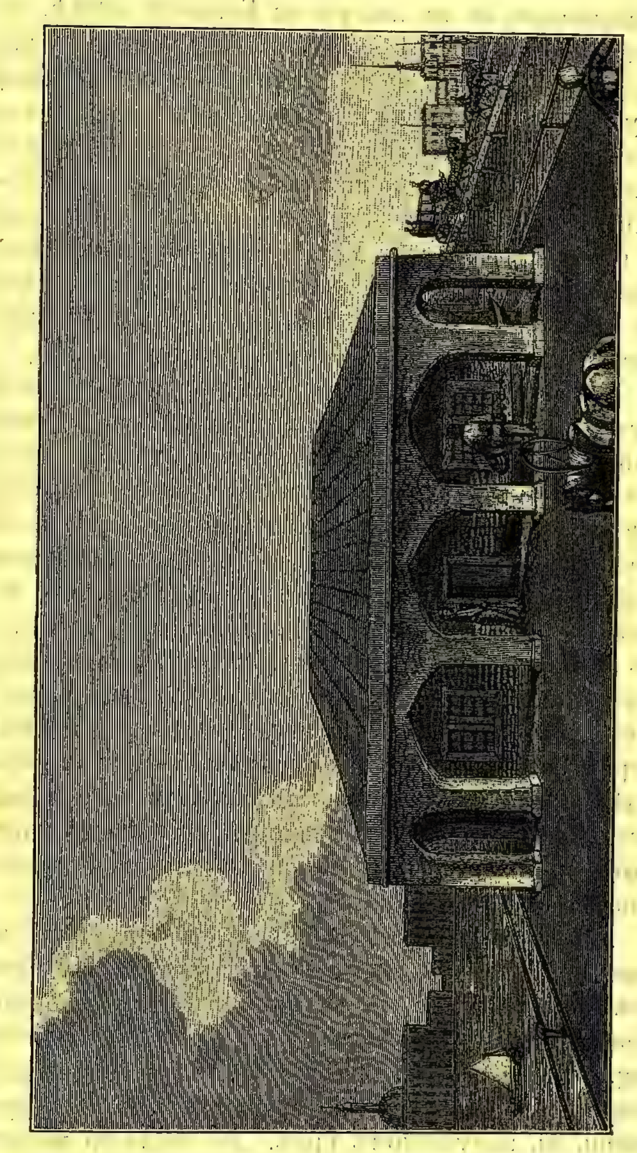
и ручной гранатой въ рукахъ, онъ впереди своего отряда первый взошелъ на бортъ 14-пушечнаго судна. Началась кровавая рукопашная схватка. Такъ какъ шведы, по словамъ Петра, „пардонъ зѣло поздно закричали", то русскіе почти всѣхъ ихъ перекололи; изъ 80 челов. команды на обоихъ

А. Д. Меншиковъ.

корабляхъ осталось въ живыхъ только 13 челов. Изъ двухъ командировъ одинъ былъ убитъ, а другой раненый взятъ въ плѣнъ, и впослѣдствіи перешелъ въ русскую службу.

Велика была радость Петра по поводу этой первой морской побѣды. Онъ торжественно от-

Домикъ Петра Великаго въ началѣ XIX вѣка.

праздновалъ ее въ лагерѣ на Большой Охтѣ, въ виду поставленныхъ на Невѣ, съ бою взятыхъ шведскихъ судовъ, и не отклонилъ пожалованной ему генералъ-адмираломъ Головинымъ награды — ордена св. Андрея Первозваннаго. Отличіе было безусловно заслужено личною храбростью и распорядительностью царя. Такой же награды удостоился и царскій любимецъ Меншиковъ, лично участвовавшій въ дѣлѣ. Остальнымъ были розданы медали съ надписью, выражавшею взглядъ Петра на одержанную побѣду: „Небываемое бываетъ“.

Такимъ образомъ мѣстность, занятая нынѣ Петербургомъ, была въ рукахъ Петра. Съ свойственной ему поспѣшностью, онъ тотчасъ же обозрѣлъ все широкое невское устье, высматривая наиболѣе удобное мѣсто для закладки крѣпости. Обезопасить такимъ образомъ только что пріобрѣтенный водный путь было необходимо въ виду того, что въ Выборгѣ стояли значительныя шведскія силы, а въ Финскомъ заливѣ разгуливала шведская эскадра. Такъ какъ Ніеншанцъ стоялъ на правомъ берегу Невы, то весьма естественно, что на этотъ правый берегъ наиболѣе обращено было вниманіе Петра. Здѣсь онъ въ особенности оцѣнилъ положеніе островка Енисари, отдѣленнаго протокомъ отъ нынѣшней Петербургской стороны, и избралъ его для заложенія крѣпости.

Мысль о постройкѣ здѣсь столицы еще не выяснилась въ то время въ умѣ Петра. Но безъ сомнѣнія онъ уже вполнѣ понималъ значеніе этой крайней точки русскихъ владѣній, граничащей съ моремъ, и былъ полонъ широкихъ и величавыхъ замысловъ. Воображеніе его уже создавало новую жизнь въ полу-дикомъ краѣ. Это была та минута

въ жизни Петра и Россіи, которую изобразилъ Пушкинъ въ своихъ чудныхъ стихахъ:

На берегу пустынныхъ волнъ.
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко;
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...
И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ".

Строиться и укрѣпиться на новомъ мѣстѣ Петръ желалъ немедленно. Уже 14 мая онъ вновь осмотрѣлъ невское устье и островъ впереди нынѣшней Петербургской стороны, и указалъ тамъ мѣсто для храма во имя апостоловъ Петра и Павла. 16 мая, въ день пятидесятницы, приступлено было и къ закладкѣ крѣпости. Въ этотъ день въ лагерѣ отслужена была литургія, послѣ чего Петръ съ большою свитою отправился на лодкахъ внизъ по Невѣ, и высадившись на островѣ, присутствовалъ при освященіи избраннаго мѣста, и вслѣдъ затѣмъ, съ заступомъ въ рукахъ, подалъ знакъ къ началу землекопныхъ работъ. Когда

первый ровъ достигъ уже двухъ аршинъ глубины, въ него опустили высѣченный изъ камня ящикъ, въ который Петръ поставилъ золотой ковчегъ съ частицею мощей апостола Андрея, и закрывъ ящикъ каменною же плитою, убралъ его собственноручно вырѣзанными кусками дерна.

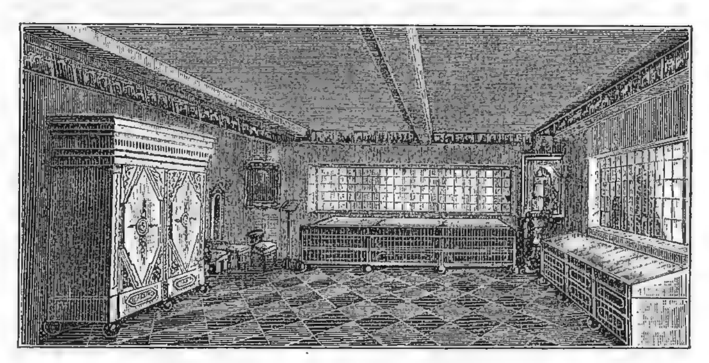
Одна любопытная старинная рукопись передаетъ такую подробность. Когда Петръ взялся за заступъ, съ высоты спустился орелъ и парилъ надъ островомъ. Царь, отойдя въ сторону, срубилъ двѣ тонкія березки, и соединивъ ихъ верхушки, поставилъ стволы въ выкопанныя ямы. Такимъ образомъ эти двѣ березки должны были обозначать мѣсто для воротъ будущей крѣпости. Орелъ опустился и сѣлъ на березки; его сняли оттуда, и Петръ, обрадованный счастливымъ предзнаменованіемъ, перевязалъ орлу ноги платкомъ и посадилъ его къ себѣ на руку. Такъ онъ сошелъ, съ орломъ на рукѣ, въ яхту, при торжественной пушечной пальбѣ. Въ лагерѣ всей свитѣ и духовенству предложенъ былъ обѣдъ. Веселье продолжалось за полночь, и пушки не уставали палить.

Та же рукопись поясняетъ со словъ жителей Петербургской стороны, что орелъ этотъ давно уже жилъ на островѣ. Его нашли тамъ шведскіе солдаты, сторожившіе королевскіе лѣса, и сдѣлали ручнымъ. Въ послѣдствіи онъ содержался въ крѣпости, и на продовольствіе его назначено было жалованье.

Городокъ, заложенный 16 мая, названъ былъ Санктъ-Петербургомъ, въ память св. апостола Петра.

Необходимо оговориться, что сохранившіяся историческія свѣдѣнія объ основаніи Петербурга

не отличаются безусловною достовѣрностью. Въ преображенскомъ походномъ журналѣ говорится, что 11 мая Петръ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Шлиссельбургъ, 14 мая былъ на сясскомъ устьѣ, 16 мая проѣхалъ еще далѣе, и 17 мая прибылъ на Лодейную пристань. Такимъ образомъ, если вѣрить этому дневнику, 16 мая Петра не было въ Петербургѣ. Поэтому многіе принимаютъ за день основанія новой столицы 29 іюня 1703 года, когда совершена была закладка храма свв. Петра и

Комната въ домикѣ Петра Великаго.

Павла. Достойно вниманія также, что ни въ какихъ современныхъ документахъ имя С.-Петербурга не упоминается ни въ маѣ, ни въ іюнѣ того года; мѣстность эта сохраняла имя Шлотбурга. Такая сбивчивость свѣдѣній отчасти объясняется тѣмъ, что Петръ всѣ свои дѣйствія въ невскомъ устьѣ предпочиталъ сохранять до поры до времени въ тайнѣ, чтобы не привлечь особеннаго вниманія шведовъ. Повидимому, правдоподобнѣе всего предположить, что 16 мая дѣйстви-

тельно приступлено было къ работамъ по возведенію Петербургской крѣпости, а 29 іюня состоялась, въ предѣлахъ уже строющейся крѣпости, закладка храма свв. Петра и Павла. Возможно, что и личная скромность Петра побуждала его не спѣшить съ широкой оглаской имени, даннаго городу какъ въ память апостола Петра, такъ и въ честь самого царя.

Достовѣрно во всякомъ случаѣ, что ни столицей, ни резиденціей Петербургъ въ то время еще не считался. Въ немъ видѣли пока будущій морской портъ, создаваемый для торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній съ Европой. Поздравляя Петра со взятіемъ Ніенщанца, одинъ изъ состоявшихъ въ русской службѣ иноземцевъ выразился, что этимъ городомъ „отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ“. Таковъ, вѣроятно, былъ и первоначальный взглядъ самого Петра на значеніе новаго городка. Но это не мѣшало ему цѣнить и городокъ, и всю прилегающую къ Невѣ область необычайно высоко. Когда впослѣдствіи шли переговоры съ Турціей о мирѣ, Петръ, предвидя, что турки будутъ хлопотать за шведовъ, согласился пойти на уступку Лифляндіи, но только не Ингріи; въ крайнемъ же случаѣ готовъ былъ отдать шведамъ даже Псковъ, но не Петербургъ

Воинственный соперникъ Петра, шведскій король Карлъ XII судилъ иначе. По свидѣтельству Голикова, узнавъ о заложеніи Петербурга, онъ выразился: „Пусть царь занимается пустою работою—строить города, а мы оставимъ себѣ славу брать оные“.

Послѣдствія показали, что изъ двухъ героевъ русскій царь былъ прозорливѣе.

II.

Оборона Петербурга. — Приходъ перваго купеческаго корабля. — Пріѣздъ царской семьи. — Послѣднія попытки шведовъ оттѣснить русскихъ отъ невскаго устья.

Невское устье было въ рукахъ Петра, но приходилось спѣшно укрѣпляться на новомъ мѣстѣ, чтобъ отбиваться отъ готовившихся къ нападенію шведовъ. Работы въ крѣпости закипѣли. Войска придвинулись изъ шлотбургскаго лагеря къ самому Петербургу, и занялись постройкой бастіоновъ (раскатовъ). Къ нимъ присоединили рабочихъ, собранныхъ изъ окрестныхъ городовъ и деревень, и такъ горячо принялись за дѣло, что къ 29 іюня были уже готовы казармы въ отдѣленіи, которымъ завѣдывалъ Меншиковъ, и въ тотъ день Петръ могъ уже дать тамъ банкетъ своимъ приближеннымъ. Наблюденіемъ за постройкой другихъ бастіоновъ завѣдывали Головинъ, Зотовъ, кн. Трубецкой, Нарышкинъ и самъ царь. Для продовольствованія собраннаго народа устроено было въ Новгородѣ главное провіантское управленіе, а въ Ладогѣ и Шлиссельбургѣ временные склады всякихъ запасовъ. Отпускомъ всего требуемаго завѣдывали выборные присяжные цѣловальники, исправность которыхъ обезпечивалась круговою порукою волостей. На Свири въ то же время дѣятельно строили суда, въ которыхъ съ заложеніемъ Петербурга настала крайняя надобность: на взморьѣ все лѣто плавали 9 шведскихъ кораблей, и не имѣя своей флотиліи, нельзя было прогнать ихъ.

Шведы пытались грозить Петербургу и съ сухого пути. Въ началѣ іюля Петръ узналъ, что къ р. Сестрѣ подошелъ шведскій генералъ Кроніортъ.

Взявъ четыре драгунскихъ полка и два пѣхотныхъ, Петръ быстро двинулся противъ него, и 7 іюля нанесъ ему жестокое пораженіе. У шведовъ было 13 орудій, и они занимали выгодную позицію на переправѣ, расчитывая притомъ на помощь эскадры, стоявшей у острова Котлина. Но Петръ рѣшительнымъ натискомъ смялъ непріятеля и обратилъ его

Часовня Спасителя въ домикѣ Петра Великаго.

въ бѣгство. Бросивъ мостъ и переправу, шведы узкимъ проходомъ ушли на возвышенность, откуда наша конница загнала ихъ въ лѣсъ, произведя въ ихъ рядахъ страшное опустошеніе: до тысячи человѣкъ было порублено, въ томъ числѣ много офицеровъ; не мало погибло также отъ ранъ въ лѣсу. Съ нашей стороны потеря была сравнительно ничтожная: 32 убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Дѣло

Императоръ ПЕТРЪ I.

Домикъ Петра Великаго въ настоящее время.

вообще было блестящее. Петръ принималъ въ немъ горячее личное участіе. Паткуль упрекалъ царя, что рискуя наравнѣ съ простыми солдатами, онъ подвергаетъ опасности государство. Петръ только усмѣхнулся на это, и со свойственной ему скромностью исключилъ изъ реляціи все до него касавшееся, приписавъ весь успѣхъ дѣла командиру отряда, генералу Чамберсу. Кроніортъ ушелъ въ Финляндію, отказавшись помѣшать русскимъ строить Петербургъ.

Успокоенный съ этой стороны, Петръ уѣхалъ на Свирь, торопить съ постройкою судовъ. Въ октябрѣ онъ уже вывелъ оттуда въ Неву цѣлую флотилію, среди которой былъ даже большой фрегатъ. Теперь онъ могъ осмотрѣть Финскій заливъ, не опасаясь шведской эскадры. На шлюпкѣ, среди плавающихъ льдинъ, онъ объѣхалъ кругомъ островъ Котлинъ, и понявъ его важное положеніе противъ невскаго устья, тщательно самъ промѣрилъ глубину обоихъ фарватеровъ и выбралъ мѣсто для постройки укрѣпленія. Наблюденіе за работами на Котлинѣ царь поручилъ петербургскому губернатору Меншикову, но модель укрѣпленія взялся сдѣлать самъ. Ранней весной слѣдующаго года тамъ уже закипѣла работа: рубили изъ бревенъ ряжи, нагружали ихъ камнемъ и опускали на дно. Пока еще держался ледъ, перетащили изъ Петербурга орудія и вооружили ими бастіоны, защищавшіе подступъ съ моря. Въ апрѣлѣ все уже поспѣло, и 4 мая Петръ въ своемъ присутствіи освятилъ новую крѣпость, назвавъ ее Кроншлотомъ.

Особенную радость доставилъ Петру приходъ въ Петербургъ перваго иностраннаго купеческаго корабля. Это случилось еще въ ноябрѣ 1703 года.

Голландское судно, съ виномъ и солью, направлялось въ Нарву, но такъ какъ городъ этотъ въ то время былъ осажденъ русскими войсками, то предпріимчивый шкиперъ рѣшилъ идти въ Петербургъ и тамъ продать грузъ. По другимъ свѣдѣніямъ, судно принадлежало саардамскимъ купцамъ, лично знавшимъ Петра и поспѣшившимъ завязать сношеніе съ первымъ русскимъ портомъ. Сохранилось преданіе, будто Петръ, подъ видомъ лоцмана, самъ ввелъ судно въ Неву и поставилъ его на якорь какъ разъ передъ домомъ Меншикова. Преданіе это очевидно вымышленное, такъ какъ самого Петра въ то время не было въ Петербургѣ. Но Меншиковъ, хорошо знавшій желанія и виды царя, принялъ этого перваго торговаго гостя изъ за моря съ необыкновенною щедростью. Весь товаръ былъ тотчасъ купленъ за счетъ казны, шкиперу подарено было 500 золотыхъ, а матросамъ по 15 тогдашнихъ русскихъ рублей каждому. При этомъ было обѣщано, что когда придетъ второй корабль, шкиперъ получитъ 300 золотыхъ, и когда придетъ третій— 150 золотыхъ. Объ этихъ преміяхъ тогда же сообщили для всеобщаго свидѣнія данцигскія газеты.

Между тѣмъ шведы, хотя и дѣйствовавшіе чрезвычайно вяло, не оставляли надежды отбить русскихъ отъ невскаго берега. Попытки оттѣснить насъ дѣлались и съ суши, и съ моря. Въ маѣ 1704 г. шведскій вице-адмиралъ Депру подошелъ къ острову Котлину съ значительной эскадрой. Тамъ уже стояла наша флотилія, приведенная изъ Сяси и Свири вице-адмираломъ Крюйсомъ. Депру выжидалъ въ теченіи мѣсяца, чтобы русскіе напали на него со своими сравнительно слабыми силами; но не дождавшись, рѣшился самъ произвести

высадку на островъ и разрушить возведенное тамъ укрѣпленіе. Крюйсъ распорядился очень искусно: поставивъ два пѣхотныхъ полка позади батарей, онъ запретилъ отвѣчать на выстрѣлы. Шведская канонада не причиняла намъ почти никакого вреда; но Депру, не слыша нашихъ орудій и предполагая что кроншлотскія батареи сбиты, направилъ туда дессантъ на шлюпкахъ. По причинѣ мелководья, шлюпки не могли близко подойти; люди пошли въ бродъ и были неожиданно встрѣчены ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ нашего притаившагося отряда. Въ рядахъ шведовъ произошло смятеніе; часть ихъ бросилась назадъ къ своимъ шлюпкамъ, но другіе храбро шли впередъ, и были всѣ захвачены въ плѣнъ нашею спрятанною въ засадѣ пѣхотою. Непріятельскія суда также значительно пострадали отъ нашихъ батарей. Неудача эта такъ разстроила шведовъ, что эскадра ихъ простояла все лѣто за Котлиномъ въ полномъ бездѣйствіи.

Не болѣе успѣха имѣли шведы и на сушѣ. Неспособнаго Кроніорта смѣнилъ болѣе предпріимчивый баронъ Мейдель, но и ему не удалось подступить къ Петербургу внезапно. Наши генералы уже умѣли пользоваться кавалеріей, которая въ іюлѣ 1704 года и открыла присутствіе шведовъ. Ускакавъ безъ потерь отъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, конница наша донесла петербургскому коменданту Брюсу о готовящемся нападеніи. Быстро были приняты мѣры обороны. На Аптекарскомъ островѣ (тогдашній Карпи-саари) въ одну ночь возведены были батареи, а предъ ними, поперекъ Невки, поставленъ былъ фрегатъ. Мейдель высадился 12 іюля на Каменномъ острову, но встрѣченный огнемъ съ нашихъ батарей и фрегата, от-

ступилъ и скрылся. Въ началѣ августа онъ снова попытался подойти къ Петербургу со стороны Большой Охты, засѣлъ въ разрушенныхъ веркахъ Ніеншанца, и сталъ готовиться къ переправѣ черезъ Неву. Оттуда онъ прислалъ Брюсу высокомѣрное письмо, въ которомъ предлагалъ сдать ему Петербургъ и удалиться съ береговъ Невы. Брюсъ отвѣтилъ трехдневной канонадой, послѣ чего шведы, понеся значительныя потери и не надѣясь болѣе на помощь своей эскадры, ушли къ Кексгольму, уничтоживъ все заготовленное для переправы.

Неудачи эти раздражали шведовъ, и они замыслили повести въ слѣдующемъ году болѣе рѣшительныя дѣйствія и собрать достаточныя силы. Предъ Котлиномъ появился адмиралъ Анкерштернъ съ большою эскадрою, въ составѣ которой было 8 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ. Армія Мейделя усилена была до 10 тысячъ чел. Положено было дѣйствовать одновременно съ моря и съ суши.

Въ виду этого Крюйсъ перегородилъ рогатками фарватеръ, поставилъ новую батарею съ 28 орудіями, и расположилъ на Котлинѣ два пѣхотныхъ полка, Толбухина и Островскаго. 4 іюня 1705 г. шведская эскадра рано утромъ построилась противъ нашихъ батарей и открыла огонь изъ всѣхъ орудій. Къ полудню пальба затихла, и на шлюпки спущенъ былъ дессантъ въ 2 тыс. чел. Наши отразили шведовъ. На слѣдующій день нападеніе было повторено, и опять безъ успѣха. Въ воскресенье 10 іюня въ третій разъ, послѣ жестокой пальбы съ эскадры, шведы пытались высадиться, и снова были отбиты съ урономъ. Часть эскадры пробовала въ то же время пробраться сѣвернымъ фарвате-

ромъ, но наши галеры нанесли шведскимъ судамъ столько пробоинъ, что непріятель счелъ за лучшее удалиться. Только 14 іюля Анкерштернъ появился вновь, доведя свои силы до 24 вымпеловъ, и въ послѣдній разъ произвелъ рѣшительное нападеніе, подготовленное бомбардировкой. Но русскіе отразили враговъ съ полнымъ успѣхомъ, нанеся имъ чувствительный уронъ.

Между тѣмъ Мейдель, послѣ неудачнаго нападенія на Каменный островъ, дошелъ лѣсами до Тосны и переправился на лѣвый берегъ Невы. Здѣсь настигли его русскіе отряды, вступили съ нимъ въ бой у Пильной мельницы, и принудили переправиться обратно за Неву. Испытавъ еще частную неудачу у р. Черной, гдѣ горсть русскихъ три раза отбила отчаянныя аттаки шведовъ, Мейдель отступилъ къ Выборгу.

Аксештернъ со своей сильной эскадрой простоялъ въ бездѣйствіи до октября, и наконецъ удалился. Тогда и Крюйсъ ввелъ свою флотилію въ Неву, и проходя мимо петропавловской крѣпости, салютовалъ ей. По странной оплошности, изъ крѣпости ему не отвѣчали. Крюйсъ обидѣлся и принесъ жалобу.

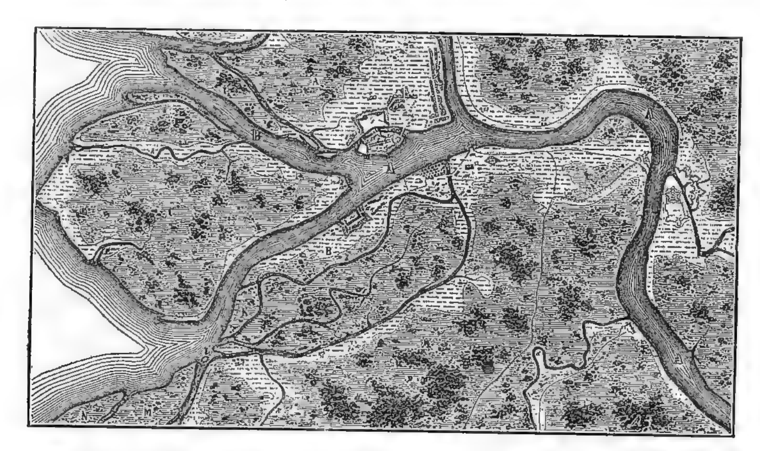
Пока Петербургъ оборонялся такимъ образомъ отъ наступавшихъ съ моря и съ суши враговъ, русскія войска овладѣвали окрестной страной. Шереметевъ взялъ Копорье и Ямбургъ, и наконецъ вся Ингрія была въ русскихъ рукахъ. Въ Москвѣ, въ присутствіи царя, эти событія были торжественно отпразднованы.

Съ строительными работами въ Петербургѣ спѣшили. Со всей Россіи собрали сюда до двадцати тысячъ людей по особому наряду, для земляныхъ,

плотничьихъ и каменныхъ работъ. Земства, наряжая этихъ людей, обязаны были отпускать для нихъ и кормъ на все время работъ.

Въ русскомъ обществѣ, которое въ большинствѣ своемъ мало сочувствовало нововведеніямъ Петра, создалось преданіе, будто положеніе рабочихъ, строившихъ Петербургъ, было очень тяжелое, будто они гибли отъ болѣзней и плохого содержанія, и проч. Разсказы эти однако ничѣмъ не подтверждаются. Рабочіе созывались двухмѣсячными смѣнами, и по окончаніи срока тотчасъ распускались. Въ случаѣ недостатка припасовъ, изъ казенныхъ складовъ хлѣбъ и все нужное отпускалось заимообразно. Работы продолжались отъ Благовѣщенія до послѣднихъ чиселъ сентября, и на зимніе мѣсяцы никто изъ очередныхъ не удерживался. Непривычные къ климату подвергались преимущественно желудочнымъ заболѣваніямъ; противъ этого недуга аптекарь Левкенсъ изобрѣлъ настойку изъ сосновыхъ шишекъ.

Больше всего рабочіе, какъ и остальные жители Петербурга, терпѣли отъ наводненій. Почва невскаго устья еще не была искусственно повышена, и понятно, что въ то время рѣка даже при незначительномъ подъемѣ воды затопляла острова и берега. Наводненія начались съ первыхъ же лѣтъ. Въ ночь на 5 октября 1705 года Нева затопила даже лѣвый берегъ, подмочила сложенные на адмиралтейскомъ дворѣ припасы и разрушила много домовъ. Въ сентябрѣ слѣдующаго года Петръ былъ разбуженъ прибылью воды въ своемъ домикѣ на Петербургской сторонѣ. Наводненіемъ залило и такъ называемыя „полковничьи хоромы“, выстроенныя для командировъ полковъ; по словамъ

Планъ мѣстности Петербурга въ 1705 г.

царя, вода тамъ доходила до 21 дюйма надъ поломъ, „а по улицамъ вездѣ ѣздили на лодкахъ“. Понятно, что заботы Петра съ самаго начала были направлены къ тому, чтобы при застройкѣ города укрѣпить и поднять почву и дать правильный истокъ водамъ. Этимъ объясняется множество каналовъ, прорѣзывавшихъ первоначальный планъ Петербурга.

Между тѣмъ шведы не прекращали попытокъ оттѣснить русскихъ отъ взморья. Положеніе Петра стало тѣмъ затруднительнѣе, что его союзникъ Августъ II потерялъ бодрость и удалился въ Саксонію. Шведскій король въ январѣ 1705 года неожиданно бросился на Гродно, гдѣ стояла русская вспомогательная армія. Это заставило Петра поспѣшить въ Литву, соединить разбросанные тамъ отряды въ 15-тысячный корпусъ, и отдать его въ распоряженіе Меншикова, съ приказомъ освободить запертые въ Гродно полки. Въ мартѣ цѣль

эта была достигнута, и царь, торжествуя, прибылъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ будущей императрицей Екатериной, которая уже сопровождала его во всѣхъ походахъ.

Тогда Петербургъ впервые сдѣлался мѣстомъ празднествъ и веселья. Петръ, шутя, назвалъ его своимъ „парадизомъ“ и говорилъ, что ведетъ тутъ „райское житье“. Къ царю съѣхались его сподвижники, русскіе и иноземные; едва зарождающійся городокъ принялъ видъ резиденціи. Благодарственное молебствіе сопровождалось пальбою изъ крѣпости и съ кораблей. Въ домѣ Меншикова данъ былъ большой парадный обѣдъ съ тостами. Торжественнымъ пиромъ отпразднована была также закладка перваго судна въ новомъ адмиралтействѣ, наскоро возведенномъ на лѣвомъ берегу Невы. Въ крѣпости приступили къ постройкѣ каменныхъ бастіоновъ на мѣстѣ деревянныхъ.

Первоначальная церковь св. Троицы на Петербургской сторонѣ.

Невская флотилія, предводимая царемъ, вышла

въ море. Огибая Котлинъ, Петръ первый замѣтилъ появленіе шведскаго флота и извѣстилъ о томъ Крюйса сигналами, но по какой-то причинѣ сигналы не были поняты. Шведы, впрочемъ, держались въ отдаленіи. Нѣсколько позднѣе, въ концѣ іюля, напомнилъ о себѣ и баронъ Мейдель. Онъ переправился черезъ Неву близь Ижоры, намѣреваясь подступить къ Петербургу по незащищенной новгородской дорогѣ. Но его во время замѣтили и выставили войско на рѣчкѣ Славянкѣ. Мейдель, избѣгая боя, переправился обратно и бѣжалъ.

Въ октябрѣ русскіе перешли въ наступленіе и приблизились къ Выборгу. Послѣ жестокаго боя войска наши овладѣли внѣшними шанцами и захватили брошенныя шведами пушки. Въ сумеркахъ отрядъ охотниковъ, изъ 3 офицеровъ и 27 солдатъ, наткнулся нечаянно на 4-пушечный ботъ, и принявъ его за купеческій, бросился на него. Произошла отчаянная рѣзня, въ которой пало до 80 шведовъ Наши овладѣли судномъ, и не смотря на поданную ему помощь съ другаго бота, съ торжествомъ увели въ лагерь этотъ рѣдкій призъ. Но и храбрецы наши сильно пострадали: изъ 30 человѣкъ только семеро солдатъ остались не ранеными. Петръ произвелъ ихъ въ офицеры, а тѣла убитыхъ героевъ приказалъ съ большими почестями похоронить въ Петербургѣ.

Отъ Выборга впрочемъ пришлось отступить, такъ какъ за бурною погодой нельзя было пользоваться флотиліей. За то Петра вскорѣ утѣшило радостное извѣстіе: 4 ноября пришло къ нему въ Петербургъ письмо Меншикова, сообщавшее о блестящей побѣдѣ, одержанной имъ надъ шведскимъ

генерамъ Мардефельдомъ подъ Калишемъ. Шведы занимали мало-доступную позицію, среди рѣкъ и болотъ. Русскіе отважно напали на нихъ, и послѣ трехъ-часоваго жестокаго боя разгромили совершенно, выбивъ изъ строя до 6 тысячъ человѣкъ. „Не въ похвалу доношу,—писалъ царю Меншиковъ: такая сія прежде небывалая баталія была, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле мертвыми тѣлами устлано". Жестокіе нравы вѣка допускали такія выраженія... Но Петръ имѣлъ основанія торжествовать: битва подъ Калишемъ, гдѣ обѣ стороны „зѣло регулярно" дѣйствовали, возстановляла равновѣсіе между учениками и учителями, и какъ бы предзнаменовала полтавскую побѣду. Царь рѣшилъ отпраздновать радостное извѣстіе со всею торжественностью: послѣ молебствія три раза палили изъ пушекъ, и затѣмъ въ домѣ Меншикова данъ былъ трехдневный пиръ. Виновника побѣды Петръ теперь иначе не называлъ, какъ Herzenskind—дитя моего сердца.

Лѣтомъ 1707 года шведская эскадра опять показалась передъ Котлинымъ, но уклонялась отъ встрѣчи съ нашими судами. Русскіе дѣлали поиски по направленію въ Выборгу, и имѣли мелкія сшибки съ непріятелемъ. Одну изъ нихъ, болѣе значительную, отпраздновали пальбой съ крѣпости и изъ адмиралтейства. Петръ былъ на западной границѣ, наблюдая за Карломъ XII, и вернулся въ Петербургъ только въ октябрѣ. Пользуясь концомъ навигаціи, онъ плавалъ въ заливѣ, показывалъ своимъ гостямъ Кроншлотъ, и однажды попалъ подъ выстрѣлы съ шведскаго корабля. Затѣмъ осматривалъ Стрѣльну и выбралъ тамъ мѣсто для дворца.

23 ноября, въ день имянинъ Меншикова, возведеннаго за калишскую побѣду въ княжеское достоинство, Петербургъ въ первый разъ увидалъ фейерверкъ и иллюминацію. На четырехъ улицахъ, выходившихъ къ крѣпости, разставлены были транспаранты съ соотвѣтствующими изображеніями и надписями.

Не радостно начался 1708 годъ. Война съ шведами принимала рѣшительный оборотъ. Союзникъ Петра, король Августъ II, отпалъ отъ него и примирился съ Карломъ XII. Вся тяжесть борьбы съ воинственнымъ героемъ лежала теперь на одной Россіи. Неизвѣстность, гдѣ именно надо ждать вторженія, заставляла дробить и передвигать наши войска. Петръ измучился, разъѣзжая по западному краю и приготовляя мѣры обороны. Здоровье измѣнило ему, и въ мартѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ совсѣмъ больной. Тридцати-пяти-лѣтнему богатырю пришлось слечь въ постель. У него показалась кровь горломъ, при полномъ изнуреніи. Приближенные испугались и дали знать царскому семейству въ Москву объ опасности. По весеннему бездорожью, сестры и невѣстки Петра пустились въ трудный путь въ Петербургъ. Больной между тѣмъ сталъ поправляться, и какъ только Нева вскрылась и прошелъ ледъ, выѣхалъ на встрѣчу роднымъ въ Шлиссельбургъ, приказавъ слѣдовать за собой и всему флоту. Торжественный въѣздъ царицы и царевенъ въ Петербургъ состоялся 25 апрѣля. Адмиралъ Апраксинъ встрѣтилъ ихъ на своей яхтѣ за 4 версты выше города и ввелъ на пристань предъ домомъ Меншикова, гдѣ для нихъ приготовлено было помѣщеніе. Собственный домикъ Петра былъ очень малъ и до крайности

просто устроенъ, поэтому для всѣхъ торжественныхъ случаевъ царь пользовался домомъ своего любимца, самымъ большимъ и богатымъ во всемъ Петербургѣ. Его называли также „посольскимъ домомъ“, потому что здѣсь давались аудіенціи иностраннымъ посламъ.

День пріѣзда царицъ и царевенъ закончился пиромъ, а на другой день утромъ въ домѣ вспыхнулъ пожаръ, сильно всѣхъ напугавшій. Давъ своимъ царственнымъ гостьямъ время оправиться, Петръ 2 мая возилъ ихъ въ Кроншлотъ смотрѣть свой балтійскій флотъ, а 13 мая, въ день Вознесенья, предоставилъ имъ новое торжественное зрѣлище. Въ этотъ день происходила закладка второго каменнаго бастіона петропавловской крѣпости. Первый камень положилъ прибывшій изъ Москвы мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Стефанъ Яворскій; второй камень заложилъ царь, слѣдующіе — царицы, царевны и присутствовавшіе сановники. Торжество закончилось банкетомъ въ въ домѣ генералъ-провіантмейстера кн. Шаховскаго.

Въ іюнѣ Петръ долженъ былъ внезапно прервать леченіе и выѣхать къ арміи, такъ какъ отъ Меншикова пришло извѣстіе о вторженін Карла XII въ Украйну.

Между тѣмъ опасность угрожала и Петербургу. Шведскій король, зная что главныя русскія силы сторожатъ его на югѣ, приказалъ открыть рѣшительныя дѣйствія на сѣверѣ. Въ августѣ выступила изъ Выборга 13-тысячная армія генерала Либекера, и въ тоже время противъ острова Котлина собрался шведскій флотъ. У р. Тосны Либекеръ сталъ готовить переправу. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, завѣдывавшій обороною Петербурга

пытался помѣшать переправѣ, но шведы, прикрываясь огнемъ артиллеріи, успѣли перевезти на понтонныхъ плотахъ 500 чел., которые тотчасъ окопались на лѣвомъ берегу. Дальнѣйшая переправа совершилась безпрепятственно, и 30 августа вся шведская армія была уже на нашей сторонѣ Невы. Апраксинъ, успѣвшій стянуть свои силы, двинулся слѣдомъ за нею, безпрерывно ее тревожа, и наконецъ у Сойкиной мызы совсѣмъ ее окружилъ и отрѣзалъ ей всѣ сообщенія. Либекеръ возвелъ земляное укрѣпленіе и окопался, выжидая помощи съ моря. Но флотъ бездѣйствовалъ, а Апраксинъ 16 октября двинулъ войска на штурмъ, взялъ окопы, перебилъ третью часть шведской арміи, а 3 тыс. чел. взялъ въ плѣнъ. Пораженіе Либекера было полное, и грозившая Петербургу серьезная опасность счастливо миновала.

III.

Послѣднія попытки шведовъ оттѣснить русскихъ отъ Невы.— Празднества въ царской семьѣ.—Петербургъ въ первыя девять лѣтъ своего существованія.

Рѣшительный поворотъ въ военныхъ дѣйствіяхъ насталъ въ 1709 году, ознаменованномъ блестящею побѣдою надъ шведами подъ Полтавой. Карлъ XII, лично распоряжавшійся битвой, былъ разбитъ наголову и бѣжалъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Мазепой въ Турцію. Война еще далеко не кончилась, но шведы уже перестали быть грозными и опасными для Петра. Извѣщая генералъ-адмирала Апраксина о побѣдѣ, царь писалъ: „Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Санктъ-Петербурха положенъ“.

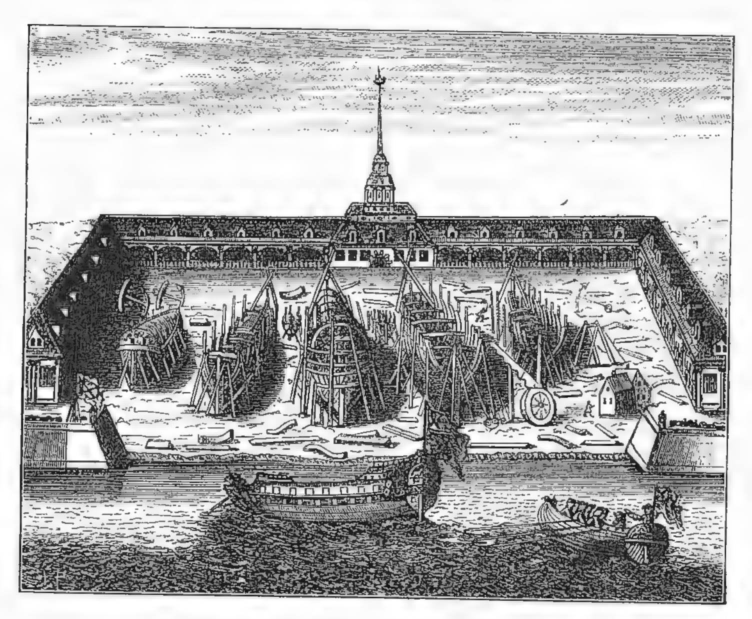
Самъ онъ прибылъ въ Петербургъ уже къ зимѣ, и 30 ноября далъ обѣдъ „господамъ петербургскимъ жителямъ“ въ частномъ трактирѣ, или въ австеріи, иностранца Фельтена, единственнаго тогдашняго ресторатора на берегахъ Невы. Банкетъ окончился фейерверкомъ и иллюминацiей.

Торжества по случаю полтавской побѣды происходили въ Москвѣ, которая все еще считалась столицею царства; но перенесеніе резиденціи въ Петербургъ было уже рѣшено въ умѣ Петра. Въ февралѣ 1710 г. онъ самъ туда вернулся и сталъ немедленно готовиться къ походу на Выборгъ, безъ занятія котораго не считалъ положеніе Петербурга вполнѣ безопаснымъ.

Русскія войска подошли къ Выборгу по льду, и устроивъ траншеи, открыли артиллерійскій огонь. Но городъ стойко держался два съ половиною мѣсяца, и только 13 іюня сдался на капитуляцію. Обрадованный Петръ выразился, что „устроена крѣпкая подушка Петербургу“. Вслѣдъ за Выборгомъ сдался русскимъ войскамъ и Кексгольмъ.

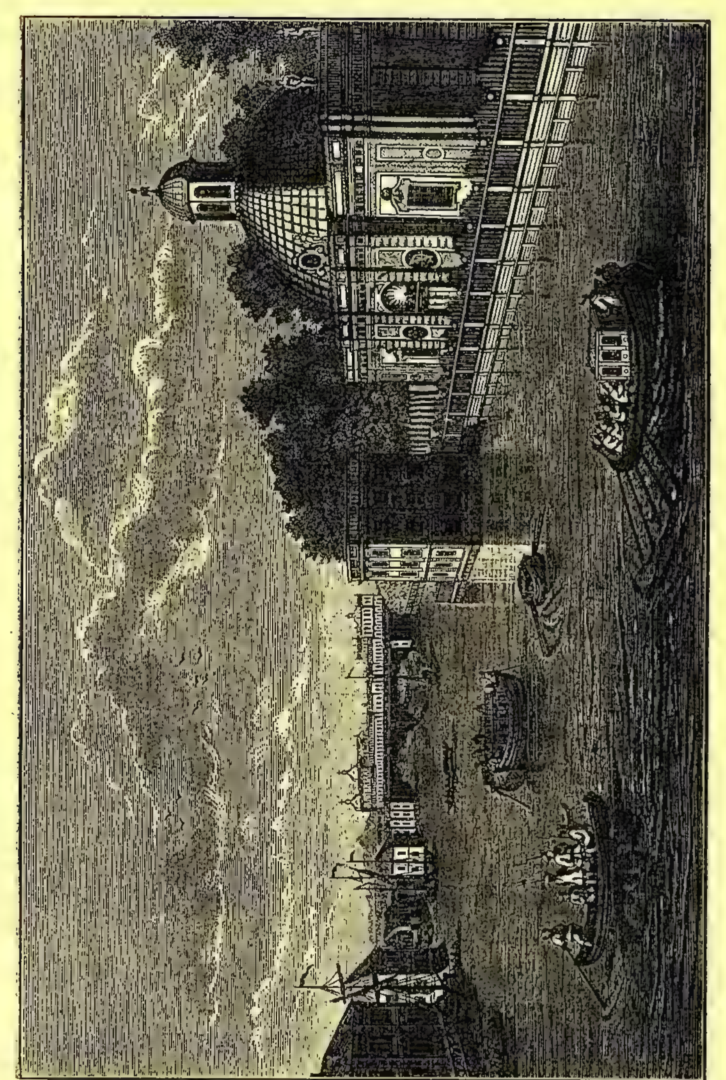
Въ послѣдній день октября 1710 года Петербургъ въ первый разъ видѣлъ большое придворное торжество, подобающее столицѣ: въ этотъ день происходило бракосочетаніе племянницы Петра, царевны Анны Ивановны, будущей императрицы, съ герцогомъ курляндскимъ. Для вѣнчанія избрана была церковь въ домѣ князя Меншикова на Васильевскомъ острову. Петръ хотѣлъ отпраздновать свадьбу съ возможною пышностью. Самъ онъ, вопреки своему обыкновенію, облекся въ парадное платье: красный кафтанъ съ бобровой оторочкой, съ шпагой на серебряной перевязи. На головѣ у него былъ высокій напудренный парикъ, на кото-

рый шляпы нельзя было надѣть, и приходилось держать ее въ рукѣ. Царь самъ везъ невѣсту къ вѣнцу по Невѣ въ катерѣ. На гребцахъ были голландскія куртки съ вышитыми серебряными гербами. На другомъ катерѣ слѣдовали нѣмецкіе музыканты, игравшіе на роговыхъ инструментахъ. Жениха привезли съ такою же торжественностью.

Адмиралтейство при Петрѣ Великомъ.

Царь держалъ вѣнецъ надъ герцогомъ, а Меншиковъ надъ царевною. По окончаніи вѣнчанія состоялся парадный обѣдъ тутъ же въ домѣ Меншикова. Обѣдъ сопровождался любимою забавою Петра: на оба главные стола поставили два громадныхъ кондитерскихъ пирога, изъ которыхъ среди общаго смѣха выскочили карликъ и карлица.

Фонтанка у Лѣтняго сада при Петрѣ Великомъ.

Петръ взялъ карлика на руки и перенесъ его къ карлицѣ, послѣ чего маленькая чета протанцовала, среди блюдъ и графиновъ, французскій менуэтъ. Когда смерклось, на невской набережной вспыхнули потѣшные огни и освѣтились транспаранты. На одномъ изъ транспарантовъ изображенъ былъ купидонъ, сковывающій молотомъ пылающія сердца, съ надписью: „два воедино соединяю". И надпись, и картина были придуманы самимъ царемъ.

Карлики вообще составляли одну изъ любимыхъ забавъ Петра, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ доставилъ себѣ и приближеннымъ новое развлеченіе — потѣшную свадьбу карлика и карлицы, на которую собрано было отовсюду до 70 маленькихъ человѣчковъ обоего пола.

Петербургъ, послѣ счастливаго оборота военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, понемногу начиналъ оживляться и кое-какъ застраиваться. Но весною слѣдующаго года Петру пришлось покинуть свою новую столицу: на Россію обрушилась война съ Турціей, и царь вмѣстѣ съ арміей отправился въ неудачный прутскій походъ. Неоправдавшіяся надежды добывать продовольствіе въ пострадавшей отъ неурожая мѣстности поставили русскую армію, окруженную турецкими полчищами, въ безвыходное положеніе. Пришлось вступить въ переговоры и заключить невыгодный миръ. Хотя армія была спасена, но трудности похода и его неудачная развязка разстроили желѣзное здоровье Петра: онъ долженъ былъ поѣхать лечиться въ Карлсбадъ. Послѣ того другія дѣла задержали Петра заграницей: устроилась свадьба сына его царевича Алексѣя съ принцессой брауншвейгской, невѣсткой императора Карла VI, и затѣмъ состо-

ялось политическое свиданіе съ прусскимъ королемъ. Въ Петербургъ Петръ возвратился только въ самомъ концѣ 1711 года.

Наступилъ 1712 годъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ первоначальной исторіи Петербурга, такъ какъ именно съ этого года онъ становится дѣйствительно резиденціей царскаго двора, и сосредоточиваетъ на себѣ неутомимыя заботы Петра.

Счастливое торжество ознаменовало первые мѣсяцы этого года: въ февралѣ состоялось бракосочетаніе Петра съ Екатериною Алексѣевной, раздѣлявшей въ послѣдніе годы всѣ путевые труды и лишенія царя, и оказавшей ему и государству важныя услуги во время несчастнаго прутскаго похода. Вѣнчаніе происходило въ тогдашнемъ Исакіевскомъ соборѣ, подлѣ адмиралтейства, въ десятомъ часу утра. Оттуда новобрачные проѣхали въ только что отстроенный „Зимній домъ", на мѣстѣ нынѣшняго эрмитажнаго театра. Къ предложенному тамъ обѣду были приглашены не только придворные, сановники, офицеры, иностранцы, но на этотъ разъ и жители Петербурга, чѣмъ нибудь заслужившіе вниманіе царя.

Петербургу шелъ тогда всего девятый годъ, и онъ не только не напоминалъ собою столицы, но даже не походилъ на значительный городъ. Военныя и другія заботы отвлекали пока Петра отъ дѣятельныхъ мѣръ къ застройкѣ новаго города. Притомъ, какъ мы знаемъ, въ первые годы мысль объ утвержденіи здѣсь столицы еще неясно представлялась его уму. Петербургу придавалось значеніе морскаго порта и „окна въ Европу", и только съ теченіемъ времени созрѣло твердое намѣреніе противопоставить его, какъ новую сто-

лицу, старой Москвѣ, и сдѣлать его центромъ обновленной государственной и культурной жизни. Такому рѣшенію содѣйствовали и успѣхи въ войнѣ со шведами, и завязавшіяся дѣятельныя сношенія съ иностранцами, и личное расположеніе Петра дѣлать свое новое дѣло на новой почвѣ.

Прежде чѣмъ войти въ широкіе планы Петра, какъ создателя Петербурга, взглянемъ, что представлялъ этотъ городокъ передъ тѣмъ какъ сдѣлаться столицей и резиденціей.

Изъ громаднаго пространства, на которомъ раскинулся нынѣшій Петербургъ, тогдашняя городская площадь занимала очень незначительную часть. Сплошныя застройки находились только въ ближайшей къ невскому берегу мѣстности Петербургской стороны, называвшейся тогда „Городскимъ островомъ". Тамъ была воздвигнута крѣпость, сначала бревенчатая, потомъ каменная. Къ ней прилегало нѣсколько улицъ, застроенныхъ небольшими домами, деревянными и изрѣдка „мазанками", т. е. наполовину кирпичными и наполовину деревянными. Набережная по обѣ стороны крѣпости была застроена до самой воды жалкими домишками и бараками, походившими на шалаши. На Васильевскомъ островѣ, называвшемся такъ еще во времена новгородскаго владѣнія, встрѣчались отдѣльныя постройки, и между ними самое большое и красивое зданіе—домъ кн. Меншикова. На Выборгской сторонѣ тоже было нѣсколько рядовъ очень бѣдныхъ строеній, и деревянная церковь св. Сампсонія, заложенная въ 1709 году въ память полтавской побѣды. Близь крѣпости находился деревянный соборъ во имя св. Троицы.

На лѣвомъ берегу Невы, гдѣ теперь располо-

женъ блестящій центръ столицы, выстроено было только зданіе адмиралтейства съ укрѣпленіями, и позади него церковь св. Исаакія. Кое-какія строенія попадались разбросанными до р. Мойки. Вся эта часть называлась „Адмиралтейскимъ островомъ". За Мойкой шли уже лѣса, болота и пустыри. Для царскаго жилья существовали: маленькій дворецъ, называемый нынче „домикомъ Петра Великаго" и принадлежавшій собственно государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и дворецъ побольше, „зимній", на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажа.

Такимъ образомъ, весь тогдашній Петербургъ заключался почти въ одной Петербургской сторонѣ, которую надо считать его колыбелью. Предпочтеніе, отданное первоначально правому берегу Невы, объясняется отчасти тѣмъ, что и шведскій Ніеншанцъ стоялъ на той же сторонѣ, отчасти же необходимостью избрать наиболѣе удобное мѣсто для возведенія укрѣпленій. Крѣпость была центромъ зарождающагося поселенія, и первыя постройки примыкали къ ней.

Тамъ, на Петербургской сторонѣ, или на „Городскомъ островѣ", дома располагались уже улицами. Кромѣ набережныхъ, были улицы: Дворянская, Посадская и др. За ними, по направленію къ Карповкѣ, выстроены были солдатскія слободы бѣлозерскаго полка и татарская слобода, отведенная для калмыковъ, входившихъ въ составъ иррегулярной конницы. Въ той же сторонѣ поселены были солдаты и офицеры выборгскаго и пермскаго полковъ.

Хотя уже старались прокладывать правильныя улицы, но большинство построекъ имѣло скученный и безпорядочный видъ, какъ во всѣхъ старыхъ

русскихъ городахъ. О предосторожностяхъ въ пожарномъ отношенiи никто не думалъ, и когда случался пожаръ, то ближайшiя строенiя сгорали до тла. Въ особенности памятенъ былъ пожаръ въ ночь на 28 iюля 1710 года, испепелившiй весь „Ростовскiй рынокъ" на самомъ берегу Невы, на Петербургской сторонѣ. Здѣсь тѣсные ряды домовъ и лавокъ были скучены въ такомъ безпорядкѣ, что когда вспыхнулъ огонь, доступъ къ рынку сдѣлался невозможенъ, и не смотря на близость воды, весь участокъ выгорѣлъ въ часъ времени.

Таковъ былъ Петербургъ въ первыя девять лѣтъ его существованiя. Только съ 1712 года, когда назначенiе новаго города, какъ главной столицы царства, вполнѣ опредѣлилось, началась быстрая и правильная застройка улицъ, площадей и набережныхъ, и приступлено было къ необходимымъ мѣрамъ городскаго благоустройства.

IV.

Заселенiе и застройка Петербурга.—Переходъ городскаго центра на лѣвый берегъ Невы.—Планъ архитектора Леблона.

Посвятивъ свои заботы устройству новой столицы и входя непосредственно во всѣ подробности дѣла, Петръ I, конечно, долженъ былъ руководствоваться и своимъ личнымъ вкусомъ, и условiями мѣстности и климата. Повидимому, его личный вкусъ во многомъ согласовался съ характеромъ петербургской природы. Здѣсь было много воды, а пристрастiе Петра къ судостроенiю и мореплаванiю извѣстно. Суровость климата, бѣдность почвы

напоминали ему тѣ города и страны, которыя во время путешествія по Европѣ произвели на него наиболѣе сильное и благопріятное впечатлѣніе. На европейскомъ югѣ Петръ не былъ и не стремился туда. Его больше всего привлекала Голландія, со своими морскими портами, рѣчными дельтами, каналами, верфями, со своей міровой торговлей, выдающимся положеніемъ торговаго и промышленнаго класса, богатствомъ безъ роскоши, трудолюбіемъ, грубоватою общительностью нравовъ и простымъ складомъ жизни. Поэтому понятно, что Голландія оставалась для него идеаломъ счастливаго и благоустроеннаго государства, и что все видѣнное имъ тамъ неотступно преслѣдовало его мысль, когда пришлось создавать русскую столицу въ обильной водами, суровой и бѣдной Ингріи.

Было и еще обстоятельство, которое могло побудить Петра отдать предпочтеніе голландскому типу городскаго устройства и городской архитектуры. Большія европейскія столицы: Лондонъ, Парижъ, Вѣна, были полны историческихъ памятниковъ, остатковъ феодализма и средневѣковаго католичества. Они были слишкомъ неразрывно связаны съ общественнымъ и церковнымъ строемъ, чуждымъ русскому быту. Голландія же была государство сравнительно новое, образовавшееся уже послѣ паденія рыцарства, и ея большіе города были скорѣе созданіями развившейся торговой и промышленной дѣятельности, чѣмъ центрами исторической и политической жизни. Поэтому такая столица, какъ Амстердамъ, должна была представляться Петру образцомъ наиболѣе удобнымъ для подражанія и позаимствованія. Хотя при застройкѣ и украшеніи Петербурга Петръ и пользовался

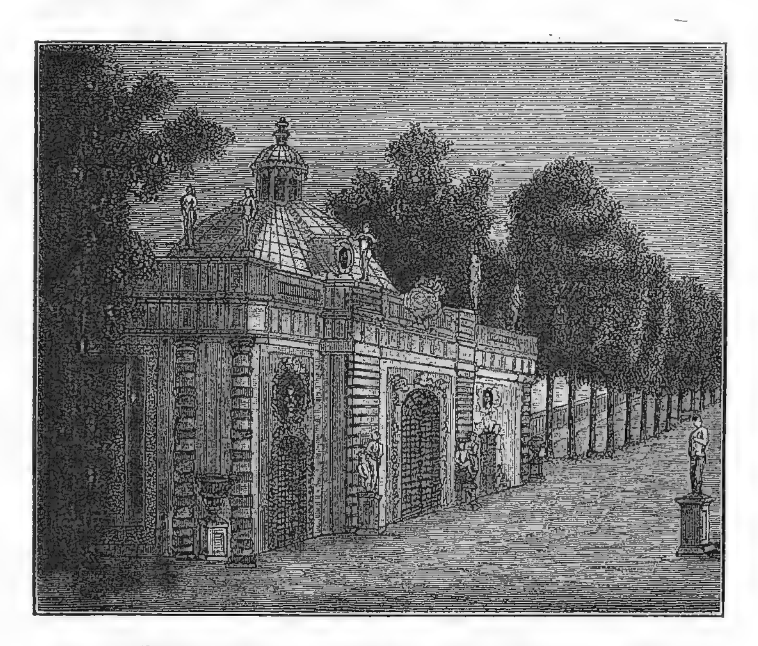
искусствомъ итальянскихъ и французскихъ архитекторовъ, но предпочтеніе голландскому зодчеству въ немъ сохранилось, и ясно выразилось во всѣхъ главнѣйшихъ сооруженіяхъ его царствованія— въ Петербургѣ, Петергофѣ и Кроншлотѣ.

Окончательно рѣшивъ судьбу Петербурга, какъ столицы и резиденціи, Петръ прежде всего озаботился мѣрами къ его заселенію. Нужны были не одни только пришлые рабочіе, отбывавшіе двухмѣсячную очередь, но и постоянные жители. Поэтому еще въ 1710 году Петръ приказалъ переселить въ Петербургъ до 15 тысячъ разныхъ мастеровыхъ людей изъ внутреннихъ областей, съ ихъ семействами, отвести имъ земельные участки и построить дома на счетъ казны. Раздача земель вообще была обычнымъ явленіемъ, и всѣ нужные люди, которыхъ желательно было удержать въ новомъ городѣ, получали безплатно участки подъ дома и дачи. Такимъ образомъ очень быстро, хотя и очень плохо, застроилась вся обширная площадь между нынѣшними Невскимъ проспектомъ, Большой Садовой улицей, Коломной и Невой. Здѣсь образовался цѣлый рядъ „переведенскихъ“ слободъ, заселенныхъ вызванными отовсюду мастеровыми людьми. Для другихъ рабочихъ и служилыхъ людей отводились мѣста въ нынѣшней Литейной части, а также въ Московской сторонѣ, т. е. за р. Фонтанкой, которая въ то время называлась Ерикомъ.

Вызывались также и купцы, и ихъ тоже заставляли строиться и заводить торговое дѣло. Среди московскаго купечества правительство само выбирало болѣе дѣловитыхъ людей, и перевозило ихъ въ Петербургъ на казенный счетъ, вмѣстѣ съ ихъ

движимостью. Въ числѣ другихъ вызваны были такимъ образомъ въ Петербургъ первые крупные представители торгово-промышленнаго сословія: Филатьевъ, Панкратьевъ, Исаевъ и др.

Въ 1713 году послѣдовалъ указъ, которымъ всѣ лица, причисленныя къ царскому двору, обязывались безотлучно жить въ Петербургѣ и строить тамъ дома. Указъ этотъ относился и къ царевичу Алексѣю, который по своимъ личнымъ склонностямъ предпочиталъ старую столицу Москву. Раньше онъ считалъ свое пребываніе въ Петербургѣ временнымъ, и помѣщался въ крошечномъ

Гротъ въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ.

домикѣ въ Посадской улицѣ, состоявшемъ всего изъ двухъ комнатъ со службами. Тамъ онъ поселился и послѣ вступленія въ бракъ, предполагая вскорѣ переѣхать въ Москву; но упомянутый указъ разрушилъ его намѣренія. Царевичъ принужденъ былъ строить себѣ новый домъ на избранномъ для него мѣстѣ на невской набережной въ Литейной части, рядомъ съ домомъ тетки его Наталіи Алексѣевны, любимой сестры Петра I. При постройкѣ дома пришлось сообразоваться съ другимъ указомъ, отъ 4 апрѣля 1714 г., воспрещавшимъ строить деревянные дома на набережной Невы, на Петербургской сторонѣ и на „Адмиралтейскомъ островѣ" (между Невой и Мойкой). Однако каменнаго дома царевичъ не сталъ возводить, а выстроилъ такъ называемую „мазанку". Зданіе это имѣло въ длину 14 саженъ и состояло изъ 16 комнатъ, раздѣлявшихся на двѣ половины: самого царевича и супруги его кронъ-принцессы. Послѣдняя половина въ расположеніи и убранствѣ комнатъ носила европейскій характеръ, тогда какъ на собственной половинѣ Алексѣй понадѣлалъ, по московскому обычаю, не мало перегородокъ и полу-темныхъ клѣтушекъ.

Благодаря всѣмъ такимъ мѣрамъ, Петербургъ съ 1712 года быстро застроивался, Возводились дворцы для царя и лицъ царской семьи, дома для приближенныхъ и начальствующихъ лицъ. Кромѣ „Зимняго дома" на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажа, Петръ выстроилъ еще „Лѣтній домъ", гдѣ теперь Инженерный замокъ. На невской набережной, вблизи Литейной, возведенъ былъ домъ для царевны Натальи Алексѣевны, а вокругъ дворца царевича Алексѣя расположились дома его прибли-

женныхъ. На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца построенъ былъ „почтовый дворъ". Рядомъ дѣлались просѣки въ рощѣ, занимавшей теперешній Царицинъ лугъ, и работали надъ разбивкой сада съ цвѣтникомъ однолѣтнихъ растеній, получившимъ по этой причинѣ названіе Лѣтняго. За Литейной прорыли параллельные набережной каналы, образовавшіе нынѣшнія улицы Шпалерную, Захарьевскую и Сергіевскую, называвшіеся тогда „линіями". Ширина этихъ улицъ зависитъ именно оттого, что первоначально посрединѣ ихъ протекали каналы. Такіе же каналы прорыты были въ поперечномъ направленіи, на нынѣшнихъ улицахъ Литейной, Воскресенской и Таврической. Они просуществовали не болѣе полувѣка, и съ царствованія Елизаветы Петровны мало по малу ихъ стали засыпать. При Екатеринѣ II исчезли послѣдніе изъ нихъ. На Фонтанкѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Соляного городка, устроена была „невская верфь" для мелкихъ рѣчныхъ судовъ, и для подвоза къ ней матеріаловъ прорытъ косой каналъ, превращенный позднѣе въ Косой переулокъ.

Такимъ образомъ, лѣвый берегъ Невы мало по малу застроивался. Но распространеніе города въ эту сторону едва только доходило до Фонтанки, называвшейся въ то время Ерикомъ, а свое нынѣшнее названіе получившей отъ фонтановъ, устроенныхъ въ Лѣтнемъ саду. Мѣстность за Фонтанкой считалась уже загородной. Здѣсь располагались обширныя дачи и стояли болотистые лѣса. Невскій проспектъ стали прокладывать уже при постройкѣ Александро-невскаго монастыря, пользуясь для работъ плѣнными шведами. Улица эта, сдѣлавшаяся позднѣе главнѣйшею

въ столицѣ, представляла въ то время довольно печальный видъ. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись канавы, обсаженныя деревьями, за канавами шли разбросанныя строенія, а мѣстами тянулись болотистые луга, пруды, рощи. Мостъ черезъ Фонтанку, на мѣстѣ нынѣшняго Аничкова, былъ деревянный и содержался неисправно.

Петръ не былъ доволенъ скромными размѣрами, въ какихъ выражалась строительная дѣятельность въ новой столицѣ, и чтобъ подвинуть ее, издавалъ указы за указами, часто принудительнаго характера. По всей Россіи, кромѣ Петербурга, воспрещено было на неопредѣленное время возведеніе какихъ бы то ни было каменныхъ построекъ, и всѣ каменьщики высылались на берега Невы. Приближеннымъ къ царю или вообще зажиточнымъ лицамъ раздавались въ Петербургѣ земельные участки съ обязательствомъ строиться въ извѣствыхъ размѣрахъ; усиливалось и строительство на счетъ казны, для государственныхъ надобностей.

Въ то же время Петръ сознавалъ, что дальнѣйшій правильный ростъ столицы требуетъ опредѣленнаго, заранѣе выработаннаго плана, и что въ этомъ громадномъ дѣлѣ нельзя обойтись одними домашними средствами. Требовался опытный и талантливый инженеръ-архитекторъ, вооруженный европейскими знаніями. Такого сотрудника Петръ нашелъ въ лицѣ парижскаго архитектора Леблона, выписаннаго въ Петербургъ въ 1715 году, и составившаго общій планъ города на обоихъ берегахъ Невы.

Леблонъ былъ человѣкъ чрезвычайно способный, знающій и дѣятельный; онъ сразу пріобрѣлъ довѣріе Петра, который называлъ его „прямою

диковинкою". Хотя его планъ города никогда не былъ вполнѣ приведенъ въ исполненіе, но его дѣятельность въ званіи „генералъ-архитектора" оказалась въ высшей степени важною хотя бы потому, что онъ положилъ начало образованію въ Россіи мастеровъ архитектурнаго дѣла, лѣпщиковъ, рѣзчиковъ по дереву и пр. Самъ Петръ, при первомъ знакомствѣ, оцѣнилъ въ Леблонѣ, что онъ „кредитъ имѣетъ великій въ мастеровыхъ во Франціи, и кого надобно, черезъ него достать можемъ". Леблонъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ завелъ мастерскія литейнаго дѣла, лѣпного, шпалернаго, гобеленоваго, слесарнаго, рѣзного, художестенно-столярнаго—всего до двадцати заведеній, и такимъ образомъ сразу обезпечилъ новую столицу необходимыми для строительныхъ работъ мастерскими.

Вникая въ мысли и вкусъ царя, Леблонъ хотѣлъ самымъ широкимъ образомъ воспользоваться водными богатствами невскаго устья. По его плану, Петербургъ долженъ былъ представить нѣкоторое подобіе Амстердаму и Венеціи, объединенное и украшенное во вкусѣ парижскихъ строителей временъ Людовика XV. Центральныя части города, съ Васильевскимъ островомъ, должны были быть разрѣзаны на правильные и неправильные четыреугольники продольными и поперечными каналами, расширяющимися на пересѣченіи въ бассейны. Средину четыреугольниковъ должны были занимать площади, обставленныя красивыми зданіями, съ фонтанами въ центрѣ, и иногда прилегающими садами. На сады, согласно указаніямъ Петра, обращено было особенное вниманіе, и въ этомъ отношеніи Петербургъ уже тогда отличался большою

роскошью. Лѣтній садъ былъ разбитъ на громадномъ пространствѣ, захватывая часть Царицына луга, пестрѣлъ богатыми цвѣтниками, украшался павильонами, гротами, статуями; въ числѣ послѣднихъ была знаменитая греческая Венера, названная потомъ „таврическою", потому что долго стояла въ Таврическомъ дворцѣ, и украшающая нынѣ античное отдѣленіе Эрмитажа.

На Васильевскомъ островѣ еще раньше Леблона, по мысли самого царя, рыли три большихъ канала по направленію Невы, гдѣ теперь тянутся Большой, Средній и Малый проспекты. Этими каналами предполагалось достигнуть двухъ цѣлей: облегчить доступъ торговыхъ судовъ къ Петербургу, и ослабить силу наводненій. Но работы въ отсутствіи Петра производились плохо, каналамъ не дали достаточной глубины и ширины. Леблонъ исправилъ первоначальный планъ, дополнивъ его рядомъ поперечныхъ каналовъ, намѣтивъ площади, бассейны, мѣста для главнаго царскаго дворца. Но все это было выполнено лишь отчасти, первоначальная мысль Петра не осуществилась, и впослѣдствіи каналы на Васильевскомъ осровѣ, а также въ Литейной части, какъ несоотвѣтствущіе своему назначенію, были засыпаны.

Леблонъ былъ не только строителемъ новой столицы, но ему принадлежатъ также первыя заботы о внутреннемъ благоустройствѣ города. Онъ хотѣлъ ввести въ Петербургѣ порядки, существовавшіе въ то время въ Парижѣ и другихъ европейскихъ столицахъ. Въ своихъ докладахъ царю онъ предлагалъ мѣры, касавшіяся освѣщенія и замощенія улицъ, охраненія наружной чистоты, и даже полицейскаго надзора за без-

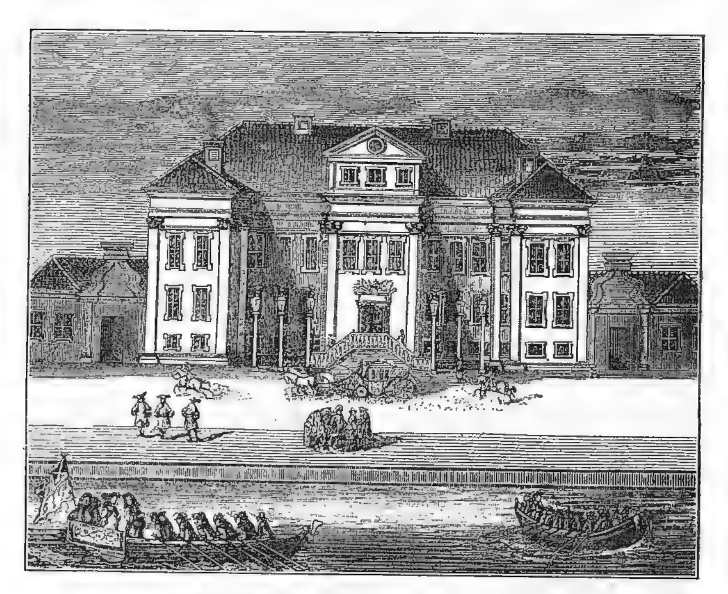
опасностью отъ пожаровъ, грабежей, бродягъ и пр. На всѣхъ главныхъ улицахъ поставлены были масляные фонари по рисунку самого Леблона. Для снабженія города мостовымъ камнемъ вмѣнено было въ обязанность каждому возу, при въѣздѣ въ городъ, имѣть три булыжника, и каждой баркѣ привозить установленное количество камня. На окраинныхъ улицахъ и на перекресткахъ стояли рогатки, и при нихъ, въ ночное время, жители города содержали по наряду очередные караулы. Въ каждой части города предполагался рынокъ; для больницъ, богадѣленъ и скотобоенъ по плану Леблона указаны были мѣста на окраинахъ.

Съ 1718 года, когда учреждена была должность генералъ-полиціймейстера, заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ города перешли къ генералъ-адъютанту Девіеру. Родомъ португалецъ, Девіеръ служилъ прежде въ деньщикахъ при Петрѣ, и своею расторопною исполнительностью рано обратилъ на себя вниманіе царя. Назначая его начальникомъ впервые создаваемой городской полиціи, Петръ составилъ ему въ руководство собственноручный указъ, которыми опредѣлялись главныя обязанности полицейской власти и важнѣйшія правила благоустройства и благочинія. Правила эти касались пожарныхъ предосторожностей, исправнаго содержанія улицъ и каналовъ, торговли съѣстными припасами, задержанія воровъ, бродягъ и нищихъ, и пр. Составъ городской полиціи былъ очень незначительный, и въ царствованіе Петра I не превышалъ 100 человѣкъ.

V.

Торжества въ Петербургѣ по случаю заключенія ништадскаго мира.—Невскій монастырь, школа и типографія при немъ.— Перенесеніе мощей Александра Невскаго.

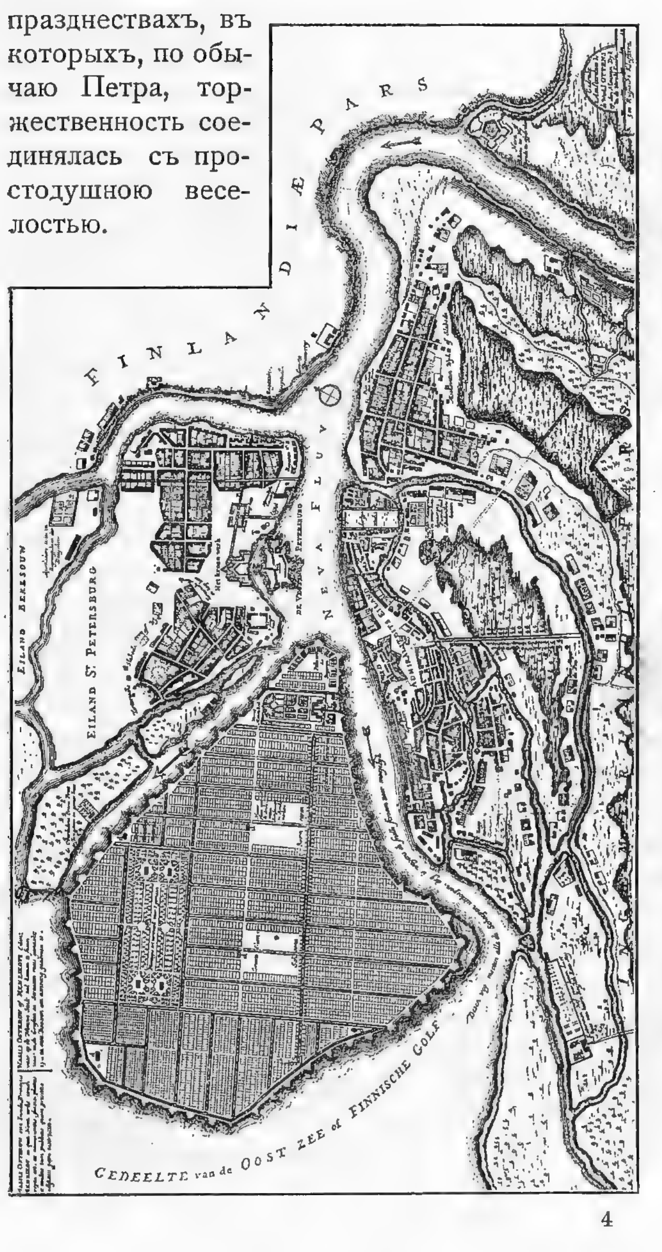
Ништадскимъ миромъ покончена была долголѣтняя тяжелая и славная война съ Швеціей.

Зимній дворецъ Петра Великаго.

Россія вышла изъ этой войны обладательницею Балтійскаго побережья и могущественною европейскою державою. И самъ Петръ, и сотрудники его хорошо понимали значеніе мира, утвердившаго за Россіей плоды усилій и побѣдъ. Поэтому осень 1721 года прошла въ Петербургѣ въ чрезвычайныхъ

празднествахъ, въ которыхъ, по обычаю Петра, торжественность соединялась съ простодушною веселостью.

Планъ Петербурга въ концѣ царствованія Петра Великаго.

4 сентября Петръ, находясь на бригантинѣ у о. Котлина, получилъ первое извѣстіе о заключеніи мира. Онъ сейчасъ же отправился въ Петербургъ, и вступивъ въ устье Невы, приказалъ стрѣлять изъ пушекъ и трубить. Народъ повалилъ къ Троицкой пристани; туда же поспѣшили сановники и высшее духовенство. Царь, сойдя на берегъ, направился въ Троицкій соборъ и отстоялъ молебствіе. Тѣмъ временемъ на площадь выкачены были кадки съ виномъ и пивомъ, и устроено возвышеніе для царя. Петръ вступаетъ туда и поздравляетъ народъ съ заключеніемъ славнаго мира. Народъ ликуетъ; съ крѣпости раздается пушечная пальба, выстроенные полки стрѣляютъ изъ ружей. По улицамъ города разъѣзжаютъ, въ роли герольдовъ, драгуны съ бѣлыми перевязями черезъ плечо; передъ ними трубятъ трубачи.

Въ октябрѣ, послѣ ратификаціи мирнаго договора, начались новыя торжества. 22 октября Петръ съ генералами и сановниками слушалъ обѣдню въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ литургіи прочтенъ былъ во всеуслышаніе текстъ договора. Затѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ слово, въ которомъ, восхваляя заслуги и дѣла царя, заявилъ, что благодарная страна желаетъ назвать его императоромъ и отцомъ отечества, и канцлеръ Головинъ, повторивъ въ краткой рѣчи перечисленіе заслугъ Петра, обратился къ нему со всенародною просьбою принять эти титулы. Сенаторы три раза провозгласили „виватъ“; тотъ же крикъ повторенъ былъ толпою въ церкви и на площади. Загудѣли колокола, загремѣли трубы и барабаны, раздалась пальба. Столица ликовала.

Съ Троицкой площади царь со свитою отбылъ

въ сенатъ, гдѣ былъ приготовленъ торжественный обѣдъ. Послѣ обѣда состоялись танцы, а вечеромъ зажженъ былъ великолѣпный фейерверкъ. Нарочно устроенная декорація изображала храмъ бога войны Януса. Въ ознаменованіе окончанія войны, двери храма были затворены, и на стражѣ ихъ стояли, подавъ другъ другу руки, двое коронованныхъ рыцарей, изображавшихъ Россію и Швецію. По обѣимъ сторонамъ храма стояли щиты съ изображеніемъ справедливости, попирающей фурій, и входящаго въ пристань корабля съ латинскою надписью: finis coronat opus (конецъ вѣнчаетъ дѣло). Во время фейерверка снова грянула пальба съ крѣпостныхъ стѣнъ и съ галеръ на Невѣ, прибывшихъ къ этому дню изъ Финляндіи. Для угощенія народа выставленъ былъ жареный быкъ, а по сторонамъ его били фонтаны краснаго и бѣлаго вина. Затѣмъ въ слѣдующіе дни опять пошли маскарады, и потѣхи закончились только 29 октября обѣдомъ въ зданіи сената для всѣхъ участвовавшихъ въ процессіяхъ.

Такъ шумно и торжественно отпраздновалъ Петръ ништадскій миръ, закончившій собою самый трудный и дѣятельный періодъ его царствованія. Онъ уже видѣлъ плоды своихъ дѣлъ и могъ утѣшаться быстрымъ ростомъ своего любимаго созданія — Петербурга. Когда достроена была колокольня собора въ крѣпости, Петръ всходилъ туда на самый верхъ, и съ высоты любовался зрѣлищемъ раскинувшагося по обѣ стороны величественной Невы города. Его уже могло радовать и правильное расположеніе улицъ и каналовъ, и умножавшееся годъ изъ году число каменныхъ строеній.

Далеко отъ тогдашняго центра, вверхъ по Невѣ, привлекала вниманіе Петра мѣстность, отведенная имъ подъ монастырь св. Александра Невскаго. По преданію, именно въ этой мѣстности одержана была кн. Александромъ въ 1241 г. побѣда надъ шведами, и Петръ давно уже далъ ей поэтому названіе „Виктори". Еще въ 1710 году онъ предположилъ построить здѣсь монастырь, а три года спустя тамъ уже была освящена деревянная церковь Благовѣщенія, и при ней стали строить монастырскія келіи, сначала тоже деревянныя. Но въ 1717 году приступили уже къ постройкѣ каменнаго монастыря и другихъ зданій, по плану архитектора Трецçини. Вскорѣ заложенъ былъ и соборъ во имя св. Троицы, но постройка шла неудачно, фундаментъ сталъ расползаться, и пришлось выводить новый. Къ собору примыкали, въ видѣ крыльевъ, каменные корпуса съ келіями. Часть этихъ келій занята была подъ богадѣльни и больницу для инвалидовъ, а часть подъ школу для дѣтей духовнаго званія. Учебное заведеніе это называлось сначала „цифирной школой", потомъ „славяно-греко-латинской семинаріей", затѣмъ „главной семинаріей", и наконецъ при Павлѣ I преобразовано въ духовную академію.

Здѣсь же, въ одномъ изъ монастырскихъ корпусовъ, основана была значительная казенная типографія, въ которой печатались „Вѣдомости" — оффиціальная газета, начатая въ Москвѣ и перенесенная въ новую столицу, а также книги и другія изданія, по преимуществу относящіяся къ церковнымъ дѣламъ и интересамъ. Петръ очень интересовался работами типографіи и отстаивалъ ее противъ нападокъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, не

сочувствовавшихъ нововведеніямъ Ѳеофана Прокоповича. Царь вообще любилъ Невскій монастырь и нерѣдко посѣщалъ его; тамъ до сихъ поръ сохраняется простая кровать, на которой онъ спалъ, говѣя въ лаврѣ.

Желая, чтобы новый монастырь пріобрѣлъ еще болѣе значенія, Петръ рѣшилъ перенести туда мощи св. Александра Невскаго, покоившіяся во владимірскомъ рождественскомъ монастырѣ. Перенесеніе совершилось 30 августа 1724 года, и явилось однимъ изъ историческихъ событій въ жизни Петербурга. Гробницу съ останками св. князя несли на рукахъ до Новгорода, а оттула она слѣдовала на яхтѣ по р. Волхову, Ладожскому озеру и Невѣ. Царь выѣхалъ на встрѣчу св. мощамъ въ Усть-Ижору и отвезъ ихъ въ Петербургъ на собственной галерѣ, лично управляя рулемъ, причемъ важнѣйшіе сановники гребли веслами. При приближеніи галеры къ пристани, навстрѣчу ей выведенъ былъ старый ботъ Петра, называвшійся „дѣдушкой русскаго флота“; Петръ съ сановниками подняли раку и перенесли ее въ церковь Благовѣщенія. Въ теченіи трехъ дней въ монастырѣ происходило празднованіе торжественнаго событія, и повелѣно было на вѣчныя времена чествовать 30 августа память св. князя Александра Невскаго.

VI.

День Петра I. — Его дворъ. — Роскошь вельможъ. — Общественныя развлеченія: ассамблеи, праздники въ Лѣтнемъ саду, катанья по Невѣ.

Создавъ Петербургъ, Петръ стремился также создать въ немъ общество и общественную жизнь.

Московскіе и провинціальные бояре, не состоявшіе на службѣ и предпочитавшіе старину, неохотно селились въ новой столицѣ, гдѣ приходилось подчинять свою жизнь вкусамъ и требованіямъ царя. Но всѣхъ искавшихъ службы, или лично ему извѣстныхъ, Петръ обязывалъ жить и строиться въ Петербургѣ, поощряя ихъ отличіями и жалуя имъ земельные участки въ городѣ. Такимъ образомъ, къ концу царствованія новая столица имѣла уже значительный кругъ дворянъ и служилыхъ людей, усвоившихъ себѣ болѣе или менѣе европейскую внѣшность, и перенимавшихъ мало по малу многое изъ европейскихъ обычаевъ. Рядомъ съ этимъ русскимъ обществомъ стояла многочисленная колонія иностранцевъ разнаго происхожденія и всякихъ званій: людей ученыхъ, художниковъ, спеціалистовъ по многимъ отраслямъ знанія и дѣятельности, военныхъ людей, купцовъ, моряковъ, мастеровъ и ремесленниковъ. Понимая значеніе этихъ людей для своей преобразованной страны, Петръ оказывалъ имъ всякое покровительство, стремился сблизить ихъ съ русскими людьми, и въ обращеніи съ ними отличался такою же доступностью и простотой, какъ съ самыми знатными боярами и сановниками.

Среди всего этого разнохарактернаго населенія Петръ былъ настоящимъ хозяиномъ, вездѣсущимъ, во все входящимъ, всему дающимъ движеніе и настроеніе. Его высокую, богатырски сложенную фигуру, съ одушевленнымъ и строгимъ лицомъ, съ острымъ пронизывающимъ взглядомъ, одѣтую въ короткій поношенный кафтанъ, ежедневно видѣли на улицахъ и каналахъ Петербурга. Онъ то проѣзжалъ въ одноколкѣ съ Меншиковымъ или другимъ приближеннымъ лицомъ, то катался на ка-

терѣ или маленькой яхтѣ, то ходилъ по мастерскимъ и постройкамъ, осматривая работы, давая указанія, провѣряя исполненіе; нерѣдко тутъ же брался за топоръ или какой нибудь инструментъ, помогая мастеру или уча рабочаго. А въ часы отдыха и въ дни какихъ нибудь чрезвычайныхъ празднествъ его видѣли въ „австеріи", курящимъ трубку со своими русскими и иностранными сотрудниками, веселящимся среди приближенныхъ на какомъ нибудь потѣшномъ маскарадѣ, бесѣдующимъ съ иностранными послами и купцами въ „ассамблеѣ", угощающимъ народъ въ Лѣтнемъ саду, или участвующимъ въ увеселительной прогулкѣ по Невѣ.

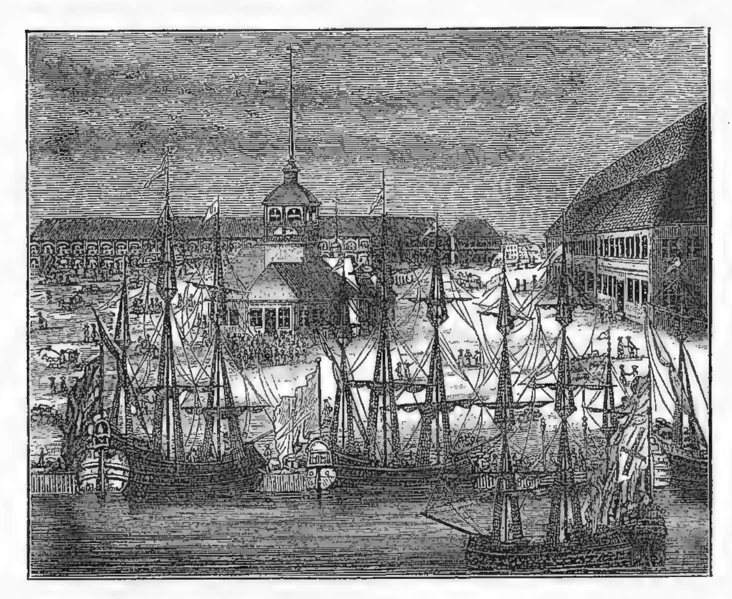
Стремясь дѣйствовать на всѣхъ своимъ личнымъ примѣромъ, Петръ былъ первымъ работникомъ въ свой странѣ. Онъ любилъ говорить: „я царь, а у меня мозоли на рукахъ". Дѣйствительно, онъ трудился необычайно, и трудъ его отличался всеобъемлющимъ разнообразіемъ. Вставалъ онъ очень рано, до свѣту, и въ три или въ четыре часа утра уже присутствовалъ въ совѣтѣ министровъ. Обсудивъ тамъ со свойственной ему быстротой множество дѣлъ, онъ отправлялся въ адмиралтейство, гдѣ слѣдилъ за постройкой судовъ и давалъ на мѣстѣ рѣшеніе по вопросамъ, съ которыми къ нему обращались должностныя лица и мастера. Здѣсь онъ нерѣдко и самъ брался за топоръ и работалъ надъ постройкой корабля. Потомъ, зайдя домой, занимался токарнымъ дѣломъ, которое чрезвычайно любилъ и въ которомъ былъ необыкновенно искусенъ. Въ 11 часовъ Петръ садился обѣдать; но вопреки старинному обычаю, онъ не любилъ долго оставаться за столомъ, и обѣдъ его состоялъ изъ

немногихъ простыхъ блюдъ, въ числѣ которыхъ непремѣнно каждый день подавался его любимый студень. Иногда предъ обѣдомъ царь заходилъ въ „гербергъ“ или въ трактиръ на Троицкой площади, и выпивалъ рюмку анисовой водки. Такъ какъ это происходило послѣ занятій въ адмиралтействѣ, то Петръ выражался, что „пробилъ адмиральскій часъ“. Послѣ обѣда онъ короткое время отдыхалъ, а затѣмъ отправлялся на постройки, посѣщалъ мастерскія, осматривалъ суда и т. д. Вечеромъ Петръ обыкновенно посѣщалъ кого нибудь изъ своихъ любимцевъ, и рано возвратясь къ себѣ, ложился спать. Вообще день Петра былъ полонъ самаго разнообразнаго труда, и онъ вполнѣ оправдывалъ своимъ образомъ жизни любюмую свою поговорку: „дѣлу время, а потѣхѣ часъ“. Пушкинъ прекрасно очертилъ его образъ въ четырехъ стихахъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ —
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Дворъ великаго царя и весь его домашній обиходъ отличался чрезвычайною простотой. Личный штатъ Петра состоялъ изъ деньщиковъ, выбираемыхъ часто между людьми самаго простого званія. Знакомясь съ ихъ способностями и характерами, царь давалъ имъ потомъ различныя государственныя должности, и нѣкоторые изъ деньщиковъ достигали впослѣдствіи высокаго званія. Меншиковъ, Ягужинскій, Девіеръ, фельдмаршалъ Бутурлинъ, вышли изъ деньщиковъ. Супруга Петра, Екатерина Алексѣевна, позволяла себѣ уже болѣе роскоши: она любила дорогіе наряды и уборы, въ чемъ ей

старались подражать придворныя дамы. Царь старался, впрочемъ, ограничить развивавшееся въ петербургскомъ обществѣ щегольство, и особымъ указомъ воспретилъ выдѣлывать болѣе чѣмъ изъ 50 пудъ серебра позументовъ въ годъ; другимъ указомъ ограничивался ввозъ заграничныхъ шелковыхъ матерій и парчи.

Гостиный дворъ на Петербургской сторонѣ въ 1716 г.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя даже изъ приближенныхъ къ Петру лицъ жили съ чрезвычайною для того времени роскошью. Первый примѣръ въ этомъ отношеніи подавалъ главный любимецъ царя, Меншиковъ. О немъ здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ личность его—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ среди сподвижниковъ

Петра. Онъ былъ весьма незнатнаго происхоженія, и по преданію, мальчикомъ торговалъ въ Москвѣ пирогами, потомъ находился въ услуженіи у швейцарца Лефорта, и затѣмъ попалъ въ преображенскій полкъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ деньщики, и съ этихъ поръ начинается его быстрое возвышеніе. Неученый, плохо грамотный, но чрезвычайно смѣтливый и способный, молодой деньщикъ полюбился царю своей расторопностью, преданностью, и умѣньемъ понять и оцѣнить намѣренія великаго преобразователя. Война со шведами дала Меншикову возможность обнаружить и военныя дарованія. Осыпанный наградами, любимецъ царя еще въ молодыхъ годахъ возведенъ былъ въ княжеское достоинство и достигъ званія фельдмаршала. Онъ былъ почти неразлученъ съ Петромъ, и являлся неизмѣннымъ исполнителемъ самыхъ трудныхъ его замысловъ. За заслуги и дарованія царь прощалъ ему многія вины. Меншиковъ любилъ пышность и почетъ. Домъ его съ самаго основанія Петербурга былъ лучшимъ по обширности и внутренней отдѣлкѣ, такъ что Петръ, до постройки дворца на лѣвомъ берегу Невы, принималъ въ немъ иностранныхъ пословъ. У Меншикова былъ собственный придворный штатъ, состоявшій изъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и пажей. На обѣдахъ у него подавали до 200 блюдъ, и кухнею распоряжались выписанные изъ Парижа повара. Парадные выѣзды Меншикова отличались царственной пышностью. Впереди шли скороходы, музыканты и пажи; затѣмъ двигалась великолѣпная карета заграничной работы, съ золотою княжескою короною наверху и гербами на дверцахъ, запряженная шестернею богато убранныхъ лоша-

дей цугомъ. Верховые гайдуки въ формѣ драгунъ собственнаго полка князя замыкали выѣздъ. Немудрено, что народъ собирался на улицахъ толпами, чтобъ полюбоваться такимъ зрѣлищемъ.

Чрезвычайною роскошью и хлѣбосольствомъ отличался также адмиралъ графъ Апраксинъ. Его двух-этажный домъ, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, съ обширнымъ садомъ по берегу Невы, славился отдѣлкою и дорогою заграничною мебелью. Въ этомъ домѣ собиралось и пировало все петербургское общество.

Знаменитый сподвижникъ Петра, графъ Борисъ Шереметьевъ, выдѣлялся среди другихъ вельможъ тѣмъ, что не любилъ излишества въ питьяхъ. За его обѣдами, гдѣ ставилось обыкновенно до 50 приборовъ, пили умѣренно, и самъ Петръ никогда не принуждалъ его пить, зная что вино не доставляетъ ему удовольствія.

Среди своихъ обширныхъ преобразованій, Петръ заботился также о томъ, чтобы ввести въ своей новой столицѣ европейскія формы общежитія. Съ этою цѣлью онъ устроилъ „ассамблеи" — первый опытъ общественныхъ собраній. Установленныя въ 1718 году, онѣ продолжались до конца царствованія Петра и въ первые годы послѣ его кончины. Петръ въ своемъ указѣ пояснялъ, что ассамблея— „вольное собраніе или съѣздъ, дѣлается не для только забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть, во всякой нуждѣ переговорить, также слышать гдѣ что дѣлается. При томъ же забава". Устраивались ассамблеи въ теченіе зимы поочередно въ домахъ вельможъ, причемъ хозяинъ предоставлялъ гостямъ только помѣщеніе и освѣщеніе, самъ же не обязанъ былъ ни встрѣ-

чать, ни провожать, ни занимать ихъ, и даже могъ не быть дома. Гости собирались съ 4 часовъ дня и оставались до 10 часовъ вечера, проводя время въ разговорахъ, танцахъ и играхъ. Пріѣзжать надо было непремѣнно съ женами и взрослыми дочерьми, такъ какъ царь въ особенности желалъ пріучить русскихъ къ женскому обществу и нарушить старый московскій обычай семейной замкнутости. Входъ въ ассамблеи предоставлялся всѣмъ дворянамъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, знатнымъ купцамъ и старшимъ мастеровымъ людямъ. Иноземцы, отъ состоящихъ при посольствахъ до шкиперовъ и мастеровъ, играли тутъ выдающуюся роль; но современникъ Петра камеръ-юнкеръ Берхгольцъ жаловался, что русскія дамы и дѣвушки „охотнѣе выбираютъ молодыхъ неотесанныхъ русскихъ, большею частью унтеръ-офицеровъ гвардіи, чѣмъ насъ, иностранцевъ".

Отличительною чертою ассамблей, правила для которыхъ составилъ самъ царь, была чрезвычайная простота обращенія. Въ намѣренія Петра входило ограничить кичливость знатныхъ московскихъ бояръ и поставить дѣловыя заслуги и полезный трудъ наравнѣ съ знатностью происхожденія; поэтому въ разнообразномъ обществѣ, собиравшемся на ассамблеяхъ, всѣ пользовались одинаковыми правами. Самъ Петръ первый подавалъ примѣръ доступности, и запрещалъ вставать съ поклонами при его появленіи. Нарушившіе правила ассамблей подвергались взысканіямъ, напримѣръ принуждались выпить огромный „кубокъ бѣлаго орла", наполненный виномъ.

Здѣсь кстати привести превосходное описаніе ассамблеи въ царскомъ дворцѣ, сдѣланное Пушкинымъ:

„Въ большой комнатѣ, освѣщенной свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ духовой мувыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною; чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома.

„Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Тамъ сидѣли большею частью иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ

пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявивъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей.

„Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, и такъ далѣе. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ превозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ“.

Зимнія общественныя развлеченія ограничивались этими ассамблеями, парадными обѣдами и спектаклями въ театрѣ, построенномъ въ 1720 году на Мойкѣ, близь Полицейскаго моста. Въ этомъ первомъ петербургскомъ театрѣ иностранная труппа Манна давала оперы. Въ лѣтнее время мѣстомъ публичныхъ увеселеній былъ Лѣтній садъ, занимавшій тогда гораздо большее пространство, чѣмъ теперь.

Петръ чрезвычайно любилъ этотъ садъ, и постоянно заботился объ его улучшеніи. Разбивка сада произведена была по плану архитектора Леблона, который далъ также рисунки для фасада лѣтняго царскаго дворца, гротовъ и птичника. Послѣдній, въ стилѣ китайской пагоды, отличался затѣйливостью и красотой. Вокругъ пруда, сохра-

няющагося и нынѣ, шла крытая деревянная галлерея, подъ которой публика спасалась отъ дождя. Въ саду были устроены гроты красивой архитектуры, и въ нихъ помѣщались мраморныя и свинцовыя статуи, а впереди стояли скамейки и столики. Длинныя, прямыя аллеи сада были обсажены липами, часть которыхъ сохраняется до настоящаго времени. Петръ выписывалъ кромѣ того для своего любимаго сада разныя южныя породы— ильмовыя деревья, грабины, розовые кусты, луковичныя и другія цвѣтущія растенія. Нѣсколько фонтановъ, снабжавшихся водою изъ Фонтанки, украшали садъ.

Въ Лѣтнемъ саду Петръ давалъ праздники, собиравшіе многочисленную публику. Гуляющимъ предлагалось угощеніе. Съ наступленіемъ сумерекъ зажигалась „огненная потѣха", т. е. фейерверкъ.

Часто устраивались также катанья на Невѣ. У каждаго изъ петербургскихъ домохозяевъ были свои парусныя и гребныя шлюпки, на которыхъ въ назначенные дни и часы всѣ должны были выѣзжать на Неву, къ крѣпости. Отсутствующіе или уѣзжавшіе раньше срока наказывались штрафами. Царь съ царицею и всѣмъ дворомъ всегда участвовалъ въ этихъ увеселительныхъ прогулкахъ, представлявшихъ великолѣпное зрѣлище, благодаря многочисленности флотиліи и богатому убранству нѣкоторыхъ судовъ. Знатнѣйшіе вельможи брали съ собой на эти прогулки собственную музыку, отчего выигрывало общее оживленіе.

Такимъ образомъ Петербургъ, гдѣ усиленно кипѣла государственная работа и городское строительство гдѣ всѣ были заняты серьезными забо-

тами—умѣлъ разнообразить трудъ шумными развлеченіями, и слѣдуя примѣру царя, отдавать „дѣлу время, а потѣхѣ часъ“.

VII.

Болѣзнь и кончина Петра I. — Погребеніе его. — Сохранившіеся дворцы Петра I.

Неустанные труды, заботы, борьба съ явными и тайными врагами, медленно подтачивали желѣзное здоровье Петра I. Ему шелъ 53-й годъ, но онъ уже называлъ себя старикомъ, и въ самомъ дѣлѣ, не смотря на его могучую природу, тѣлесныя силы его были расшатаны. Съ лѣта 1724 года болѣзнь, сведшая его въ могилу, стала обнаруживаться угрожающими признаками. Петръ принужденъ былъ слечь въ постель, бранилъ докторовъ, но при облегченіи мало слушался ихъ совѣтовъ. Въ концѣ сентября онъ присутствовалъ при спускѣ новаго фрегата, причемъ говорилъ голландскому посланнику, что чувствуетъ себя слабымъ. Черезъ недѣлю, вопреки предостереженіямъ своего врача Блюментроста, отправился осматривать Ладожскій каналъ, оттуда проѣхалъ на олонецкіе желѣзные заводы, выковалъ тамъ собственными руками полосу желѣза въ три пуда вѣсомъ, смотрѣлъ соловарни въ Старой Русѣ, и на возвратномъ пути въ Петербургъ, близь Лахты, увидѣлъ, что шедшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами сѣлъ на мель и былъ близокъ къ гибели. Петръ не утерпѣлъ, поѣхалъ къ мѣсту крушенія, и стоя по поясъ въ водѣ, въ холодную погоду, лично помогалъ спасать людей. Припадки болѣзни тотчасъ усилились. Царь

вернулся въ Петербургъ больной, и уже не могъ оправиться. Въ январѣ 1725 года болѣзнь усилилась, такъ что Петръ часто страшно кричалъ отъ боли, и крики эти были слышны за стѣнами

Галлерея Петра Великаго въ Эрмитажѣ.

дворца. Народъ, предчувстуя близкое несчастье, толпился подъ окнами; церкви были полны молящимися. Рядомъ со своей спальней въ Зимнемъ дворцѣ (на мѣстѣ нынѣшняго эрмитажнаго театра) Петръ приказалъ поставить походную церковь, и 22 января исповѣдался и причастился. Съ 26 числа наступилъ полный упадокъ силъ. Утромъ 27-го больной говорилъ съ трудомъ, и потребовавъ грифельную доску, хотѣлъ начертать свою послѣднюю волю, но ослабѣвшая рука не повиновалась ему; едва могли разобрать слова: „отдайте все...“ Тогда онъ позвалъ дочь свою царевну Анну Петровну, обрученную съ герцогомъ голштинскимъ, желая продиктовать ей свои предсмертныя распоряженія; но когда царевна подошла къ нему, съ нимъ уже началась агонія. На разсвѣтѣ 28 января, въ шестомъ часу по полуночи, императоръ Петръ скончался. Императрица Екатерина Алексѣевна, находившаяся при немъ безотлучно, закрыла ему глаза. Собравшіеся въ дворцѣ высшіе государственные сановники и полки преображенскій и семеновскій немедленно присягнули ей.

Затѣмъ озаботились приготовленіемъ торжественныхъ похоронъ скончавшагося царя. Учреждена была особая траурная коммиссія, которой поручено выработать церемоніалъ погребенія по европейскому образцу. Приготовленія тянулись такъ долго, что только на 10 марта назначена была печальная церемонія. Усыпальницей царя избранъ былъ петро-павловскій соборъ въ крѣпости. Отъ Зимняго дворца черезъ Неву наведенъ былъ мостъ, по обѣимъ сторонамъ котораго стали войска. Во второмъ часу пополудни медленно тронулось шествіе. Тѣло Петра вынесли изъ вто-

рого этажа дворца черезъ балконъ, по особой лѣстницѣ, пристроенной снаружи. Раздался заунывно-торжественный звонъ всѣхъ петербургскихъ церквей, и пальба съ крѣпости и изъ адмиралтейства. За гробомъ слѣдовали: маршалъ церемоніальныхъ дѣлъ, императрица и всѣ особы царской семьи, поодиночкѣ, съ двумя ассистентами при каждомъ. Войска, при приближеніи траурной колесницы, опускали ружья и примыкали къ шествію. Вмѣстѣ съ Петромъ погребали скончавшуюся за нѣсколько дней передъ тѣмъ дочь его, царевну Наталію. Останки поставили на величественно убранный катафалкъ въ соборѣ, и краснорѣчивый Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ свое знаменитое слово, сохранившееся въ числѣ образцовъ ораторскаго искусства. Рѣчь начиналась словами: „Что се есть? до чего мы дожили, о россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ?—Петра Великаго погребаемъ!“ Перечисливъ затѣмъ великія дѣла скончавшагося царя, причемъ въ храмѣ слышались рыданія присутствовавшихъ, проповѣдникъ закончилъ рѣчь словами утѣшенія: „Не весьма же, россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости; не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное [богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною—славная и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовныя, гражданскія и воинскія исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла

своего, духъ свой оставилъ намъ". Преданіе землѣ царственныхъ останковъ Петра возвѣщено было столицѣ троекратными залпами изъ пушекъ и ружей.

Такъ проводилъ въ могилу Петербургъ своего великаго создателя.

Дворецъ, гдѣ провелъ послѣдніе годы жизни и скончался Петръ I, нынѣ уже не существуетъ; но для потомства сохранилось его первое жилище, извѣстное подъ названіемъ „домика Петра Великаго" на Петербургской сторонѣ. Домикъ этотъ имѣетъ 9 саженъ длины и 3 сажени ширины; въ немъ 17 оконъ, и всего только двѣ небольшія комнаты, раздѣленныя сѣнями и кухнею. Строили его сардамскіе плотники, по образцу домовъ рабочихъ въ Сардамѣ. Срубъ сдѣланъ изъ обтесанныхъ съ обѣихъ сторонъ бревенъ; крыша изъ дощечекъ въ видѣ черепицы. Первоначально все это было выкрашено подъ кирпичъ въ голландскомъ вкусѣ, и надъ домомъ имѣлось украшеніе изъ деревянной мортиры и двухъ пылающихъ бомбъ. Внутри обѣ комнаты были обтянуы бѣлымъ холстомъ, двери и ставни расписаны букетами розъ и другихъ цвѣтовъ: оконные переплеты были свинцовые. Въ комнатѣ направо отъ входа Петръ принималъ сановниковъ и занимался дѣлами; другая служила столовой и спальной. Въ царствованіе Николая I здѣсь устроена часовня съ образомъ Спасителя. Для предохраненія домика отъ дѣйствія климата, онъ обнесенъ каменной крытой галлереей (въ царствованіе Екатерины II).

Другой дворецъ, сохранившійся отъ петровскихъ временъ до нынѣшнихъ дней, находится въ Лѣтнемъ саду. Онъ тоже называется домикомъ Петра Великаго, но не совсѣмъ правильно, такъ какъ

выстроенъ былъ для супруги его Екатерины Алексѣевны, которая и занималась тамъ своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Постройка его была начата еще архитекторомъ Леблономъ, но закончена архитекторомъ Микетти. Дворецъ двухъэтажный, въ каждомъ этажѣ по 11 комнатъ. Надъ окнами барельефы, стѣны заканчиваются лѣпнымъ карнизомъ; крыша изъ бѣлаго желѣза. По угламъ крыши стояли прежде четыре дракона, окрашенные бѣлою краскою. Внутренняя отдѣлка стѣнъ изъ бѣлаго холста въ рѣзныхъ деревянныхъ панеляхъ. Потолки лѣпные, расписанные аллегорической живописью. Двери орѣховыя и дубовыя, съ рѣзбою; на дверяхъ въ спальную сохраняется рѣзное распятіе, сдѣланное собственноручно самимъ Петромъ.

Отъ другого дворца, построеннаго для Екатерины Алексѣевны въ Екатерингофѣ, не входившемъ тогда въ черту города, сохранилось очень мало. Онъ былъ первоначально одноэтажный, но въ царствованіе Елизаветы Петровны перестроенъ въ двухъэтажный; только боковыя стѣны оставлены тѣ же, какія были выстроены при Петрѣ.

Въ дворцахъ этихъ сохраняются еще многіе предметы, служившіе великому основателю Петербурга. Такъ, въ домикѣ на Петербургской сторонѣ можно видѣть яликъ съ веслами и багромъ, работы самого царя. Тамъ же находятся: изорванный парусъ съ его катера, деревянная рюмка, выточенная имъ самимъ и пр.

Во дворцѣ Лѣтняго сада обращаютъ на себя вниманіе часы, купленные Петромъ въ Голландіи. Они показываютъ не только время, но и направленіе вѣтровъ и состояніе атмосферы. Вставлены

они въ футляръ орѣховаго дерева, со стеклами. Тамъ же хранится портретъ Петра во весь ростъ, въ латахъ, съ датскимъ орденомъ на цѣпи, и шкафъ орѣховаго дерева, работу котораго приписываютъ Петру. Въ этомъ шкафу царь пряталъ свое бѣлье и ботфорты. Наконецъ, въ этомъ же зданіи хранятся три стула и кресла изъ кабинета Петра, тоже его собственной работы. Они сдѣланы изъ простого дерева и окрашены желтою краской.

Екатерингофскій дворецъ въ XVIII вѣкѣ былъ богаче всѣхъ предметами, относящимися къ домашней обстановкѣ Петра. При перестройкѣ его, по приказанію Елизаветы Петровны, въ нижнемъ этажѣ старались все сохранить въ томъ видѣ, какъ было при великомъ царѣ. Передъ спальней его стоялъ шкафъ, и въ немъ синій кафтанъ съ золотымъ шитьемъ, который Петръ носилъ въ сраженіяхъ. Въ спальнѣ стояла простая сосновая кровать, сколоченная руками царя. На кровати лежали шелковыя зеленыя, сильно выцвѣвшія одѣяло и наволочки, съ вышитыми золотомъ орлами. Въ верхнемъ этажѣ хранились большіе англійскіе часы съ музыкой, игравшіе 12 піесъ; бой и музыку этихъ часовъ Петръ чрезвычайно любилъ. Во дворцѣ стояло также много китайскихъ вещей, привезенныхъ Петру изъ Пекина капитаномъ Измайловымъ.

Большая часть упомянутыхъ предметовъ сохраняется въ екатерингофскомъ дворцѣ и до настоящаго времени.

Добавимъ кстати, что въ петровской галлереѣ Эрмитажа, среди другихъ замѣчательныхъ вещей, напоминающихъ Петра, находится чучело его лошади, бывшей подъ нимъ во время полтавскаго

боя, и восковая фигура Петра въ голубомъ шелковомъ кафтанѣ, вышитомъ серебромъ руками Екатерины. Это тотъ самый кафтанъ, который царь надѣвалъ въ день коронованія Екатерины, и о которомъ разсказываютъ, что встряхнувъ его и указывая на осыпавшіяся блестки, бережливый Петръ сказалъ:—„Смотри, Катенька,—слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ Петра Великаго до XIX вѣка.

I.

Жители покидаютъ Петербургъ.—Бракосочетаніе царевны Анны Петровны.—Учрежденіе академіи наукъ.—Кончина императрицы Екатерины I.

Нельзя было не предвидѣть, что съ кончиною великаго преобразователя Россіи, быстрый ростъ созданной имъ новой столицы долженъ былъ пріостановиться. Перестала дѣйствовать могучая воля, всему дававшая движеніе, все направлявшая къ завѣтной цѣли. Новая столица еще не пользовалась сочувствіемъ своихъ недавнихъ и по большей части подневольныхъ обитателей. Ни новизна мѣста, ни петербургскій климатъ, ни условія петербургской жизни не привлекали переселенныхъ сюда жителей Москвы и внутреннихъ областей. Даже при Петрѣ большинство изъ нихъ строилось на

берегахъ Невы неохотно; только цѣною настойчивыхъ усилій царю удалось достигнуть застройки Васильевскаго острова обывательскими домами, на безплатно розданныхъ земельныхъ участкахъ. Потребовалось наводить справки о состоятельности каждаго лица, о получаемыхъ имъ доходахъ изъ деревень, и на основаніи такихъ справокъ обязывать строить дома опредѣленнаго размѣра. Подобными мѣрами удалось достигнуть, что по набережной Невы на Васильевскомъ островѣ вытянулся рядъ каменныхъ домовъ, производившій пріятное впечатлѣніе. Но дома стояли по большей части неотдѣланными внутри: владѣльцы, повинуясь царскому приказу, возвели требуемые фасады, но устраиваться въ этихъ домахъ на жительство не торопились. На другихъ улицахъ острова возвышались среди пустырей одинокія зданія тоже почти необитаемыя, и о которыхъ современникъ замѣчалъ въ мартѣ 1725 года, что „и они со временемъ большею частью будутъ снесены".

Относящіеся къ городскому строительству строгіе указы Петра не были отмѣнены, потому что ни императрица Екатерина, ни Меншиковъ вовсе не желали ниспровергать дѣло покойнаго царя; но само собою такъ случилось, что указы переставали исполняться, и полицiймейстеръ Девіеръ, поддаваясь общему неопредѣленному настроенію, подъ рукою допускалъ отдѣлываться отъ обязательныхъ построекъ.

Нерасположеніе обывателей къ новой столицѣ сказалось со всею очевидностью тотчасъ послѣ погребенія Петра. Раннею весною началось всеобщее бѣгство изъ Петербурга. Прежде всѣхъ спѣшили покинуть берега Невы лица придворнаго общества,

сановники, дворяне. Всѣ они, какъ только почувствовали, что твердая рука не удерживаетъ ихъ въ петровскомъ „парадизѣ“, спѣшили выѣхать изъ него съ семьями и имуществомъ—кто въ Москву, кто въ провинцію. За ними потянулись купцы, мелкіе торговцы, мѣщане, ремесленники. Петербургъ въ короткое время опустѣлъ наполовину. Бѣгство это сказалось вскорѣ такими неудобствами

Петропавловская крѣпость.

для оставшихся жителей города, что въ 1729 году Петръ II, хотя самъ недолюбливавшій новую столицу, принужденъ былъ повелѣть вернуть силою разбѣжавшихся людей торговаго и ремесленнаго званія, съ женами и дѣтьми, при чемъ взять съ нихъ подписку, подъ страхомъ отобранія всего имущества и ссылки на каторгу—впредь безъ особаго указа изъ Петербурга не выѣзжать.

Опустѣніе столицы нѣсколько замедлилось тор-

жествами по случаю бракосочетанія дочери Петра I, царевны Анны Петровны, съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ голштинскимъ. Бракъ этотъ, имѣвшій огромное значеніе для грядущихъ судебъ Россіи, такъ какъ плодомъ его былъ будущій императоръ Петръ III, супругъ Екатерины Великой, былъ устроенъ еще отцомъ царевны. Онъ и отпразднованъ былъ по церемоніалу, установленному Петромъ сообразно съ обычаями европейскихъ дворовъ. Главную роль въ церемоніи играли оберъ-маршалъ князь Меншиковъ и маршалъ Ягужинскій. Они поѣхали въ парадной каретѣ за женихомъ и привезли его къ невѣстѣ въ Лѣтній дворецъ. Отсюда жениха и невѣсту перевезли въ торжественной процессіи, на двѣнадцати большихъ катерахъ, черезъ Неву въ Троицкій соборъ, гдѣ и совершено вѣнчаніе Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, 21 мая. Послѣ вѣнчанія молодымъ былъ предложенъ парадный обѣдъ въ „церемоніальной залѣ“, нарочно построенной въ выходящей на Неву сторонѣ Лѣтняго сада, гдѣ теперь его рѣшетка и часовня. Постройка эта состояла изъ громадной залы съ параллельными рядами оконъ на Неву и въ садъ, и примыкавшихъ къ ней крытыхъ галлерей. Обѣдъ отличался пышностью. Послѣ тостовъ палили изъ пушекъ, въ громадныхъ паштетахъ поданы были карлики, танцовавшие по столамъ, и пр. Вставъ изъ за стола, новобрачные и все общество прошли черезъ садъ на лугъ, гдѣ были выстроены оба гвардейскіе полка. Полки дали три ружейныхъ залпа. Кругомъ толпился и ликовалъ народъ, для котораго на лугу были устроены фонтаны, бившіе виномъ, и стояли жареные быки. Императрица и новобрачные любовались народ-

нымъ весельемъ до 10 часовъ вечера. Затѣмъ молодую чету отвезли въ парадной каретѣ государыни, запряженной восемью лошадьми, въ домъ адмирала Апраксина (на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца) занимаемый герцогомъ.

Въ дѣлахъ правленія кончина Петра Великаго вызвала неизбѣжное затишье. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые планы его приводились въ исполненіе. Такъ, въ кратковременное царствованіе Екатерины I осуществилось учрежденіе академіи наукъ, занимавшее Петра въ послѣдніе годы его жизни. Великій преобразователь сознавалъ необходимость для Россіи высшаго ученаго учрежденія, но долго обдумывалъ этотъ предметъ, такъ какъ, въ виду слабыхъ зачатковъ образованности въ странѣ, не считалъ возможнымъ остановиться на европейскихъ образцахъ академій и университетовъ. Заграницею онъ совѣщался объ этомъ съ знаменитымъ ученымъ Лейбницемъ, и предположилъ основать въ Петербургѣ такое учрежденіе, которое удовлетворяло бы до извѣстной степени двоякому назначенію: было бы собраніемъ ученыхъ людей, разрабатывающихъ науку, и въ тоже время учебнымъ заведеніемъ для молодыхъ людей, порученныхъ академикамъ и при нихъ обучающимся и занимающимся переводами иностранныхъ книгъ на русскій языкъ. На содержаніе такой академіи Петръ соглашался назначить значительную для того времени сумму—до 25 тысячъ рублей. Все было уже подготовлено, и Екатерина, открывая въ декабрѣ 1725 г. академію наукъ, только приводила въ дѣйствіе одобренный Петромъ уставъ ея.

Президентомъ академіи былъ избранъ ученый лейбъ-медикъ Блументростъ; въ числѣ первыхъ

академиковъ встрѣчаемъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ Европѣ специалистовъ: братьевъ Бернулли, Гольдбаха, Мартини, Байера и др. Но при скудномъ уровнѣ просвѣщенія въ странѣ и равнодушіи общества къ научнымъ интересамъ, академія вначалѣ мало преуспѣвала въ своихъ ученыхъ трудахъ, и вызовъ иностранныхъ академиковъ не всегда могъ назваться удачнымъ.

По взглядамъ того времени, все рѣдкостное, диковинное принадлежало къ области науки, и потому въ академическій музей перенесли разные странные предметы изъ заведенной Петромъ кунсткамеры, и сюда же доставляли всякія рѣдкости: ребенка съ рыбьимъ хвостомъ, разныхъ уродцевъ, тѣло павшаго слона или льва для набивки чучелъ; и т. п. Гораздо важнѣе были заботы объ устройствѣ академической библіотеки, куда поступили книги изъ нѣкоторыхъ частныхъ хранилищъ: Шафирова, архіерея Ѳеодосія, и др. Позднѣе, при Петрѣ II, сюда передана была и бывшая библіотека царевича Алексѣя. Въ академію наукъ перевезли также знаменитый готторпскій глобусъ, подаренный Петру въ 1713 году голштинскимъ герцогомъ. Глобусъ этотъ мѣдный, имѣетъ 11 футъ въ діаметрѣ и болѣе 200 пудовъ вѣсу. Наружная поверхность его представляетъ изображеніе земного шара, а внутренняя—небеснаго свода, со всѣми созвѣздіями. Въ центрѣ глобуса находится столъ со скамейками, на которыхъ могутъ размѣститься 12 человѣкъ. Весь шаръ вращается вокругъ своей оси. Доставка этого глобуса въ Россію была сопряжена съ огромными трудностями. До Ревеля его везли моремъ, а затѣмъ двигали сухимъ путемъ съ помощью особыхъ приспособленій. Въ нѣ-

которыхъ мѣстностяхъ приходилось прокладывать для него дорогу, вырубая просѣки въ лѣсахъ и наводя мосты.

Въ Петербургѣ обнаружены были случаи поджоговъ, и необходимо было усилить надзоръ за порядкомъ въ городѣ. Поэтому въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины наряжались военные патрули и разъѣзды, охранявшіе спокойствіе на улицахъ, устроенъ былъ караульный домъ у Аничкова моста, а затѣмъ увеличенъ личный составъ полиціи. При этомъ всѣмъ полицейскимъ чинамъ дана была новая, довольно затѣйливая форма: кафтаны и брюки василькового цвѣта, зеленые камзолы, лосинныя перевязи, сумки для патроновъ и шпаги съ мѣднымъ эфесомъ.

Ради поддержанія порядка въ городѣ, запрещены были кулачные бои, составлявшіе любимую потѣху обывателей. Для устройства этихъ боевъ впредь требовалось каждый разъ разрѣшеніе полиціи.

Весной 1727 года императрица Екатерина опасно занемогла горячкою, усложнившеюся воспаленіемъ легкихъ. 6 мая она скончалась, и верховному совѣту представлено было ея завѣщаніе, которымъ преемникомъ ея объявлялся внукъ Петра Великаго, одиннадцатилѣтній Петръ Алексѣевичъ. За малолѣтствомъ его, управленіе дѣлами предоставлялось верховному совѣту изъ девяти лицъ, въ числѣ которыхъ названы были обѣ цесаревны (Анна Петровна и Елизавета Петровна) и герцогъ голштинскій.

II.

Императорскій дворъ покидаетъ Петербургъ. — Управленіе Миниха. — Въѣздъ императрицы Анны въ Петербургъ.

Въ кратковременное царствованіе Петра II, основанная его дѣдомъ столица подверглась тяжкому испытанію: дворъ, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ государемъ, переселился въ Москву, Петербургъ еще болѣе опустѣлъ, и самый вопросъ о томъ, оставаться ли ему столицей, представлялся сомнительнымъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Петербургъ не видалъ въ своихъ стѣнахъ императорскаго двора. Начальствованіе надъ городомъ и остававшимися въ немъ войсками поручено было генералъ-фельдцейхмейстеру Миниху, человѣку съ основательными военными знаніями, дѣятельному, настойчивому и распорядительному, уже прославившему себя работами по прорытію Ладожскаго канала. Но городъ, съ отъѣздомъ двора, опустѣлъ еще болѣе чѣмъ послѣ кончины своего основателя. Дворянство и купечество спѣшило покинуть его, увозя свои капиталы и имущество; деньги вздорожали, учетный процентъ повысился.

Тѣмъ не менѣе, и въ это неблагопріятное время, кое-что было сдѣлано для городского благоустройства. Такъ, еще въ послѣдніе мѣсяцы управленія Меншикова, устроенъ былъ первый наводный (плашкоутный) мостъ черезъ Неву, отъ деревяннаго Исаакіевскаго собора близъ адмиралтейства къ дому Меншикова на Васильевскомъ острову. Раньше никакихъ мостовъ на Невѣ не было, и сообщеніе производилось на лодкахъ и баркахъ. Повидимому, первый мостъ былъ устроенъ плохо, такъ какъ имѣется свѣдѣніе, что когда въ октябрѣ 1729 года

Минихъ давалъ у себя обѣдъ и балъ, то могли собраться только гости съ лѣваго берега, съ праваго же никто не пріѣхалъ вслѣдствіе прибыли воды.

Закончена была постройка каменныхъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости и возводилось обширное зданіе двѣнадцати коллегій (нынѣ университетъ). Положено было начало правильнымъ морскимъ сообщеніямъ съ Европою: изъ Кронштадта стали отходить почтовые и пассажирскіе пакетботы въ Данцигъ и Любекъ, съ платою по 3 рубля за проѣздъ. Но самое большое значеніе для Петербурга имѣло окончаніе Ладожскаго канала, установившее подвозъ припасовъ и расширившее торговые обороты петербургскаго порта.

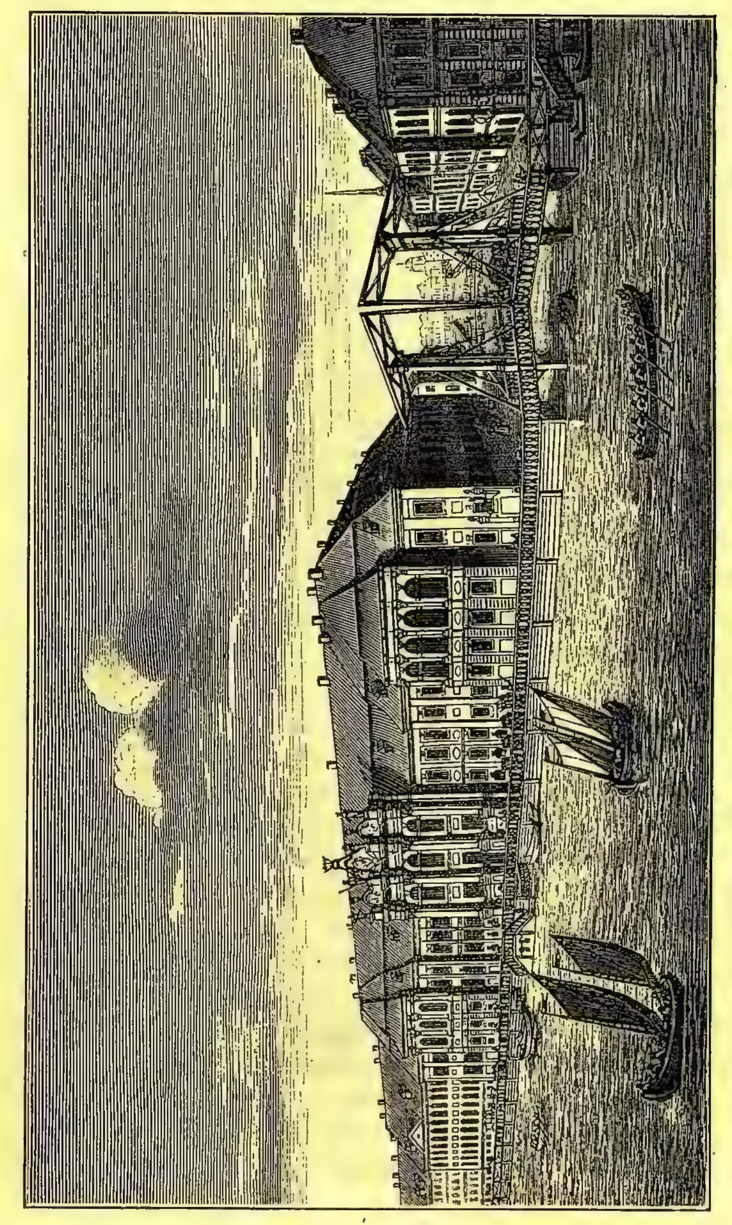
Дѣятельный Минихъ всячески старался оживить опустѣвшую столицу. Онъ неутомимо давалъ обѣды, балы, празднества въ торжественные дни, дѣлалъ смотры войскамъ, парады при спускѣ судовъ. Молодая академія наукъ тоже стремилась разнообразить городскую жизнь торжественными засѣданіями и публичными научными опытами и чтеніями, впрочемъ не особенно удачно, такъ какъ выписные академики произносили рѣчи и давали объясненія на иностранныхъ языкахъ. Иностранцы вообще заняли видное мѣсто въ общественной жизни, такъ какъ Петербургъ, почти переставъ быть резиденціей, больше всего походилъ въ это время на международный портовый городъ.

Въ январѣ 1730 года Петръ II заболѣлъ оспою, и въ ночь на 19 января скончался. На престолъ вступила вдовствующая герцогиня курляндская Анна Іоанновна, племянница Петра Великаго, дочь его старшаго брата, царя Ивана Алексѣевича. 28 апрѣля она короновалась въ Москвѣ, и событіе

это въ тотъ же день было блестящимъ образомъ отпраздновано въ Петербургѣ.

Послѣ торжественнаго обѣда у Миниха, вечеромъ передъ его домомъ былъ сожженъ фейерверкъ, какого еще не видали въ Россіи. Устроилъ его начальникъ пороховаго завода Шпарейтеръ, большой мастеръ пиротехники. Онъ выставилъ три большихъ щита, освѣщенныхъ разноцвѣтными огнями. На среднемъ была изображена императрица со скипетромъ и державою. Изъ рога изобилія сыпались къ ногамъ ея „короны, скипетры, вѣнцы, меркуріевы жезлы, медали, фрукты и разные листы". Надъ головою императрицы „изъ облакъ выходящая рука, держа императорскую же корону, оную на ея императорское величество возлагала, и отъ головы, свыше коронованной, исходили лучи". Огни горѣли во всю ночь, и потомъ зажигались по вечерамъ цѣлую недѣлю.

Но вопросъ, гдѣ имѣть пребываніе императорскому двору, еще не былъ рѣшенъ. Только годъ спустя Миниха вызвали въ Москву и поручили озаботиться приготовленіемъ петербургскихъ дворцовъ къ переѣзду государыни. Осенью 1731 года вернулась въ Петербургъ гвардія, въ составѣ которой прибавился новый полкъ—измайловскій, получившій названіе отъ подмосковнаго села Измайлова, гдѣ жила императрица. Затѣмъ прибыла въ Петербургъ сестра государыни, герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна, а вскорѣ послѣ новаго года—цесаревна Елизавета Петровна. Наконецъ, 15 января 1732 года прибыла императрица, и остановилась для ночлега въ домѣ Брюса. Торжественный въѣздъ ея въ столицу произошелъ лишь на другой день.

Зимній дворецъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въѣздъ этотъ устроенъ былъ съ чрезвычайною пышностью: хотѣли придать особое значеніе событію, возвращавшему Петербургу его достоинство царской резиденціи. Шествіе тянулось по Литейному проспекту, называвшемуся тогда Артиллерійской улицей, и по Невскому. Впереди всѣхъ ѣхали верхами почт-директоръ, почтмейстеры и почтальоны; послѣдніе играли на рожкахъ. За ними отрядъ драгунъ, потомъ русскіе и иностранные купцы, съ бургомистрами на изукрашенныхъ лошадяхъ. Далѣе верховые литаврщики и трубачи, опять драгунскій отрядъ, и рядъ каретъ съ особами двора, запряженныхъ цугомъ. Камергеры и камеръ-юнкеры, въ числѣ шести паръ всадниковъ, предшествовали парадной каретѣ императрицы. По сторонамъ этой кареты шли гайдуки, а за каретою оберъ-камергеръ Биронъ съ генералъ-адъютантами, всѣ верхомъ. Замыкалъ шествіе рядъ экипажей съ придворными дамами и женами сановниковъ. По Невскому разставлены были шпалерами войска. На пути шествія устроено было нѣсколько тріумфальныхъ арокъ.

Прослѣдовавъ черезъ весь Невскій, императрица вступила въ Исаакіевскій соборъ у адмиралтейства. Ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола, изъ крѣпости раздалась пальба. Затѣмъ государыня отъѣхала въ бывшій домъ Апраксина, избранный ею и отдѣланный для нея вмѣсто Зимняго дворца, причемъ опять палили изъ пушекъ, а войска привѣтствовали царицу бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Вечеромъ городъ освѣтился иллюминаціей и фейерверкомъ.

Черезъ три дня данъ былъ большой придворный балъ, а съ 23 января установились еженедѣль-

ные пріемы во дворцѣ по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

Неутомимый Минихъ, желая развлечь дворъ, устроилъ примѣрное взятіе войсками снѣжной крѣпости по Невѣ, противъ временнаго дворца, закончившееся красивымъ маневромъ на льду: войска стали такимъ образомъ, чтобы изобразить своимъ построеніемъ букву А.

III.

Первый кадетскій корпусъ.—Распространеніе Петербурга.—Осушеніе болотъ. — Городское благоустройство. — Наводненія и пожары.

Одною изъ первыхъ и важнѣйшихъ мѣръ новаго царствованія было основаніе въ Петербургѣ шляхетскаго кадетскаго корпуса. Указомъ 29 іюля 1731 года повелѣно было учредить корпусъ изъ 200 дворянскихъ дѣтей русскаго и нѣмецкаго происхожденія, возрастомъ отъ 13 до 18 лѣтъ, „которыхъ обучать ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, артиллеріи, шпажному дѣйству, на лошадяхъ ѣздить и прочимъ къ воинскому дѣйству потребнымъ наукамъ“. Но такъ какъ не всѣ бываютъ склонны къ военной службѣ, и такъ какъ государству „не менѣе нужно политическое и гражданское обученіе“—разсуждаетъ далѣе указъ—то въ корпусѣ полагалось преподавать также новые иностранные языки и латинскій, исторію, географію, юриспруденцію, танцы, музыку и „прочія полезныя науки“, обучая имъ каждаго сообразно его склонностямъ и способностямъ. Такимъ образомъ, этотъ первый въ Россіи кадетскій корпусъ не былъ

исключительно военнымъ училищемъ, но смѣшаннымъ, и въ такомъ видѣ наиболѣе отвѣчалъ потребностямъ времени. Этимъ объясняется, почему изъ корпуса вышло впослѣдствіи не мало замѣчательныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ, въ томъ числѣ и литературномъ.

Военная часть въ этомъ корпусѣ сразу была такъ хорошо поставлена, что уже черезъ годъ кадеты, представясь императрицѣ въ манежѣ Бирона и произведя въ ея присутствіи маневры и упражненія, привели ее въ восхищеніе и заслужили полную ея похвалу. Государыня пожаловала кадетской ротѣ бѣлое атласное знамя, и сама вбила первый гвоздь, прикрѣпляя его къ древку.

Для помѣщенія корпуса приспособленъ былъ великолѣпный домъ князя Меншикова на Васильевскомъ острову, отобранный въ казну послѣ паденія временщика. Замѣтимъ кстати, что устроенный при Меншиковѣ единственный мостъ черезъ Неву былъ разобранъ во время опалы князя, но теперь снова возстановленъ.

Съ возвращеніемъ двора въ новую столицу, пріостановившійся было ростъ Петербурга вновь получилъ свое естественное движеніе. Вмѣсто временнаго запустѣнія, мы видимъ такой наплывъ населенія, что въ городѣ почувствовался квартирный кризисъ. Всѣ стремились въ столицу, гдѣ дворецъ молодой государыни являлся центромъ пышной общественной жизни, гдѣ празднества слѣдовали за празднествами, а потребности многочисленнаго двора обѣщали заработокъ торговцамъ и ремесленникамъ. Цѣны на квартиры сильно поднялись. Домовладѣльцы стали отказывать въ сдачѣ помѣщеній офицерамъ, предпочитая болѣе зажи-

точныхъ жильцовъ. На это обратили вниманіе, и были приняты мѣры, ограничившія жадность домохозяевъ.

Застройка города сдѣлала въ царствованіе Анны Іоанновны значительные успѣхи. Городская площадь на лѣвомъ берегу Невы раздвинулась чрезвычайно. Оба берега Фонтанки вошли въ центральную часть; тамъ строились уже не дачи, а городскіе дома. Пограничной городской чертой можно было считать уже Загородный проспектъ и нынѣшнюю Николаевскую улицу. Но и за этой чертой, до самаго Смольнаго и Александро-Невской лавры, дѣятельно строились. Большую часть этой мѣстности „откупилъ“ графъ Минихъ, взявшись осушить ее собственными средствами, подъ условіемъ заимообразнаго отпуска денегъ изъ казны и вѣчнаго права на десятую часть всего пространства, сдѣлавшагося обитаемымъ. Какъ знающій инженеръ, Минихъ хорошо разсчиталъ выгоды дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ и городу большую услугу, приведя въ короткое время обширную мѣстность въ состояніе, въ которомъ она могла застраиваться. Правительство впослѣдствіи продолжало дѣло Миниха, распространивъ осушеніе почвы до Смольнаго и далѣе.

На старыхъ мѣстахъ, между Невою и Фонтанкою, на Васильевскомъ острову и Петербургской сторонѣ, заботились о замѣнѣ деревянныхъ построекъ каменными, объ уравненіи улицъ, устройствѣ рынковъ и пр. Въ 1734 году предпринята была первая подворная опись Петербургу, оставшаяся неоконченною; тогда же начаты работы по съемкѣ города на планъ. Частые пожары вызывали мѣры для борьбы съ огнемъ и предосторожности противъ поджоговъ и небрежности.

Однимъ ихъ важнѣйшихъ распоряженій по благоустройству города было учрежденіе Гостинаго двора на его нынѣшнемъ мѣстѣ. Сначала выстроены были деревянные временные ряды, но затѣмъ торговцы были обязаны построить каменныя лавки, по утвержденному плану. Надо впрочемъ замѣтить, что эта старѣйшая постройка Гостинаго двора была до крайности проста и некрасива въ архитектурномъ отношеніи. Къ ней примыкали другіе торговые ряды, по направленію Садовой улицы, а дальше по той же улицѣ предполагались дома зажиточныхъ людей съ большими садами. Въ настоящее время только Юсуповъ садъ напоминаетъ тогдашнюю затѣю.

Въ Коломнѣ также прокладывались улицы и начиналось строеніе.

Многое дѣлалось и для поддержанія наружнаго порядка на улицахъ: принимались мѣры противъ нищихъ и бродягъ, устраивались богадѣльни; въ пригородныхъ мѣстахъ дѣлали просѣки, чтобы помѣшать скрываться тамъ ворамъ и грабителямъ.

Обращено было вниманіе на быструю и неосторожную ѣзду. „Многіе люди и извозчики—говорилось въ указахъ—ѣздятъ въ саняхъ рѣзво, и верховые ихъ люди передъ ними необыкновенно скачутъ и на другихъ наѣзжаютъ, бьютъ плетьми и лошадьми топчутъ“. Былъ случай, что чья-то дышловая пара наѣхала на самого Миниха, и стоявшаго у него на запяткахъ адъютанта (тогда это было въ обычаѣ) сильно зашибла. Указы грозили за такую неосторожную ѣзду жестокими взысканіями: битьемъ кошками и даже смертною казнью.

Запрещена была также ружейная и всякая иная охота въ чертѣ города. Но сама императрица Анна

очень любила стрѣльбу изъ ружей, и часто забавлялась, стрѣляя изъ окна въ пролетавшихъ ласточекъ и воронъ.

Наводненія и пожары составляли обычное бѣдствіе того времени. Почва городской площади была тогда ниже чѣмъ теперь, берега Невы и каналовъ были плохо укрѣплены, и потому даже при незначительномъ подъемѣ воды, затопляло улицы на большомъ пространствѣ. Многія сооруженія еще петровскаго времени были мало-по-малу разрушены рядомъ наводненій.

Огонь находилъ обильную пищу въ рядѣ скученныхъ деревянныхъ строеній. Грубость городской черни подготовляла частые поджоги. Въ августѣ 1736 года былъ страшный пожаръ, происшедшій отъ неосторожности прислуги персидскаго посла, и испепелившій огромное пространство отъ Полицейскаго моста до церкви Вознесенія. Въ слѣдующемъ году подожгли два дома въ нынѣшней Милліонной улицѣ, и выгорѣло все пространство между Дворцовой набережной и Конюшеннымъ мостомъ. Обоими пожарами было уничтожено болѣе тысячи домовъ и нанесены милліонные убытки.

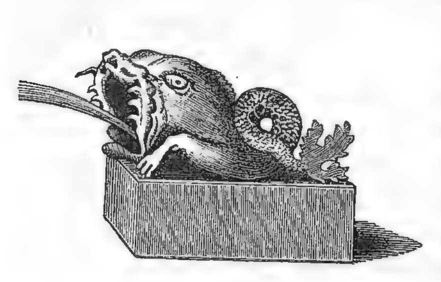
Такія бѣдствія вели за собою вздорожаніе квартиръ и жизненныхъ припасовъ; но говоря вообще, предметы первой необходимости въ Петербургѣ съ открытіемъ Ладожскаго канала, были недороги Вотъ нѣкоторыя рыночныя цѣны того времени четверикъ гречневыхъ крупъ 34—40 коп., гороха 40—55 к., овса 15 к., пудъ ржаной муки 26—27 к., крупичатой 75—80 к., масла коровьяго 1 р. 25 к., фунтъ говядины 1$^{3}/_{4}$ коп., гусь съ печенкой 12 к., солонина 3 коп., баранина 2 и 3 коп. за фунтъ

и т. д. Въ сравненіи съ нынѣшними, цѣны эти кажутся прямо невѣроятными.

IV.

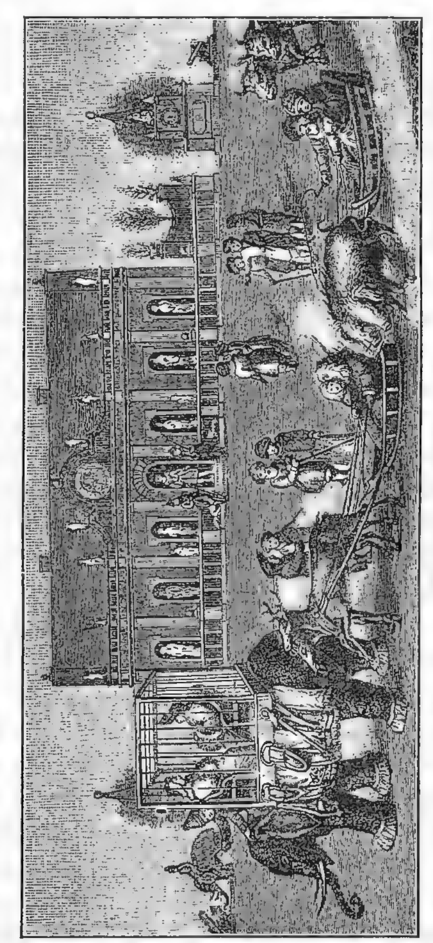
Дворъ Анны Іоанновны.—Придворные праздники.—Театральныя зрѣлища. — Празднованіе мира съ Турціей.—Ледяной домъ.

Въ петербургскомъ обществѣ въ то время уже появлялись затѣи роскоши, свидѣтельствовавшія о томъ, что въ столицѣ поселилось уже много людей достаточныхъ, и что благосостояніе города повысилось. По словамъ одного современника, „многіе стали имѣть открытые столы; вмѣсто сдѣланной изъ простого дерева мебели, начали не иную употреблять, какъ англійскую, сдѣланную изъ краснаго дерева мегагеня; дома увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ, уже по множеству стали имѣть; стали дома сіи обивать штофными и другими обоями, почитая непристойнымъ имѣть комнату безъ обоевъ; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали“. Все это, конечно, относится только къ состоятельному обществу; въ среднемъ кругу

Ледяной дельфинъ, извергающій нефть.

образъ жизни былъ по прежнему крайне простъ и скуденъ. Есть свидѣтельство, что кареты были тогда еще чрезвычайно рѣдки; большинство ѣздило либо въ открытыхъ англійскихъ коляскахъ, либо въ неуклюжихъ дрожкахъ мѣстной работы. Очень распространена была также ѣзда верхомъ.

Ледяной домъ и потѣшный поѣздъ.

Дворецъ, перестроенный изъ бывшаго дома адмирала Апраксина, вскорѣ показался недостаточно обширнымъ. Молодой архитекторъ Растрелли, сынъ переселившагося въ Петербургъ при Петрѣ Великомъ скульптора, составилъ планъ новаго роскошнаго дворца, близь адмиралтейства. Это былъ первый опытъ

художника, обладавшаго огромнымъ талантомъ и сдѣлавшагося вскорѣ однимъ изъ знаменитѣйшихъ архитекторовъ въ Европѣ. Проектъ его былъ одобренъ, и немедленно приступили къ расчисткѣ мѣста, назначеннаго подъ дворецъ. Вслѣдствіе отлучекъ Растрелли, работы шли медленно, но черезъ шесть лѣтъ новый Зимній дворецъ былъ готовъ, и какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по чрезвычайному изяществу фасадовъ явился лучшимъ украшеніемъ столицы.

Современники, даже иностранцы, удивлялись утонченному вкусу и блеску придворныхъ баловъ. Объ одномъ изъ нихъ сохранилось такое свидѣтельство: „Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту. Растенія, разставленныя шпалерами, образовали съ каждой стороны аллею, между тѣмъ какъ среди залы оставалось довольно пространства для танцевъ. Эти боковыя аллеи доставляли гостямъ возможность часто отдыхать, потому что укрывали садившихся отъ взоровъ государыни. Красота, благоуханіе и тепло въ этой своего рода рощѣ, тогда какъ изъ оконъ были видны только ледъ и снѣгъ— казались чѣмъ-то волшебнымъ“.

Въ большомъ ходу были также придворные спектакли, для которыхъ въ новомъ Зимнемъ дворцѣ устроена была театральная зала, гдѣ итальянская труппа давала оперы, комедіи и интермедіи. Труппа была довольно большая, такъ какъ кромѣ пѣвцовъ въ нее входили комедіанты, мимисты, танцоры и музыканты. Оркестръ этой труппы игралъ также во время придворныхъ обѣдовъ. Кромѣ того, положено было и первое основаніе русскому балету: учителю танцевъ въ шля-

хетскомъ корпусѣ Ланде поручено было обучать балетному искусству 12 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ, выбранныхъ самою императрицею въ семьяхъ дворцовой прислуги.

Другой придворный театръ былъ въ Лѣтнемъ дворцѣ.

Кромѣ итальянскихъ оперъ и интермедій, давались также русскія сцены и фарсы, разыгрываемыя, за неимѣніемъ русскихъ актеровъ, придворными дамами и кавалерами.

Скажемъ кстати, что къ этому же времени относятся первые опыты первыхъ русскихъ поэтовъ— Ломоносова, Кантемира и Тредьяковскаго.

Вниманіе петербургскаго Двора и общества было обращено въ тоже время на тяжелую четырехъ-лѣтнюю войну съ турками и крымскими татарами, въ которой успѣхи русскаго оружія чередовались съ невзгодами и затрудненіями, причиняемыми степнымъ характеромъ страны, недостаткомъ продовольствія и повальными болѣзнями. Фельдмаршалы Минихъ и Ласи совершили нѣсколько походовъ въ Крымъ и въ турецкіе предѣлы, и вездѣ, гдѣ русскія войска встрѣчались съ непріятельскими, побѣда не измѣняла нашему оружію. Взяты были хорошо укрѣпленные Перекопъ, Кинбурнъ, Азовъ, занятъ былъ Бахчисарай, столица крымскихъ хановъ. Въ 1737 г. палъ сильнѣйшій оплотъ турецкаго владычества на Черномъ морѣ, Очаковъ. Русская артиллерія такъ удачно дѣйствовала, что городъ былъ зажженъ во многихъ мѣстахъ; пользуясь переполохомъ, гусары и казаки ворвались въ крѣпость, и гарнизонъ сдался съ 93 орудіями и запасами. Спустя два года новое блестящее дѣло заставило султана склониться къ

миру. При деревнѣ Ставучанахъ, близь Хотина, турецкое войско, числомъ до 90 тысячъ, окружило русскую армію, опираясь на чрезвычайно укрѣпленную позицію. Минихъ, пренебрегая неравенствомъ силъ, напалъ на непріятеля, разгромилъ его при весьма малыхъ потеряхъ съ нашей стороны, и подступилъ къ Хотину, который сдался. Подвигъ этотъ былъ воспѣтъ Ломоносовымъ въ его первой одѣ, отъ которой ведетъ свое начало новая русская поэзія.

Миръ, закончившій эту славную войну, былъ отпразднованъ съ торжественностью, какой еще не видали въ Петербургѣ. Въ январѣ 1740 года вступила въ столицу возвращавшаяся съ похода гвардія. Войска шли по всему Невскому проспекту, и затѣмъ мимо Зимняго дворца, съ музыкой и развернутыми знаменами. Офицеры были украшены лавровыми вѣтвями, солдаты дубовыми и еловыми. Въ залѣ дворца императрица принимала поздравленія высшихъ сановниковъ, офицеровъ и иноземныхъ пословъ. Здѣсь былъ поднесенъ государынѣ подписанный султаномъ мирный договоръ, и сейчасъ же раздались пушечные выстрѣлы съ крѣпости, возвѣстившіе прекращеніе военныхъ дѣйствій. На другой день представлялись императрицѣ плѣнные турки, съ сераскиромъ взятой нами крѣпости Очакова во главѣ. Въ сумерки столица освѣтилась огнями, а на Невѣ зажжена была великолѣпная иллюминація.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, на масляницѣ, снова праздновалось заключеніе мира. По городу разъѣзжали герольды и читали народу мирныя условія. На Невѣ, противъ Зимняго дворца, данъ былъ разводъ отъ 20 тысячъ выстроеннаго войска.

Литургію во дворцѣ совершали 5 архіереевъ и 6 архимандритовъ. Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминованъ; свѣтящіяся декораціи были поставлены не только на Невѣ, но и передъ домами многихъ частныхъ лицъ. Народъ толпами сновалъ по улицамъ и ликовалъ.

Но главнымъ увеселеніемъ, оживившимъ эти праздничные дни и перешедшимъ въ исторію, былъ шутовской маскарадъ и свадьба въ „Ледяномъ домѣ". Извѣстнаго шута кн. Голицына женили на шутихѣ, калмычкѣ Бужениновой. Для новобрачныхъ было построено на набережной, между дворцомъ и адмиралтействомъ, затѣйливое зданіе, гдѣ все, отъ стѣнъ и крыши до домашней утвари, было сдѣлано изъ льда. Современникъ говоритъ, что этотъ домъ, „гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того казался сдѣланъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дражайшій камень, нежели на мраморъ походилъ". Передъ домомъ стояли ледяныя пушки, палившія ледяными ядрами; тутъ же ледяные дельфины ночью выбрасывали изъ пасти пламя зажженной нефти. Самый домъ освѣщался множествомъ свѣчъ. На ледяныхъ деревьяхъ съ ледяными сучьями и листьями сидѣли ледяныя птицы. На ледяномъ слонѣ въ натуральную величину сидѣлъ ледяной поводникъ-персіянинъ; изъ хобота своего слонъ выбрасывалъ днемъ воду, а ночью горящую нефть. Внутри дома мебель и всякая утварь также были сдѣланы изо льда; на столѣ лежали даже ледяныя коллоды картъ.

Чтобы придать этой затѣѣ еще больше разно-

образія и веселости, придумали устроить этнографическій маскарадъ. Представители всѣхъ живущихъ въ Россіи инородцевъ должны были участвовать въ шутовской свадьбѣ, плясать и пѣть по своему, и за свадебнымъ столомъ ѣсть свои любимыя національныя кушанья. Губернаторамъ приказано было выбирать людей по-парно, „и чтобы они собою были не гнусны“, и предъ отправкой въ Петербургъ „убрать ихъ въ наилучшее платье со всѣми приборы по ихъ обыкновенію, и чтобъ при мужскомъ полѣ были луки и прочее ихъ оружіе и музыка, какая у нихъ употребляется“.

V.

Кончина императрицы Анны Іоанновны. — Паденіе герцога Бирона.—Персидскій посланникъ и слоны въ Петербургѣ.

Осень 1740 года императрица Анна Іоанновна проводила въ Лѣтнемъ дворцѣ, но не въ томъ, который принадлежалъ нѣкогда Екатеринѣ I и существуетъ понынѣ, а въ другомъ, новомъ, выстроенномъ по линіи нынѣшней рѣшетки сада, на мѣстѣ галлереи, гдѣ праздновалось бракосочетаніе царевны Анны Петровны. Дворецъ этотъ, хотя одноэтажный, былъ очень обширенъ, и убранъ со всевозможною роскошью; онъ былъ разобранъ впослѣдствіи по приказанію императрицы Елизаветы Петровны.

Въ этомъ новомъ лѣтнемъ дворцѣ Анна Іоанновна, давно уже хворавшая, съ 6 октября 1740 г. почувствовала себя особенно худо, и 17 октября скончалась. Преемникомъ престола объявленъ былъ двухъ-мѣсячный сынъ Анны Леопольдовны,

принцессы брауншвейгской, Іоаннъ Антоновичъ подъ управленіемъ регента Бирона, герцога курляндскаго.

Биронъ, достигнувъ власти, не умѣлъ однако держаться на высотѣ положенія. Видя общее неудовольствіе противъ него, фельдмаршалъ Минихъ рѣшился его свергнуть. И дѣйствительно Биронъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку.

Спустя годъ, 25 ноября 1741 года, на престолъ вступила Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго, на которую давно уже съ надеждою смотрѣли и гвардія, и петербургское общество, и народъ. Среди сподвижниковъ новой императрицы вскорѣ стали выдвигаться даровитые русскіе люди, сообщившіе ея царствованію особый блескъ и оживившіе внутреннее развитіе страны.

Чтобы закончить разсказъ о петербургской жизни въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка, упомянемъ о пріѣздѣ въ столицу персидскаго посла, которымъ много занималось тогдашнее общество. Говорили, будто этотъ посолъ имѣлъ тайное порученіе отъ шаха Надира—предложить брачный союзъ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ подарокъ отъ шаха императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ привезли вслѣдъ затѣмъ изъ Персіи великолѣпнаго слона, для котораго выстроенъ былъ „слоновый дворъ“ на Фонтанкѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка. При слонѣ находился персидскій „слоновый учитель“, обязанный смотрѣть за нимъ, лечить его и прогуливаться съ нимъ по городскимъ улицамъ. На Невскомъ проспектѣ, куда обыкновенно водили слона, собиралась всегда толпа празднаго народа. Такъ какъ толпу эту составлялъ всякій сбродъ, то многіе дразнили и слона, и его провожатыхъ,

бросали въ нихъ камнями и палками. Содержаніе слона обходилось не дешево; ему полагалось одной пшеничной муки по пуду въ день, сахару 28 пудовъ въ годъ, и что всего удивительнѣе—100 ведеръ водки и виноградняго вина. При этомъ оба напитка требовались лучшаго качества, и однажды „слоновый учитель" пожаловался, что водка „къ удовольствію слона неудобна, понеже явилась съ пригарью и некрѣпка".

Небрежность слугъ персидскаго посла была причиною страшнаго пожара, опустошившаго цѣлую часть города между Полицейскимъ мостомъ и церковью Вознесенья.

Въ 1741 году шахъ Надиръ, зная, что его слонъ былъ хорошо принятъ въ Петербургѣ, прислалъ снова 14 слоновъ. Для нихъ къ существовавшему „слоновому двору" пристроили еще новые обширные сараи, а для благополучнаго слѣдованія ихъ перемостили Аничковъ и нѣкоторые другіе мосты. На Фонтанкѣ устроили скатъ, по которому слоны могли бы ходить купаться. Позднѣе „слоновый дворъ" перевели на уголъ Невскаго (называвшагося тогда Першпективной улицей) и Лиговки.

IV.

Новый вѣкъ петербургской архитектуры.—Постройки гр. Растрелли.—Деревянный Зимній дворецъ.— Большой зимній дворецъ. —Аничковскій дворецъ.—Смольный монастырь.—Улицы.

Мы видѣли, что до сихъ поръ, при Петрѣ Великомъ и его первыхъ преемникахъ, Петербургъ только застраивался, удовлетворяя насущной потребности крова и разнообразнымъ нуждамъ управленія. Объ украшеніи города еще мало заботи-

Планъ Петербурга въ 1737 году.

лись, большихъ каменныхъ зданій было немного. Даже важнѣйшіе храмы строились деревянные: соборъ св. Троицы на Петербургской сторонѣ, св. Исаакія близь адмиралтейства, Рождества Христова на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора. Но въ царствованіе Елизаветы Петровны стали заботиться о томъ, чтобы украсить Петербургъ величественными зданіями, достойными столицы. Къ этому времени относятся многія такія сооруженія, которыя до сихъ поръ считаются достопримѣчательностями города и составляютъ его украшеніе.

Наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ молодому архитектору графу Растрелли, сыну итальянскаго скульптора, вызваннаго Петромъ Великимъ. Одаренный замѣчательнымъ талантомъ, неистощимый въ изобрѣтеніи, знакомый лично съ архитектурными памятниками Европы, докончившій свое артистическое образованіе у лучшихъ заграничныхъ мастеровъ, гр. Бартоломео Растрелли далъ чрезвычайный толчекъ строительному искусству въ Россіи. Его именемъ называется цѣлая эпоха въ нашей архитектурѣ, и его созданія отмѣчены такой величавой красотой, которая выдѣляетъ ихъ даже среди позднѣйшихъ памятниковъ.

Еще въ царствованіе Анны Іоанновны гр. Растрелли составилъ первоначальный проектъ новаго Зимняго дворца, на набережной между старымъ дворцомъ, передѣланнымъ изъ дома адмирала Апраксина, и адмиралтействомъ. По этому плану и былъ выстроенъ временный дворецъ, существовавшій до 50-хъ годовъ XVIII столѣтія. Но императрица Елизавета Петровна не любила ни этого

дворца, ни своего собственнаго на Царицыномъ лугу, гдѣ она жила цесаревною. По вступленіи на престолъ, она имѣла пребываніе преимущественно въ такъ называемомъ Лѣтнемъ дворцѣ на Фонтанкѣ, на мѣстѣ близь нынѣшняго Инженернаго замка. Но дворецъ этотъ не отвѣчалъ расширившимся потребностямъ придворной жизни, и императрица приказала разомъ строить два новые дворца: одинъ временный деревянный, у Полицейскаго моста, другой каменный на невской набережной, оба по планамъ гр. Растрелли.

За работы принялись съ большою спѣшностью Деревянный дворецъ строили въ видѣ трехъ корпусовъ, соединенныхъ галлереями и выходившихъ фасадами на адмиралтейскій лугъ. Главный корпусъ, съ парадными залами, былъ возведенъ въ одинъ годъ, и въ ноябрѣ 1755 императрица могла уже переселиться въ него. Не смотря на то, что дворецъ этотъ былъ временный, внутренняя отдѣлка его и убранство отличались большою роскошью. Сюда были перенесены изъ стараго дворца живописные плафоны, размѣщеніемъ которыхъ въ новыхъ залахъ завѣдывалъ самъ Растрелли. Особеннымъ великолѣпіемъ отличались парадныя комнаты. Въ главной залѣ, съ вызолоченными панелями, было 12 огромныхъ оконъ, и противъ нихъ такое же число громадныхъ зеркалъ. Зданіе вообще изобиловало окнами, и потому все происходившее въ лицевыхъ комнатахъ было видно снаружи. Всѣхъ покоевъ насчитывалось во дворцѣ до сотни; но такъ какъ преобладали парадныя залы, то помѣщеніе оказывалось довольно тѣснымъ для придворнаго штата.

При дворцѣ устроена была богато раззолочен-

ная театральная зала для придворныхъ спектаклей.

Постройка каменнаго Зимняго дворца, почти въ томъ самомъ видѣ какой онъ имѣетъ теперь, тянулась много лѣтъ, и была закончена, и то лишь вчернѣ, уже въ царствованіе Петра III. Она требовала большихъ денегъ и громаднаго числа рабочихъ. Въ деньгахъ часто происходила задержка: отпускали вмѣсто 120 тысячъ въ годъ—70 или 40; это такъ огорчало Растрелли, что онъ заболѣлъ. Для снабженія лѣсомъ, камнемъ и известью приняты были особыя мѣры. Всѣ сплавы по Ладожскому каналу и Невѣ отданы были въ распоряженіе „канцеляріи строеній", завѣдывавшей возведеніемъ дворца; никто не имѣлъ права, въ теченіи трехъ лѣтъ, рубить тамъ лѣса и ломать камень. Сенатскимъ указомъ предписывалось доставить въ Петербургъ извѣстное число рабочихъ— каменьщиковъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, штукатуровъ, литейщиковъ и пр. Другимъ указомъ велѣно было прислать изъ гарнизонныхъ школъ сто человѣкъ солдатскихъ дѣтей, отъ 12 до 15 лѣтъ, и отдать ихъ въ науку мастерамъ позолотнаго, рѣзнаго и лѣпнаго дѣла, для работъ по дворцу. Всѣхъ рабочихъ трудилось около 4 тысячъ человѣкъ; ихъ шалаши покрывали все громадное пространство, занимаемое нынѣ Дворцовою площадью и Александровскимъ садомъ. Впослѣдствіи, когда работы были окончены, генералъ-полицiймейстеръ Корфъ предложилъ Петру III разрѣшить жителямъ города растащить весь скопившійся здѣсь хламъ и мусоръ. Императору понравилась эта мысль, и онъ велѣлъ сдѣлать соотвѣтствующее оповѣщеніе. Толпы народа тотчасъ

устремились на площадь. Иные бѣжали пѣшкомъ, другіе ѣхали на возахъ. Суетня поднялась необычайная. Тысячи рукъ тащили доски, выворачивали бревна, копались въ кучахъ щепокъ, щебня и мусора. Нагрузивъ возы, уѣзжали домой, сваливали добычу и спѣшили снова возвратиться. Зрѣлище получалось настолько своеобразное и забавное, что самъ Петръ III долго стоялъ у окна, глядя какъ народъ рвалъ и тащилъ все что попадалось подъ руку. Къ вечеру ото всѣхъ этихъ лачужекъ, шалашей и сараевъ не осталось ни щепки; даже на щебень и мусоръ нашлись охотники. Такимъ образомъ громадная площадь была очищена въ нѣсколько часовъ, и это не стоило казнѣ ни копѣйки.

Затянувшаяся постройка Зимняго дворца была закончена только весною 1762 года, но и то еще не вполнѣ. Фасады дворца имѣли нынѣшній видъ, но впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, къ нему сдѣланы были еще многія пристройки со стороны Зимней канавки, а также устроенъ былъ зимній или висячій садъ и довершено убранство самыхъ большихъ парадныхъ залъ.

Въ архитектурномъ отношеніи Зимній дворецъ представляетъ лучшее созданіе генія Растрелли и одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ средины XVIII столѣтія, нисколько не потерявшій въ красотѣ и величіи среди позднѣйшихъ зданій. Онъ выстроенъ въ такъ называемомъ стилѣ „рококо“, нѣсколько причудливомъ и изысканномъ, бывшимъ повсемѣстно въ большой модѣ во время господства французскихъ вкусовъ. Но геній Растрелли проявился именно въ томъ, что этому небезъукоризненному стилю онъ умѣлъ придать такую ве-

личавую красоту и изящную легкость, что его созданія не производятъ впечатлѣнія тяжеловатой вычурности, присущаго вообще постройкамъ „рококо“.

Зимній дворецъ представляетъ громадное четырехъэтажное зданіе, расположенное въ видѣ продолговатаго четырехъугольника. Крыша очень низкая, такъ что за находящимися на карнизахъ украшеніями ея почти не видно. Въ нижнемъ этажѣ колонны іоническаго, а въ верхнемъ — коринѳскаго стиля. Главный фасадъ обращенъ къ площади и украшенъ террасами, статуями и каріатидами. Въ нынѣшнее царствованіе, у западнаго фасада дворца разбитъ садъ, обнесенный великолѣпной чугунно-каменной оградой.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны возведено было также зданіе Аничковскаго дворца, сохранившееся съ нѣкоторыми перестройками до нынѣшняго времени. Названіе свое дворецъ получилъ отъ Аничковской слободы на Фонтанкѣ. Занимаемый имъ огромный участокъ Елизавета Петровна купила въ 1741 году у купца Лукьянова и поручила архитектору Земцову спѣшно построить тамъ каменное зданіе съ большимъ садомъ. Одинъ изъ учениковъ Земцова, Дмитріевъ, представилъ чертежи и планы дворца. Они были одобрены, и работы закипѣли. Вскорѣ Земцовъ умеръ, и распоряженіе постройкой поручено было гр. Растрелли. Геніальный итальянецъ уже не могъ измѣнить выведенныхъ по весьма простому плану стѣнъ, и обратилъ все свое искусство на внутреннюю отдѣлку. Въ 1746 году дворецъ вчернѣ былъ уже готовъ. Императрица приказала поставить надъ нимъ два купола: одинъ съ крестомъ,

надъ предположенной церковью, другой для симметріи на противоположной сторонѣ. Желѣзный крестъ, вышиною 4 аршинъ, былъ выкованъ на сестрорѣцкихъ заводахъ; на золоченіе его пошло до двухъ фунтовъ золота. Самая церковь сооружена была въ 1751 году. Аничковскій дворецъ былъ подаренъ оберъ-егермейстеру Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, который впрочемъ мало жилъ тамъ, и въ 1767 году продалъ его въ казну.

Въ своемъ тогдашнемъ видѣ, Аничковскій дворецъ представлялъ трехъ-этажное зданіе съ двумя выдающимися крыльями, увѣнчанными куполами изъ бѣлой жести, съ золочеными орнаментами и звѣздами на шпицахъ, а по срединѣ выступалъ фронтонъ, украшенный раззолоченными статуями, держащими на щитѣ, подъ короною, вензель Елизаветы Петровны. Отъ главнаго подъѣзда вели къ Фонтанкѣ гранитныя ступени, такъ что можно было подплывать ко дворцу на лодкѣ. У этого же подъѣзда былъ устроенъ бассейнъ, надъ которымъ по краю берега проходила открытая терраса съ балюстрадою и павильонами по угламъ. Между террасою и дворцомъ, по обѣимъ сторонамъ бассейна, были разбиты цвѣточныя клумбы. Въ ворота съ Невскаго велъ проѣздъ по мосткамъ черезъ каналъ, тянувшійся вдоль улицы. За дворцомъ находился прудъ съ высокими насыпными берегами, съ аллеями и боскетами, занимавшими все пространство нынѣшняго дворцоваго сада. На мѣстѣ же нынѣшняго Александринскаго театра разбитъ былъ цвѣточный садъ, со спускомъ воды изъ пруда для поставленнаго тамъ фонтана.

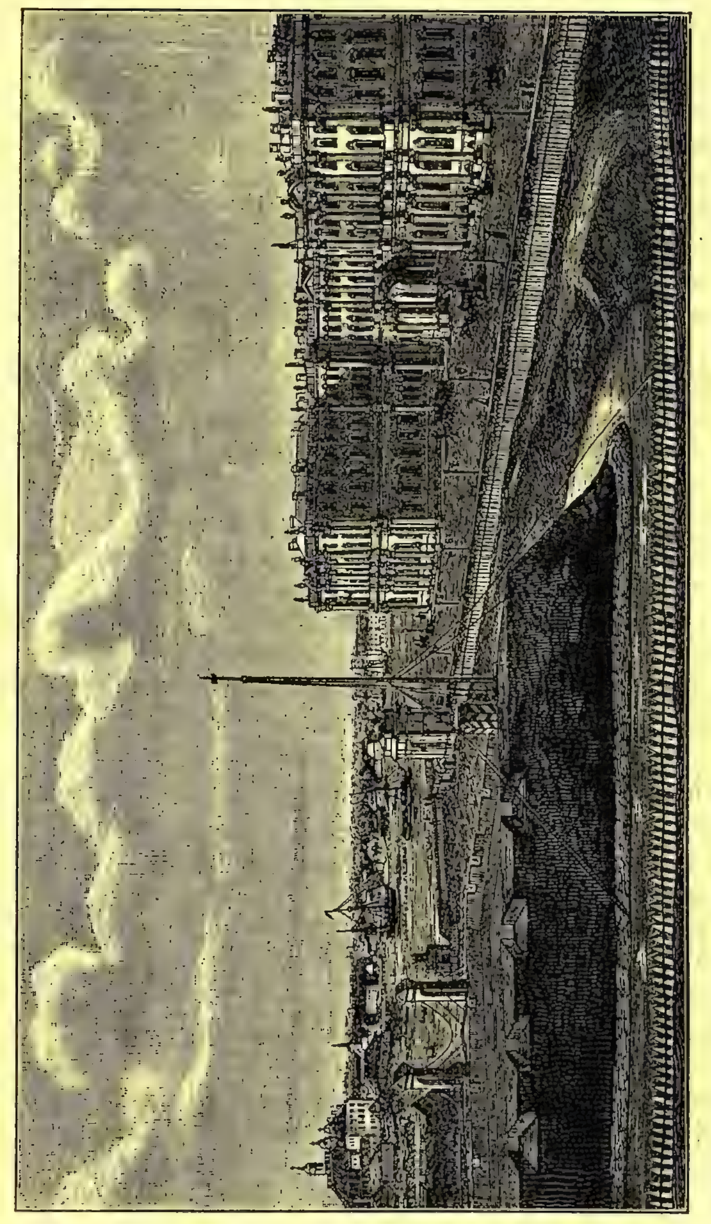
Надъ внутренней отдѣлкой Аничковскаго дворца трудился самъ Растрелли, съ немалымъ чис-

Императрица Елизавета Петровна.

ломъ итальянскихъ художниковъ и мастеровъ. Онъ истощилъ свою изобрѣтательность, сочиняя рисунки для роскошной деревянной рѣзьбы и другихъ украшеній.

Наряду съ дворцами, Петербургъ украшался въ тоже время большими каменными храмами, при чемъ и здѣсь неутомимый Растрелли высказалъ свой блестящій талантъ. Къ замѣчательнѣй-

Новый Зимній дворецъ въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны.

шимъ церковнымъ сооруженіямъ принадлежитъ выстроенный по его плану Смольный монастырь. Хотя и выведенная подъ куполы, церковь этого монастыря долгое время оставалась незаконченною, и только въ царствованіе Николая I получила окончательную отдѣлку. Равсказываютъ, что знаменитый архитекторъ временъ Екатерины II, Гваренги, проѣзжая мимо Смольнаго, всегда снималъ шляпу и любовался превосходными линіями сооруженія.

При Елизаветѣ Петровнѣ выстроены также Владимірская церковь, Никольскій морской соборъ, церковь Захарія и Елисаветы, и нѣкоторыя др.

Нельзя не упомянуть также, что въ это время стали строить каменные мосты на Фонтанкѣ и другихъ каналахъ, и принялись за перестройку Гостинаго двора. Отъ неутомимаго Растрелли и здѣсь потребовали плановъ и распоряженій. Начали строить нынѣшній Гостиный дворъ въ 1755 году, „общимъ коштомъ“ всего торгующаго въ немъ купечества, и строили долго, такъ что только въ 1785 г. зданіе было окончено.

Вкусъ къ роскошнымъ постройкамъ распространялся также и среди петербургской знати. Многіе вельможи елизаветинскаго двора строили себѣ большіе каменные дома, по роскоши отдѣлки мало уступавшіе царскимъ дворцамъ. Таковы были дома: гр. Петра Ивановича Шувалова на Мойкѣ на углу Прачешнаго переулка, гр. Ивана Ивановича Шувалова на Невскомъ противъ Садовой, гр. Воронцова гдѣ нынѣ помѣщается Пажескій корпусъ, и др.

Невскій проспектъ въ это время уже сильно застроился и сталъ лучшею улицею въ городѣ. На немъ разрѣшалось возводить только каменныя зданія, и 1 мая 1747 г. назначено было послѣд-

нимъ срокомъ для сломки старыхъ домовъ или приведенія ихъ въ порядокъ по утвержденному плану. Но видъ Невскаго былъ далеко не такой какъ теперь; дома, хотя и каменные, были по большей части двухъ этажные, и передъ каждымъ обязательно устраивался палисадникъ, такъ что лѣтомъ вся улица утопала въ зелени. Архитекторы того времени вообще любили разбивать передъ фасадами маленькіе садики и выводить на улицу узорчатыя чугунныя рѣшетки. Часть Невскаго за Фонтанкой, до нынѣшней Николаевской улицы (тогда Грязной) перемащивалась, осушалась и также застраивалась.

Обращено было вниманіе и на порядокъ уличнаго движенія. Новыя распоряженія подтверждали изданные раньше указы о недопущеніи слишкомъ быстрой ѣзды по улицамъ. Ѣзда цугомъ не разрѣшалась, какъ во избѣжаніе тѣсноты, такъ и по случаю дороговизны овса и сѣна; только иноземные послы, да выѣзжающіе совсѣмъ изъ города, могли закладывать въ кареты нѣсколько паръ лошадей. Ѣзда на рысакахъ (бѣгунахъ) на городскихъ улицахъ воспрещалась, и дозволялась только за городомъ. Приняты были также мѣры къ упорядоченію извознаго промысла. Поводомъ было то, что при большомъ пожарѣ 1761 г. извозчики пользовались крайностью погорѣльцевъ и запрашивали непомѣрныя цѣны. Сенатъ постановилъ „росписать ихъ по частямъ“, и для лучшаго наблюденія снабдить ихъ кожаными ярлыками, съ обозначеніемъ номера и части города. За ярлыкъ взималось по два рубля. Въ случаѣ пожара извозчики обязаны были перевозить имущество погорѣльцевъ безплатно.

Гостинницы и трактиры (герберги) раздѣлены были на пять разрядовъ и привлечены къ участію въ налогахъ, отъ 100 до 50 руб. въ годъ, смотря по разряду.

Замѣчено было также, что улицы около зданій казенныхъ вѣдомствъ содержались неопрятно и въ такомъ видѣ, что при проѣздѣ по нимъ грозила даже опасность. Поэтому сенатъ подтверждалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ наблюдать за исправностью мостовыхъ, уравнивать ухабы и ямы, не накоплять на улицѣ сору и пр.

Любопытно, что на главныхъ улицахъ запрещалось ставить на домахъ вывѣски. Очевидно, вывѣски тогда дѣлались довольно безобразныя.

Пожары по прежнему составляли главное бѣдствіе петербургскихъ жителей. Въ особенности опустошителенъ былъ пожаръ 26 мая 1761 года, въ Мѣщанскихъ улицахъ. Онъ начался въ 11 ч. утра и продолжался до вечера. Императрица, прибывъ къ Синему мосту, лично распоряжалась борьбою съ огнемъ и спасеніемъ имущества пострадавшихъ. Затѣмъ, приняты были особыя мѣры для помощи погорѣльцамъ: велѣно было пріостановить всѣ казенныя постройки, кромѣ Зимняго дворца, и отпускать строительные матеріалы по умѣренной цѣнѣ всѣмъ возобновлявшимъ свои дома на пепелищѣ; разрѣшено было отпускать имъ и денежныя ссуды изъ недавно учрежденнаго коммерческаго банка. Для предупрежденія подобныхъ же бѣдствій на будущее время, указано было купечеству содержать караулы, имѣть пожарные инструменты и воду въ достаточномъ количествѣ; запрещалось ходить съ огнемъ внутри торговыхъ рядовъ или по близости, и т. д.

VI.

Петербургскія событія въ царствованіе Елизаветы.—Придворная жизнь.—Праздникъ у барона Строгонова и гр. Шуваловыхъ.

Надежды, съ которыми въ Россіи встрѣтили воцареніе дочери Петра Великаго, были выражены декораціями, сочиненными академикомъ Штелиномъ для иллюминаціи по случаю торжества коронаціи Елизаветы Петровны. Главная декорація, передъ Зимнимъ дворцомъ, изображала „Храмъ благополучія". Золоченыя фигуры по сторонамъ храма олицетворяли четыре добродѣтели: мудрость, милость, кротость и любовь къ отечеству.

Елизавета какъ-бы спѣшила оправдать эти надежды, пощадивъ жизнь осужденныхъ министровъ прошлаго царствованія. Верховный судъ приговорилъ къ смертной казни Остермана и Миниха, и вмѣстѣ съ ними Левенвольда, Менгдена и Головкина, но казнь была замѣнена имъ ссылкою въ Сибирь.

Съ первыхъ дней царствованія, Елизавету Петровну заботилъ вопросъ о преемникѣ ея на престолѣ. Наслѣдникомъ являлся голштинскій принцъ Карлъ Петръ Ульрихъ, сынъ дочери Петра Великаго, Анны Петровны. Императрица вызвала его въ Петербургъ, произвела въ подполковники преображенскаго полка, и приказала приготовлять его къ переходу въ православное вѣроисповѣданіе.

Вскорѣ императрица со всѣмъ дворомъ, сенатомъ и иноземными посольствами выѣхала въ Москву на коронацію, и провела тамъ почти весь 1742 г. Она вообще любила Москву и нѣсколько разъ въ свое царствованіе выѣзжала туда и подолгу тамъ

оставалась, съ дворомъ и высшими чинами. Передъ возвращеніемъ изъ Москвы послѣ коронаціи, герцогъ голштинскій объявленъ наслѣдникомъ, подъ именемъ Петра Ѳеодоровича, „яко по крови намъ ближайшій“.

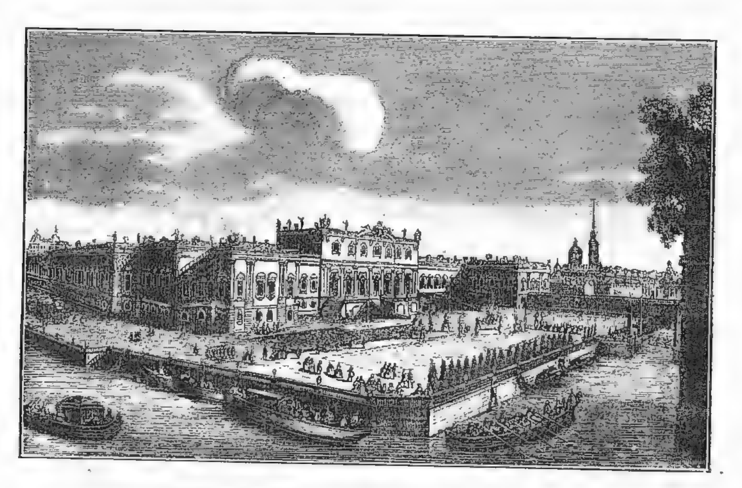
Императрица вскорѣ затѣмъ озаботилась выборомъ невѣсты для преемника престола. Она остановилась на принцессѣ ангальтъ-цербстской Софіи Августѣ, блиставшей умомъ, образованіемъ и красотою. Императрица пригласила ее въ Россію, и въ февралѣ 1744 г. принцесса со своею матерью прибыла въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ. Къ ней назначили священника для приготовленія къ переходу въ православіе, и учителя русскаго языка. Принцесса, желавшая какъ можно скорѣе стать русскою, занималась съ ними съ необыкновеннымъ усердіемъ. 28 іюня совершено было надъ нею мѵропомазаніе, причемъ она наречена Екатериною Алексѣевною, а на другой день состоялось обрученіе съ нею великаго князя Петра Ѳеодоровича.

Въ февралѣ 1745 года наслѣднику престола исполнилось 16 лѣтъ, а въ августѣ того же года состоялось бракосочетаніе его. Празднества по этому поводу отличались большою пышностью и продолжались десять дней. Любопытно, для характеристики времени, познакомиться съ распоряженіями относительно пріѣзда къ придворнымъ торжествамъ особъ высшихъ классовъ. Приказано было лицамъ I и II классовъ имѣть у каждой кареты по 2 гайдука, отъ 8 до 12 лакеевъ и по два скорохода, а кто пожелаетъ, то еще по 2 пажа и по 2 егеря. Особы III класса должны были имѣть у каждой кареты по 6 лакеевъ и по 2 скорохода, камергеры осво-

бождались отъ скороходовъ, но по 6 лакеевъ должны были имѣть непремѣнно. Требовалось также, чтобы всѣ пріѣзжающіе ко двору платье и экипажи имѣли хорошіе.

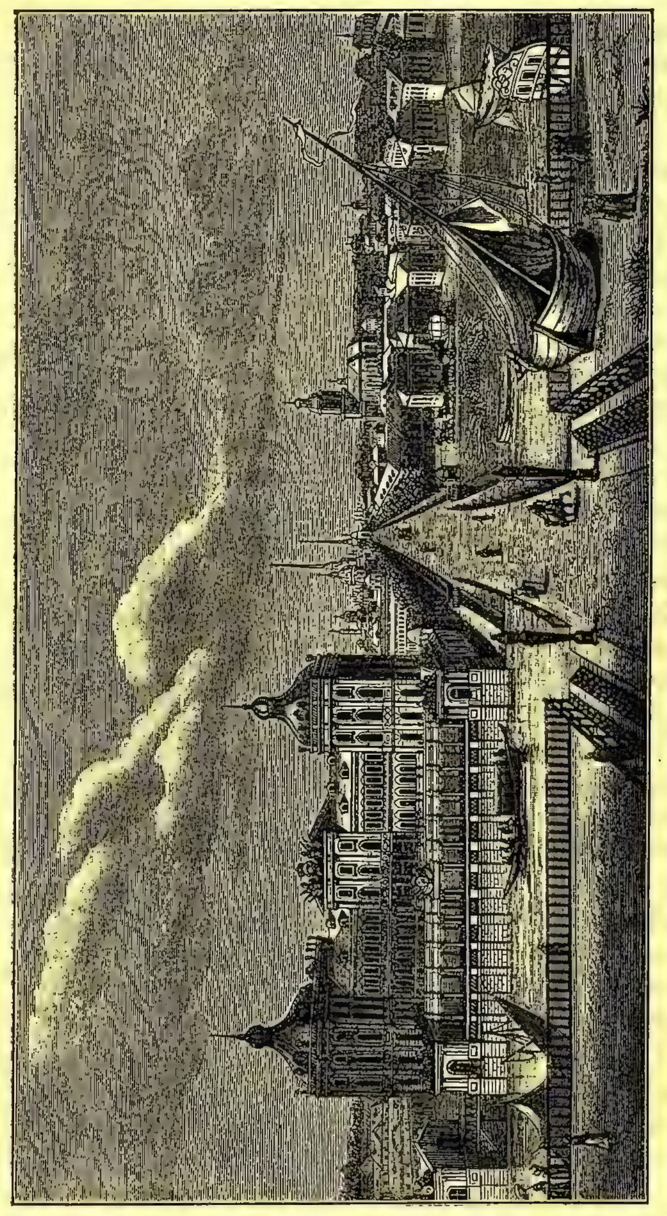
Въ вѣкъ Елизаветы, жизнь высшаго петербургскаго круга отличалась широкимъ гостепріимствомъ и пышностью. Иностранцы удивлялись блеску маскарадныхъ баловъ, дававшихся во временномъ Зимнемъ дворцѣ. „Красота и богатство аппартаментовъ невольно поразили насъ—писалъ одинъ изъ нихъ;—но удивленіе вскорѣ уступило мѣсто пріятнѣйшему ощущенію при видѣ болѣе 400 дамъ, наполнявшихъ оные. Онѣ были почти всѣ красавицы, въ богатѣйшихъ костюмахъ, осыпанныхъ брилліантами. Но насъ ожидало еще новое зрѣлище: всѣ шторы были разомъ спущены, и дневной свѣтъ внезапно замѣненъ блескомъ 1200 свѣчей, которыя отражались со всѣхъ сторонъ въ многочисленныхъ зеркалахъ. Загремѣлъ оркестръ, состоявшій изъ 80 музыкантовъ. Великій князь съ великою княгинею подали примѣръ танцамъ. Вдругъ услышали мы глухой шумъ, имѣвшій нѣчто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежъ, и мы увидѣли великолѣпный тронъ, съ котораго сошла императрица, окруженная своими царедворцами, и вошла въ большую залу. Она поклонилась троекратно. Дамы и кавалеры окружили насъ, говоря съ нами по французски, какъ говорятъ въ Парижѣ. Въ 11 часовъ оберъ-гофмейстеръ объявилъ ея величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень большую и богато убранную залу, освѣщенную 900 свѣчей. Посрединѣ стоялъ фигурный столъ на 300 персонъ; на хорахъ во все время ужина гремѣла вокальная и инструмен-

тальная музыка. Были кушанья всѣхъ возможныхъ странъ Европы, и прислуживали французскіе, русскіе, нѣмецкіе и итальянскіе оффиціанты, старавшіеся ухаживать за своими соотечественниками. На этихъ балахъ-маскарадахъ часто разыгрывались лоттереи, и почти всегда садились за ужинъ по билетамъ, которые выпадали гостямъ, такъ что случай рѣшалъ, какому кавалеру сѣсть около какой дамы.“

Лѣтній дворецъ на Фонтанкѣ въ XVIII вѣкѣ.

Другой французъ такъ описалъ маскарады того же времени: „Маскарады эти были роскошны и давались во дворцѣ, гдѣ по этому случаю раскрывались всѣ парадные покои, ведущіе въ большую залу, представляющую двойной кубъ въ сто футовъ. Вся столярная работа выкрашена зеленымъ цвѣтомъ, а панели на обояхъ позолочены. Не легко описать впечатлѣніе, которое зала про-

Аничковскій дворецъ и Невскій проспектъ при Елизаветѣ Петровнѣ.

изводитъ съ перваго взгляда своей громадностью и великолѣпіемъ. По ней двигалось безчисленное множество масокъ въ богатѣйшихъ костюмахъ, раздѣленныхъ на кадрили и группы. Всѣ покои были богато освѣщены: въ одну минуту зажигается не менѣе тысячи свѣчъ. Есть нѣсколько комнатъ для танцевъ, для игры, и общій эффектъ самый роскошный и величественный. Въ одной изъ комнатъ обыкновенно императрица играла въ фараонъ или пикетъ, а къ 10 часамъ она удалялась и появлялась въ маскарадной залѣ, гдѣ оставалась до пяти или шести часовъ утра, нѣсколько разъ перемѣняя маски. Каждое воскресенье бывали пріемъ и балъ, кромѣ большихъ праздниковъ. Нельзя вообразить себѣ болѣе величественнаго двора при подобныхъ случаяхъ. Рѣдко бывало менѣе трехъ тысячъ гостей, въ томъ числѣ лучшая молодежь обоего пола. Придворныя дамы не мало способствовали блеску этихъ собраній, обладая въ высокой степени искусствомъ одѣваться къ лицу. Наряды дамъ очень богаты, равно какъ и драгоцѣнности ихъ: бриллiантовъ придворныя дамы надѣваютъ изумительное множество. На дамахъ сравнительно низшаго званія, бываетъ бриллiантовъ на 10—12 тысячъ рублей. Онѣ даже въ частной жизни никогда не выѣзжаютъ, не увѣшанныя драгоцѣнными уборами, и я не думаю, чтобы изъ всѣхъ европейскихъ царицъ была хоть одна, имѣвшая болѣе драгоцѣнныхъ уборовъ, чѣмъ русская императрица.“

Иногда придворные праздники соединялись съ разными декоративными затѣями. Такъ напримѣръ, подъ новый 1751 годъ, за ужиномъ устроенъ былъ по срединѣ стола цвѣтникъ изъ тропическихъ

растеній, и вокругъ него горѣло до 300 восковыхъ свѣчей. Иллюминація представляла колосальный глобусъ, обращенный къ зрителямъ тою частью, гдѣ приходилась Россія. По срединѣ круга горѣли яркимъ огнемъ начальныя буквы имени императрицы, подъ короною. Выше же глобуса ярко сіяли цифры „1751“, въ вѣнкѣ изъ пальмовыхъ и лавровыхъ вѣтвей; ниже нихъ пущены были внизъ лучи. Падая, они сходились на поставленныхъ по сторонамъ декораціи жертвенникахъ, у подножій которыхъ начертаны были на щитахъ восемь стиховъ, восхвалявшихъ добродѣтели государыни.

Здѣсь кстати отмѣтить, что въ 1752 году запрещено было дамамъ являться ко двору въ платьяхъ темныхъ цвѣтовъ. Распоряженіе это, повидимому, понравилось петербургскому обществу, такъ какъ до конца XVIII вѣка вкусъ къ свѣтлымъ и яркимъ платьямъ сохранялся, хотя воспрещеніе темныхъ цвѣтовъ не возобновлялось.

Такъ какъ въ придворные маскарады допускалось очень много публики, то первоначально, вѣроятно, нѣкоторые посѣтители являлись въ несоотвѣтствующемъ платьи. Объ этомъ можно заключать изъ того, что въ 1742 г. предписано было указомъ: „дабы впредь въ маскарадъ желающимъ ѣздить въ хорошемъ и не гнусномъ платьѣ, а въ тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ не ѣздить.“

Маскарады давались также и въ Лѣтнемъ саду.

Многіе изъ петербургской знати строили себѣ дома, походившіе на дворцы, и вели необычайно роскошный образъ жизни. Особенною расточительностью отличался канцлеръ Бестужевъ. Графъ Апраксинъ держалъ открытый столъ для много-

численныхъ гостей и одѣвался съ большою пышностью, такъ что въ шкафахъ его накоплялось по нѣскольку сотъ дорогихъ кафтановъ. Гр. Разумовскій, хотя былъ сыномъ простой казачки, ввелъ въ обычай носить на платьѣ брилліантовыя пуговицы и звѣзды. У нѣкоторыхъ вельможъ появились большіе хоры роговой музыки; лучшимъ считались нарышкинскій и разумовскій, принадлежавшій младшему изъ братьевъ Разумовскихъ. Этотъ хоръ впослѣдствіи купилъ Потемкинъ. Когда австрійскій императоръ Іосифъ II услыхалъ этотъ хоръ, то пришелъ въ полный восторгъ, и говорилъ потомъ, что никогда въ жизни не испытывалъ такого сильнаго музыкальнаго впечатлѣнія.

Пышностью обстановки и жизни славился и баронъ Строгановъ, выстроившій себѣ по плану знаменитаго Растрелли домъ на Невскомъ у Полицейскаго моста, существующій и понынѣ. Въ этомъ домѣ Строгановъ далъ по случаю рожденія великаго князя Павла Петровича роскошный балъ-маскарадъ, описанный въ тогдашнихъ „вѣдодостяхъ". Приглашенные начали съѣзжаться съ 7 часовъ. Въ большой залѣ танцовали, а въ остальныхъ парадныхъ комнатахъ всю ночь потчивали дорогими винами, фруктами и конфектами „въ великомъ довольствѣ". Съ 11 ч. вечера до 7 ч. утра тамъ же разставлены были столы для ужина, за которые маски поперемѣнно садились.

Едва ли не всѣхъ, впрочемъ, превосходили роскошью своихъ праздниковъ оба брата Шуваловы. Домъ Петра Шувалова, на Мойкѣ, у Прачешнаго переулка, походилъ на музей по богатству собранныхъ здѣсь предметовъ искусствъ и рѣдкостей. Въ этомъ домѣ, рожденіе будущаго

императора Павла тоже отпраздновано было роскошнымъ баломъ-маскарадомъ. Большая зала вся была уставлена тропическими растеніями и походила на садъ. Въ буфетѣ блистали золотые и серебряные сосуды и фарфоровые сервизы. Но особенное удивленіе вызывалъ гротъ, гдѣ поставленъ былъ столъ для императрицы и великаго князя. Всѣ стѣны грота были украшены спѣлыми гроздьями винограда, составлявшаго тогда большую рѣдкость въ Петербургѣ. Изъ-за шпалеръ виноградника выставлялись камни разныхъ горныхъ породъ, отражавшіе блескъ огней. Между кристаллами стояли античные бронзовые и мраморные бюсты, изъ подъ которыхъ били фонтаны дорогихъ винъ.

На маскарадномъ балѣ у гр. Ивана Шувалова, вдоль внутреннихъ стѣнъ дома, во дворѣ, устроена была ледяная колоннада. Освѣщенная огнями, она представляла такое чарующее зрѣлище, что петербургская публика добивалась повторенія, и черезъ недѣлю балъ былъ дѣйствительно повторенъ. На немъ веселилось до 1500 масокъ.

Къ концу царствованія Елизаветы придворная жизнь замѣтно пріутихла, такъ какъ здоровье императрицы требовало отдыха. Явилось даже преслѣдованіе чрезмѣрной роскоши въ обществѣ: въ 1761 году указомъ запрещенъ былъ ввозъ изъ заграницы „излишнихъ“ вещей, какъ-то: кружевъ, блондъ и галантереи.

VIII.

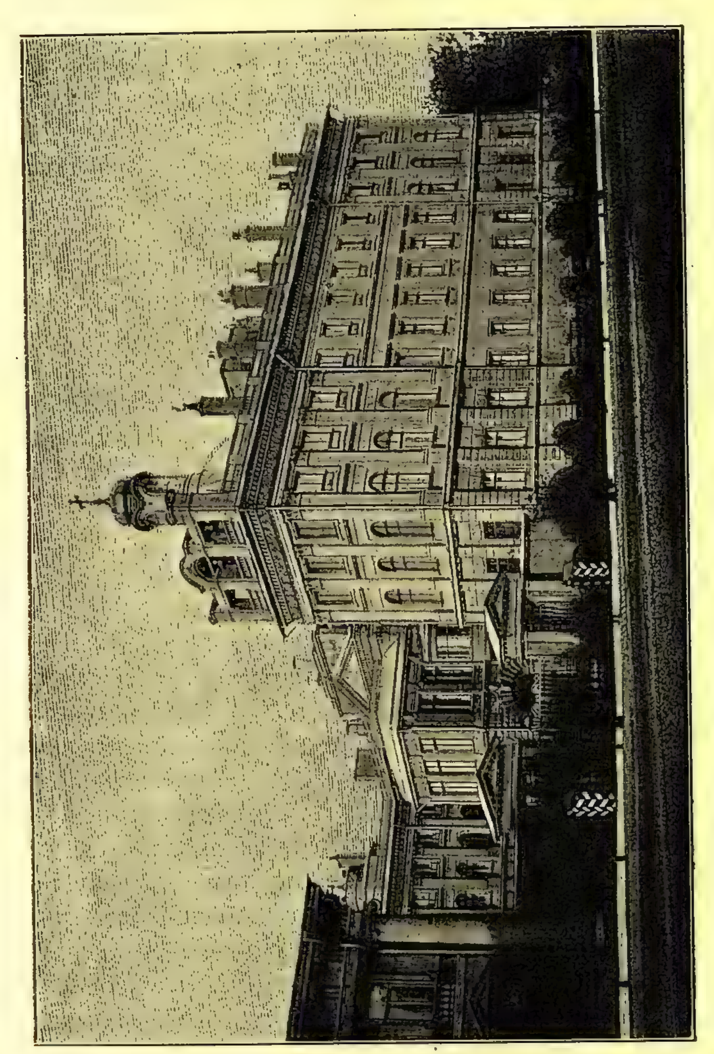
Первый русскій театръ въ Петербургѣ.—Ломоносовъ.—Сумароковъ.—Волковъ.—Кончина Елизаветы Петровны.

Не одна только внѣшняя обстановка петербургской жизни дѣлала успѣхи. Царствованіе Елизаветы Петровны было временемъ зачинающагося русскаго просвѣщенія, къ нему относятся первые шаги русской литературы и русскаго театра, оно блистаетъ именами Ломоносова, Сумарокова, Дмитревскаго, Волкова.

Ломоносовъ находился тогда въ самомъ расцвѣтѣ своего разносторонняго генія. Онъ представляетъ собою, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій русской жизни XVIII вѣка. Въ настоящее время, когда каждому простолюдину открыты средства образованія, когда крестьянскій мальчикъ въ своей или въ сосѣдней деревнѣ находитъ начальную школу, предоставляющую ему возможность провѣрить свои способности и удовлетворить первымъ требованіямъ любознательности—мы нерѣдко встрѣчаемъ образованныхъ и даже ученыхъ людей, вышедшихъ изъ народа, и силою воли выбившихся изъ своей скромной доли. Но въ первой половинѣ XVIII вѣка условія были другія: не только не было школъ по деревнямъ, но не было людей, которые своимъ примѣромъ, своими разсказами могли бы расшевелить воображеніе крестьянскаго мальчика и побудить его, покинувъ семью и домъ, искать во что бы то ни стало образованія, школьнаго ученія. Ломоносовъ всѣми своими успѣхами обязанъ лично себѣ, своему уму и дарованіямъ, своей твердой волѣ,

неотступно звавшей его изъ темноты крестьянской жизни къ свѣту книжной образованности.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 г. въ Архангельской губерніи, близь Холмогоръ. Онъ былъ сыномъ зажиточнаго крестьянина, промышлявшаго рыбной ловлей и перевозкой грузовъ по Бѣлому морю. Мать его, дочь дьякона, была грамотна и выучила его читать. Мальчикъ пристрастился къ чтенію; но отецъ вовсе не сочувствовалъ такому увлеченію, и Ломоносову приходилось прятаться съ книгами. Да и книгъ было мало, а мірскихъ, не церковныхъ, совсѣмъ не было. Между тѣмъ отъ крестьянъ, бывавшихъ въ Москвѣ и Питерѣ, Ломоносовъ наслышался о Петрѣ Великомъ, о его славныхъ дѣлахъ, о его стремленіи положить въ странѣ зачатки просвѣщенія. Попавшая ему въ руки „Ариѳметика“ Магницкаго дала ему понятіе о такомъ ученіи, какого не знали холмогорскіе грамотеи изъ старовѣровъ. Мальчикомъ овладѣло непреодолимое желаніе ознакомиться съ школьнымъ ученіемъ. Но для этого надо было попасть въ Москву. И вотъ отрокъ-Ломоносовъ, никому не сказавшись, безъ всякихъ средствъ, уходитъ изъ дому съ рыбнымъ обозомъ, отправлявшимся въ Москву. Терпя всевозможныя лишенія, онъ добирается послѣ долгаго пути до старой столицы, и поступаетъ тамъ въ славяно-латинскую академію, гдѣ изучаетъ латинскій языкъ и знакомится съ философіей. Положеніе его въ Москвѣ было самое плачевное; онъ такъ о немъ разсказываетъ: „Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе больше какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ обра-

Аничковскій дворецъ въ нынѣшнемъ видѣ.

зомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ". Повидимому, въ эти пять лѣтъ Ломоносовъ побывалъ въ Кіевѣ и въ тамошней академіи, считавшейся лучшею въ старой Россіи.

Но вотъ въ судьбѣ юноши происходитъ рѣшительная перемѣна: его выбираютъ въ числѣ 12 способнѣйшихъ семинаристовъ и везутъ въ петербургскую академію наукъ, а оттуда въ 1736 г.

Смольный соборъ въ нынѣшнемъ видѣ.

отправляютъ въ Германію, въ марбургскій университетъ, къ знаменитому профессору философу Вольфу. Тамъ Ломоносовъ пробылъ пять лѣтъ, занимаясь философіей, математикой, физикой и химіей, и въ то же время пробуя свои силы въ поэзіи. Въ 1739 году онъ прислалъ въ академію наукъ оду на взятіе Хотина, приложивъ къ ней „письмо о правилахъ россійскаго стихотворства".

Этими правилами онъ установилъ русское стихосложеніе, котораго до сихъ поръ держатся всѣ наши поэты. Ода была блестящимъ, звучнымъ образцомъ, отвѣчающимъ этимъ правиламъ, и ее по всей справедливости можно признать произведеніемъ, съ котораго начинается русская поэзія.

Между тѣмъ жизнь въ Германіи тяжело доставалась Ломоносову при его скудныхъ средствахъ и неумѣньи распоряжаться деньгами. Дошло до того, что прусскіе вербовщики завербовали его въ солдаты; онъ долженъ былъ бѣжать изъ Германіи, оставивъ тамъ пока свою семью, и съ трудомъ добрался въ 1741 г. до Петербурга. Прибылъ онъ туда въ качествѣ студента академіи, и хотя ревностно трудился надъ переводомъ на русскій языкъ ученыхъ нѣмецкихъ книгъ, работалъ въ академическихъ кабинетахъ и писалъ оды и разсужденія, но въ первое время не получалъ мѣста. Только съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, въ 1742 году Ломоносовъ получилъ должность адъюнкта физики, съ очень скромнымъ жалованьемъ. Лишь черезъ три года удалось Ломоносову получить мѣсто профессора химіи въ академіи, выписать изъ Германіи жену съ дѣтьми, и спокойнѣе отдаться своимъ разнообразнымъ литературнымъ и научнымъ трудамъ, доставившимъ его имени блестящую извѣстность, какъ перваго русскаго поэта и ученаго. Опыты надъ минералами и въ особенности надъ электричествомъ, изученіе котораго тогда было въ зародышѣ, разнообразились у Ломоносова съ трудами по составленію русской риторики и русскаго словаря, сочиненіемъ одъ, посланій, поэмъ и трагедій, и приготовленіями къ первому тому задуманной

имъ исторіи Россіи. Работать ему, однако, приходилось все еще при тяжелыхъ условіяхъ: интересы научные и литературные были еще очень слабы въ петербургскомъ обществѣ, въ академіи наукъ преобладала нѣмецкая партія, завистливо относившаяся къ русскому товарищу, средства къ жизни у Ломоносова были очень скудныя. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ онъ находилъ поддержку у гр. И. И. Шувалова, составившаго себѣ славу перваго у насъ покровителя наукъ и искусствъ, „мецената". Шуваловъ постоянно ходатайствовалъ за Ломоносова у императрицы, ободрялъ его, мирилъ съ академическими врагами. Въ домѣ Шувалова на Невскомъ, въ угловой гостиной, увѣшанной портретами и картинами, у просвѣщеннаго и радушнаго хозяина часто сходились образованнѣйшіе люди того времени: Ломоносовъ, Сумароковъ, Костровъ, княгиня Дашкова. Можно сказать, что это были первыя въ Петербургѣ собранія, посвященныя разговорамъ о литературѣ и научныхъ открытіяхъ, чтенію стиховъ и т. п. Шуваловъ и самъ писалъ стихи, пользуясь совѣтами и критикой Ломоносова. Впослѣдствіи въ этой привѣтливой гостиной Шуваловъ принималъ также, еще совсѣмъ юношами, будущихъ знаменитостей екатерининскаго царствованія—Державина, Фонвизина и Богдановича.

Сумароковъ былъ воспитанникомъ кадетскаго корпуса, въ которомъ, какъ мы уже знаемъ, получалось образованіе не только спеціальное, но и литературное. Очень рано молодой человѣкъ обнаружилъ расположеніе къ стихотворству, и по рукамъ ходили его стишки нѣжнаго содержанія, не имѣвшіе впрочемъ никакого достоинства. Сразу

большой успѣхъ пріобрѣлъ Сумароковъ своей трагедіей „Хоревъ“, вышедшей въ 1747 году. За „Хоревомъ“ послѣдовалъ еще цѣлый рядъ трагедій и комедій въ стихахъ. Всѣ онѣ были написаны по одному и тому же французскому образцу и не отличались литературными достоинствами; но какъ новинка, чрезвычайно нравились обществу, въ которомъ уже ощущалась смутная потребность — имѣть русскій театръ.

Въ то время русскаго театра, съ постоянной труппой, въ Петербургѣ не существовало. Для развлеченія общества имѣлись итальянская опера и пантомима, да представленія цирковаго характера, даваемыя наѣзжавшими изъ заграницы предпринимателями. На русскомъ языкѣ давались только придворными дамами и кавалерами народныя или фантастическія сцены на придворномъ театрѣ. Когда появился „Хоревъ“, предложено было поставить его кадетамъ въ корпусѣ; спектакль этотъ былъ доступенъ только для придворной публики.

Между тѣмъ до Петербурга дошли слухи, что въ гор. Ярославлѣ существуетъ русскій театръ, вмѣщающій до тысячи зрителей, и что тамъ труппа, состояшая изъ мѣстныхъ жителей и приказныхъ, даетъ представленія подъ руководствомъ купеческаго сына Ѳедора Волкова, человѣка большихъ способностей и проникнутаго великою страстью къ театральному дѣлу. Любопытство императрицы было сильно возбуждено этими слухами, и она приказала привезти Волкова въ Петербургъ, съ его труппою, костюмами и необходимыми принадлежностями. Ярославскіе комедіанты пріѣхали. Самъ Волковъ, двое его братьевъ, товарищъ его

Дмитревскій и еще нѣкоторые были оставлены въ столицѣ, а прочіе отпущены обратно. Сумарокову поручено было учить Волкова и другихъ актеровъ составившейся труппы сценическому искусству, и такимъ образомъ начало русскому театру въ Петербургѣ было положено. Помѣщеніемъ для него выбранъ былъ домъ Головкина на Васильевскомъ островѣ, въ 3-ей линіи, а для пополненія труппы вызывались черезъ объявленія въ „вѣдомостяхъ" желающіе всякаго званія. Женскія роли предполагалось предоставлять женщинамъ.

Этотъ Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, справедливо считающійся основателемъ русскаго театра, тоже представляетъ собою, подобно Ломоносову, замѣчательное самородное явленіе въ русской жизни. Онъ родился въ 1729 году въ Костромѣ, въ купеческой семьѣ. Мать его рано овдовѣла и вышла вторично замужъ за ярославскаго купца Полушкина. Этотъ Полушкинъ былъ человѣкъ состоятельный и добрый; онъ позаботился обучить пасынка грамотѣ, и затѣмъ отправилъ его въ Москву, въ академію. Тамъ Волковъ учился три года, а затѣмъ былъ взятъ Полушкинымъ домой въ Ярославль и приставленъ вмѣстѣ съ братьями къ торговымъ дѣламъ. По этимъ дѣламъ ему случилось быть въ Петербургѣ, и тутъ довелось видѣть придворный спектакль. Театральное зрѣлище произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ весь отдался новой страсти, и оставаясь два года въ Петербургѣ, все свободное время посвящалъ сценическому искусству. Въ 1747 г., возвратившись послѣ смерти вотчима въ Ярославль, онъ составилъ труппу изъ своихъ братьевъ, мѣстныхъ сидѣльцевъ и приказныхъ, и

сталъ давать представленія въ пустомъ каменномъ амбарѣ. Первый спектакль состоялся 29 іюня 1750 г. Новинка имѣла успѣхъ, и вскорѣ на собранныя среди купечества деньги былъ построенъ настоящій деревянный театръ. Вотъ объ этой-то ярославской труппѣ, первой въ Россіи, и дошли въ Петербургъ слухи, побудившіе Елизавету Петровну выписать провинціальныхъ артистовъ въ столицу.

Волковъ въ Петербургѣ трудился неутомимо, переводилъ и ставилъ пьесы, игралъ въ нихъ героическія роли. Его игра отличалась простотой и правдивостью; современникъ его Новиковъ сообщаетъ, что декламація Волкова была „только что природная и неукрашенная искусствомъ“. Такое направленіе Волковъ какъ бы передалъ въ завѣтъ русскому театру.

Императрица такъ интересовалась первыми представленіями ярославскихъ комедіантовъ, что костюмы для трагедіи „Хоревъ“ готовились въ ея присутствіи, и передъ спектаклемъ она сама украшала брилліантами головной уборъ героини пьесы.

На содержаніе театра назначено было 5 тысячъ рублей въ годъ, и директору театра бригадиру Сумарокову жалованье въ тысячу рублей. Неутомимый директоръ продолжалъ ставить все новыя пьесы, трагедіи и комедіи, частью изъ русской исторіи и русскихъ нравовъ, частью переводныя съ французскаго. Увлеченный его примѣромъ и поощряемый Шуваловымъ, Ломоносовъ также написалъ нѣсколько трагедій. Такимъ образомъ мало по малу создавался репертуаръ, въ который вошли и почти всѣ извѣстнѣйшія пьесы французскихъ авторовъ, въ особенности Мольера и Ра-

сина. Въ обществѣ сочувствіе театру было огромное, и сценическія зрѣлища сразу заняли значительное мѣсто въ городской жизни.

Уже давно не пользовавшаяся цвѣтущимъ здоровьемъ, императрица Елизавета въ ноябрѣ 1761 г. сильно захворала. Врачи, считавшіе ея болѣзнь лихорадкою, старались прервать пароксизмы, и достигнувъ этой цѣли, думали что государыня вполнѣ оправилась. Но въ декабрѣ болѣзнь проявилась въ угрожающей формѣ, и въ день Рождества Христова Елизавета Петровна скончалась. Ей наслѣдовалъ племянникъ ея Петръ III.

Зимній дворецъ, къ скорѣйшей постройкѣ котораго Елизавета Петровна и архитекторъ Растрелли прилагали такъ много заботъ, еще не былъ окончательно отдѣланъ внутри. Съ этой отдѣлкой теперь торопились, и 6 апрѣля совершено было освященіе большой дворцовой церкви во имя Воскресенія. Наканунѣ, безъ особой торжественности, но при пушечной пальбѣ, Петръ III переѣхалъ въ новое зданіе. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени Зимній дворецъ остается главною императорскою резиденціею и сохраняетъ, за небольшими измѣненіями, свой наружный видъ, созданный по рисункамъ Растрелли.

Къ переѣзду императорской семьи готова была только нѣкоторая часть зданія. Государь выбралъ для себя комнаты въ юго-западной сторонѣ. Спальной его была угловая комната на площадь; рядомъ съ нею помѣщалась его библіотека. Императрица заняла комнаты, названныя потомъ покоями императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ остальной части дворца продолжались работы по внутренней отдѣлкѣ, подъ руководствомъ архитектора Чева-

кинскаго, даровитаго ученика Растрелли. Поправляли потолки и крышу, дававшую течь, расписывали плафоны, отдѣлывали мраморомъ стѣны аванзалы и античной залы, поправляли набережную.

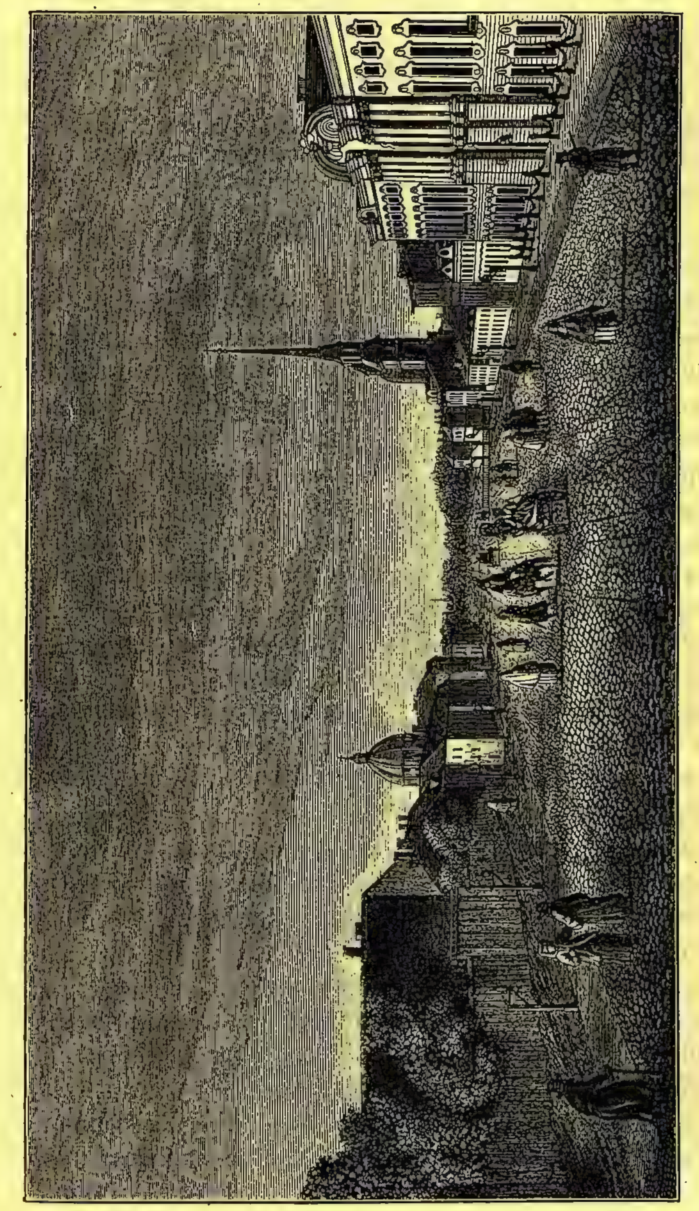
Кратковременное царствованіе Петра III не оставило существенныхъ слѣдовъ въ жизни столицы. Можно только отмѣтить, что въ маѣ 1762 г. учрежденъ былъ государственный банкъ, чѣмъ безъ сомнѣнія оказано было вліяніе и на развитіе городской торговли. Кромѣ того, по случаю новаго пожара въ Мѣщанскихъ улицахъ, подтверждены были указы о принятіи противопожарныхъ предосторожностей и запрещено было строить вновь деревянные дома во всѣхъ незарѣчныхъ частяхъ города. Тогда же впервые были приняты мѣры для истребленія бродячихъ собакъ на городскихъ улицахъ.

На лѣто 1762 года Петръ III переселился въ Ораніенбаумъ, откуда ему уже не суждено было возвратиться въ столицу. 6 іюля онъ скончался, и изданный въ тотъ же день манифестъ возвѣстилъ о восшествіи на престолъ супруги его, императрицы Екатерины Алексѣевны.

Съ нею началась и для Россіи, и для Петербурга новая славная эпоха, выдвинувшая наше отечество на уровень просвѣщенныхъ странъ, и ознаменовавшаяся собственно для столицы не только успѣхами благоустройства, но и созданіемъ новаго порядка городского управленія.

Императрица ЕКАТЕРИНА II.

Невскій проспектъ у Зеленаго (Полицейскаго) моста въ половинѣ XVIII вѣка.

IX.

Вѣкъ Екатерины Великой.—Стремленіе дать Петербургу характеръ европейской столицы.—Требованіе каменныхъ построекъ.—Устройство гранитныхъ набережныхъ.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, для Петербурга, какъ и для всей Россіи, настала пора блестящаго развитія. Одаренная умомъ и замѣчательными способностями, Екатерина много училась не только въ дѣтствѣ, но и въ томъ возрастѣ, когда воспитаніе женщины уже считалось законченнымъ. Еще будучи невѣстою Петра III, она прилежно занималась русскимъ языкомъ и православнымъ закономъ Божіимъ, а впослѣдствіи до самой старости не переставала читать все замѣчательное въ иностранной и русской литературѣ, вести личную переписку съ европейскими литературными знаменитостями и интересоваться успѣхами русской поэзіи, русскаго театра и русскаго искусства. Съ своими просвѣщенными взглядами и обширною образованностью, она ставила задачею довершить дѣло Петра Великаго,—распространеніемъ образованія въ обществѣ, смягченіемъ нравовъ, остававшихся еще очень грубыми, перевоспитаніемъ семьи. Она стремилась поставить Россію на уровнѣ европейскихъ странъ не только по развитію политическаго могущества, но и по успѣхамъ гуманнаго просвѣщенія. Въ такой же мѣрѣ она заботилась о томъ, чтобы столица имперіи не уступала, по красотѣ и благоустройству, другимъ европейскимъ столицамъ.

Уже одно то обстоятельство, что Екатерина, въ теченіи своего продолжительнаго царствованія,

жила почти постоянно въ Петербургѣ, переѣзжая только на лѣтніе мѣсяцы въ Царское Село, должно было благопріятно отразиться на ростѣ столицы. Пребываніе Двора, возрастающія удобства городской жизни, постройка большихъ каменныхъ домовъ для отдачи квартиръ внаймы, безопасность и порядокъ, возможность находить произведенія и издѣлія чужихъ странъ—все это привлекало въ Петербургъ жителей изъ Москвы и провинціи, и побуждало ихъ селиться здѣсь и строиться.

При вступленіи Екатерины на престолъ, число жителей Петербурга доходило только до 60 тысячъ, и притомъ половину этого числа составляли военно-служащіе. Съ первыхъ же лѣтъ царствованія Екатерины начался быстрый приростъ населенія, естественный и вслѣдствіе передвиженія, и въ годъ кончины императрицы число жителей въ Петербургѣ въ $3^1/_2$ раза превышало цифру 1762 г., перейдя за 200 тысячъ. (По нѣкоторымъ, не заслуживающимъ полнаго довѣрія свѣдѣніямъ, въ 1796 г. въ Петербургѣ было даже отъ 225 до 230 тысячъ жителей).

Въ такихъ же размѣрахъ подвинулась въ царствованіе Екатерины II застройка Петербурга и его распространеніе въ сторону за Фонтанку, въ нынѣшнихъ Московской и Литейной частяхъ.

Стремленіе дать Петербургу характеръ вполнѣ европейскаго города озабочивало Екатерину съ первыхъ лѣтъ царствованія. Еще въ декабрѣ 1762 г., во время пребыванія государыни въ Москвѣ для коронованія, изданъ былъ указъ объ учрежденіи „коммисіи для устройства городовъ С.-Петербурга и Москвы“. По отношенію къ Петербургу, коммисіи этой поставлено было задачею пріоста-

новить распространеніе города по окраинамъ и усилить застройку его въ центральныхъ частяхъ, не допуская пустырей и топей.

Дѣйствительно, бѣдный и пустынный видъ придавало Петербургу именно то обстоятельство, что онъ расползался вширь, не застроиваясь какъ слѣдуетъ внутри. Домовладѣльцы захватывали большіе участки и оставляли ихъ на половину впустѣ, отчего по улицамъ тянулись среди рѣдко стоящихъ зданій жалкіе и длинные заборы. Для надобностей казенныхъ вѣдомствъ отводились также непомѣрно большія пространства. Дома строились по преимуществу одноэтажные, и не смотря на запретительные указы, деревянное строеніе или преобладало, или перемѣшивалось съ каменнымъ. Екатеринѣ хотѣлось сдѣлать городъ лучше застроеннымъ, заставить его распространяться не въ ширину, а въ вышину. Поэтому коммисія стала требовать, чтобы на главныхъ улицахъ дома строились непремѣнно каменные, и притомъ двухъ и трехъ-этажные. Требованію этому подчинялись сначала неохотно, такъ какъ въ Россіи изстари привыкли строиться въ одинъ этажъ, на просторныхъ дворахъ, не дорожа мѣстомъ. Притомъ же существовало убѣжденіе, будто каменные дома не могутъ быть также теплы какъ деревянные. Предразсудокъ этотъ проистекалъ, конечно, изъ того, что въ то время плохо знали каменную кладку, не умѣли хорошо выводить печи и плотно пригонять двери и оконныя рамы. Но мало по малу примѣръ вельможъ и другихъ состоятельныхъ лицъ, выстроившихъ трехъ-этажные дома, подѣйствовалъ на остальныхъ крупныхъ домовладѣльцевъ, и высокіе дома стали все чаще выростать

на петербургскихъ улицахъ, даже соприкасаясь вплотную одинъ съ другимъ—что раньше казалось совсѣмъ необычнымъ. Понятно, какъ эти новшества должны были измѣнить наружный видъ города.

Требованіе, чтобы на главныхъ улицахъ дома строились только каменные, очевидно плохо соблюдалось въ предшествовавшее время. Оно было вновь подтверждено, причемъ по набережной Невы и Фонтанки разрѣшалось возводить строеніе не ниже двухъ этажей, „въ линію"; если же строились отступя отъ линіи, то на набережную должны были выходить каменные заборы, или же чугунныя на каменныхъ столбахъ ограды. Внутреннія строенія допускались и деревянныя, но не иначе какъ по плану, выданному изъ полиціи.

Быстро возроставшее населеніе Петербурга создало спросъ на квартиры. Многіе стали строить дома именно съ цѣлью извлекать изъ нихъ доходъ отдачею помѣщеній въ наемъ. Между домовладѣльцами и жильцами уже заключались контракты, и бывали случаи споровъ и исковъ; такіе споры предоставлено было вѣдать полиціи, въ составѣ которой находились и архитекторы, и которая вообще наблюдала за порядками домостроительства. Заботы по этой части сильно обременяли полицейское управленіе, и потому въ 1766 г. учреждена была должность оберъ-полиціймейстера „для вспоможенія генералъ-полиціймейстеру". На эту должность назначенъ былъ прокуроръ канцеляріи строеній Зыбинъ, очевидно потому, что кругъ обязанностей его опредѣлялся именно надзоромъ за постройкою домовъ и разборомъ исковъ домовладѣльцевъ съ неисправныхъ жильцовъ.

Побуждая жителей города къ постройкѣ ка-

менныхъ домовъ, правительство Екатерины, разумѣется, подавало первый примѣръ, замѣняя деревянныя казенныя строенія каменными. Такимъ образомъ, приступлено было къ постройкѣ каменныхъ казармъ для полковъ лейбъ-гвардіи и артиллерійскихъ казармъ въ Литейной части, причемъ оставшуюся свободную землю велѣно было отводить частнымъ лицамъ. Вообще заботились, чтобъ постройки возводились ближе одна къ другой и уничтожались пустыри; съ этою цѣлью свободныя казенныя земли охотно уступались желающимъ, а крупнымъ домовладѣльцамъ, захватившимъ большіе участки и не имѣвшимъ средствъ застроить ихъ, разрѣшалось продавать землю мелкими участками другимъ лицамъ.

Заботы объ украшеніи города наталкивались на существенное препятствіе—бѣдность большинства петербургскаго населенія. Коммисія строеній желала бы, напримѣръ, создать въ городѣ красивыя площади, и „по времени убрать въ память россійскихъ дѣлъ монументами“. Но такъ какъ находилось мало охотниковъ возводить роскошные, дорого стоющіе фасады, то коммисія составила любопытный планъ застройки площадей на казенный счетъ лицевыми стѣнами, съ тѣмъ чтобы предоставить жителямъ пристраивать къ этимъ стѣнамъ дома, какіе будутъ по средствамъ каждому. Такихъ площадей предполагалось три—на Пескахъ, въ Коломнѣ и въ Нарвской части. Екатерина утвердила этотъ оригинальный проектъ. Впослѣдствіи, когда окончательно расчищена была Дворцовая площадь, возвратились къ подобной же мысли обнести ее полукруглымъ казеннымъ зданіемъ, съ цѣлью прикрыть частныя строенія, вы-

ходившія на площадь задворками и представлявшія жалкій видъ.

Одною изъ главнѣйшихъ задачъ благоустройства города признана была облицовка рѣкъ и каналовъ гранитными набережными. На Невѣ такая облицовка производилась частями и раньше; Екатерина II пожелала одѣть въ гранитъ Неву на всемъ ея теченіи въ чертѣ города, и точно также отдѣлать гранитомъ берега Фонтанки и Глухого протока, т. е. нынѣшняго Екатерининскаго канала.

Сплошная набережная Невы, стоившая громадныхъ трудовъ и денегъ, поражала современниковъ; въ докладахъ коммисіи строеній о ней говорится, какъ о „великолѣпіемъ, красотой и полезностью славной". И дѣйствительно, это было, по размѣрамъ, единственное такого рода сооруженіе въ Европѣ. Понятно, что сохранявшіяся на набережной одноярусныя мазанки, обветшавшія и еще болѣе понизившіяся вслѣдствіе повышенія береговъ, не соотвѣтствовали гранитной облицовкѣ Невы. Поэтому коммисія настаивала, чтобы вмѣсто мазанокъ возведены были двухъ-этажные каменные дома, и притомъ въ сплошную линію и одинаковой высоты.

Отдѣлка береговъ Фонтанки и Глухого протока ввѣрена была наблюденію извѣстнаго инженера Вильбуа, и начата въ первые же годы царствованія Екатерины. Глухой протокъ приходилось предварительно выпрямлять и расширять, потому что онъ протекалъ излучинами, не позволявшими дать набережной красивый прямолинейный видъ. Кромѣ того, при слабомъ теченіи, вода застаивалась въ этихъ излучинахъ и порождала вредныя

испаренія. Рѣшено было выкупить на снос существовавшіе по берегамъ ветхіе деревянные дома, выравнять теченіе и раздать участки подъ новыя каменныя строенія. Когда громадная задача эта была выполнена, новому каналу по всей справедливости присвоено было, въ честь императрицы, названіе Екатерининскаго.

Барскій выѣздъ при Екатеринѣ II.

Съ устройствомъ набережныхъ связано было и сооруженіе каменныхъ складовъ, какъ для товаровъ предназначаемыхъ къ заграничному отпуску, такъ и для запасовъ, удовлетворяющихъ внутреннему потребленію. Надобность въ складахъ была тѣмъ настоятельнѣе, что торговля петербургскаго порта быстро возрастала. Объ этомъ можно судить по ходу навигаціи. Въ 1764 году купече-

Императорскій Эрмитажъ.

скихъ кораблей пришло въ Кронштадтъ 333, ушло 332. Въ 1769 году, т. е. пять лѣтъ спустя, въ приходѣ было 564 корабля, въ отходѣ 540. Въ 1773 г. въ приходѣ 676 кораблей, въ отходѣ 669. Въ 1777 г. въ приходѣ 729 кораблей, въ отходѣ 713 и т. д.

Часть Васильевскаго острова, ближайшая къ Невѣ, входила въ строительный планъ города наравнѣ съ центральными частями. Здѣсь также разрѣшено было строить только каменныя двухъэтажныя зданія вблизи биржи, по набережнымъ по Большому проспекту и по 1-й Кадетской линіи. Окончательно рѣшена была и судьба каналовъ, вырытыхъ на островѣ при Петрѣ Великомъ: ихъ признано необходимымъ засыпать, потому что въ нихъ, по словамъ коммисіи строеній, „бываетъ одна грязь и происходитъ духъ вредительный здоровью". Такъ какъ ширина Большого проспекта, послѣ засыпки канала, оказалась непомѣрною, то рѣшено было впереди обѣихъ линій домовъ устроить сады, сохраняющіеся и по настоящее время.

X.

Внутренняя отдѣлка Зимняго дворца.—Постройка Эрмитажа.—Собственныя комнаты Екатерины II.—Мѣры противъ роскоши.

Новый Зимній дворецъ при воцареніи Екатерины II былъ еще не вполнѣ отдѣланъ. Число громадныхъ залъ и жилыхъ покоевъ въ этомъ дворцѣ было такъ велико, что въ теченіе еще тридцати лѣтъ работы внутри зданія почти не прекращались. Вслѣдствіе малаго наклона, кровля дворца давала течь, отъ которой страдали потолки;

нижнее жилье не имѣло сводовъ; внутреннія стѣны не вездѣ были облицованы мраморомъ или лѣпной штукатуркой. Завѣдывать всѣми этими работами поручено было извѣстному впослѣдствіи государственному дѣятелю И. И. Бецкому, которому помогали архитекторы Фельтенъ, де-Ламотъ и знаменитый Гваренги. Внутренняя отдѣлка дворца поглотила въ первые годы царствованія Екатерины болѣе двухъ съ половиною милліоновъ рублей. Внутри дворца устроенъ былъ обширный манежъ и надъ нимъ зимній садъ, въ которомъ могли помѣщаться деревья до 4½ саженъ вышины. Въ 1767 г. приступлено было къ постройкѣ Эрмитажа, предназначавшагося первоначально для храненія не только художественныхъ сокровищъ, но и собственныхъ библіотекъ государыни, въ томъ числѣ купленныхъ у французскихъ писателей Вольтера и Дидро. Сперва выстроена была только часть зданія, ближайшая къ Зимнему дворцу, между Невой и Милліонной улицей; потомъ постройка была продолжена до Зимней канавки, и наконецъ уже въ 1784 году выстроенъ былъ, подъ наблюденіемъ Гваренги, эрмитажный театръ. Тотъ же Гваренги построилъ закрытую арку, соединяющую Эрмитажъ съ театромъ. Это архитектурное произведеніе казалось современникамъ настолько смѣлымъ, что явилось опасеніе за его прочность, и императрица приказала тщательно его осмотрѣть и провѣрить.

Въ слѣдующіе годы отдѣлывались аванзалы и Георгіевская зала съ великолѣпнымъ трономъ, впослѣдствіи передѣланнымъ. Къ трону вели шесть мраморныхъ ступеней, огражденныхъ мраморными же стѣнками съ арками, орнаментами, богатымъ

архитравомъ. По сторонамъ стояли двѣ большія мраморныя вазы и двѣ статуи, изображавшія Вѣру и Законъ.

Резиденція царей и хранилище художественныхъ и историческихъ драгоцѣнностей, Зимній дворецъ создавался медленно. Нужно было много времени, труда и затратъ, чтобъ сдѣлать его одною изъ богатѣйшихъ достопримѣчательностей Петербурга.

Собственная половина императрицы состояла изъ небольшого числа комнатъ, убранство которыхъ отличалось простотою. Тутъ было мало позолоты, мебель не поражала роскошью. Ближайшая отъ лѣстницы комната была проходная; здѣсь за ширмами стоялъ письменный столъ съ принадлежностями, къ которому присаживались, послѣ доклада, министры и статсъ-секретари, чтобы исполнить спѣшныя приказанія государыни. Изъ этой комнаты двери вели въ обширную уборную, окнами на Дворцовую площадь, а за уборной помѣщалась спальная, гдѣ Екатерина чаще всего занималась по утрамъ дѣлами, особенно въ послѣдніе годы. Изъ спальной былъ выходъ во вторую уборную, въ кабинетъ и въ такъ называемую зеркальную комнату.

Въ обыкновенные дни, когда не было торжественныхъ пріемовъ, образъ жизни Екатерины также отличался большою простотою. Она вставала раньше всѣхъ лицъ своего штата, въ 6 часовъ утра, и только въ послѣдніе годы жизни поднималась въ 8 часовъ. Сама зажигала она восковыя свѣчи, растапливала каминъ и одѣвалась. Затѣмъ она звонила, чтобы потребовать воды, а также льду для обтиранія лица. Если прислуга

мѣшкала, государыня терпѣливо ждала; она вообще не любила прибѣгать къ взысканіямъ. По окончаніи туалета она иногда переходила въ кабинетъ, куда ей подавали крѣпкій кофе съ густыми сливками и гренками—такой крѣпкій, что послѣ нея камеръ-лакеи и истопники нѣсколько разъ переваривали его для себя. Не забывались при этомъ и любимыя собачки государыни, которымъ перепадали кусочки сахара и гренокъ.

Послѣ этого ранняго завтрака начинались доклады; Екатерина, слушая ихъ, обыкновенно вязала или вышивала по канвѣ. Обѣдала Екатерина II въ часъ дня, кушая три или четыре блюда и запивая ихъ одной чистой невской водой. Только подъ старость, по совѣту доктора, она стала выпивать одну рюмку мадеры въ день. Послѣ обѣда нѣкоторое время посвящалось чтенію книгъ; часто читалъ императрицѣ вслухъ И. И. Бецкій.

Когда Екатерина занималась дѣлами, предъ нею всегда стояла табакерка съ портретомъ Петра Великаго. „Я мысленно спрашиваю это великое изображеніе—говорила она—что бы онъ повелѣлъ, что бы запретилъ, или что бы сталъ дѣлать на моемъ мѣстѣ?“

Въ числѣ высшихъ должностныхъ лицъ, ежедневно являвшихся съ докладами къ императрицѣ, былъ и генералъ-полиціймейстеръ. Екатерина спрашивала его о городскихъ происшествіяхъ и о цѣнахъ на жизненные припасы. Узнавъ однажды, что вслѣдствіе малаго пригона скота мясо поднялось съ 2 копѣекъ до 4 (вотъ какія были тогда цѣны!) государыня приказала закупить нѣкоторое количество скота на казенныя деньги, чтобы снова понизить цѣны на говядину.

Въ 6 часовъ обычно собирались на половинѣ императрицы приближенныя лица. Въ 10-мъ часу Екатерина удалялась въ спальную, и не ужинавъ, ложилась въ постель.

Въ молодости Екатерина появлялась на выходахъ въ длинномъ бѣломъ платьѣ, и съ маленькой короной на головѣ; изъ подъ короны длинные локоны падали на плечи. Позднѣе, императрица придумала себѣ костюмъ, похожій на старинный русскій, съ фатою и открытыми проймами на рукавахъ. Еще позднѣе, императрица стала носить свободный кафтанъ безъ таліи (молдаванъ) и мѣховую венгерскую шапку съ кистью. Подъ старость она ходила въ простомъ чепцѣ, шапочкѣ и капотѣ.

Одинъ англичанинъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1778 году, такъ описываетъ большой выходъ въ Зимнемъ дворцѣ: „Императрица въ церкви стояла за рѣшеткой. Послѣ обѣдни потянулся длинный рядъ придворныхъ обоего пола, попарно; императрица шла одна, тихимъ и торжественнымъ шагомъ, съ гордо приподнятой головой, и безпрестанно кланялась на обѣ стороны. При выходѣ она остановилась на нѣсколько секундъ и привѣтливо разговаривала съ иностранными послами, которые приложились къ ея рукѣ. Она была въ русскомъ нарядѣ: свѣтло-зеленомъ шелковомъ сарафанѣ съ короткимъ шлейфомъ и въ корсажѣ изъ золотой парчи, съ длинными рукавами. Волосы ея были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой; головной уборъ весь унизанъ брилліантами, Особа ея очень величественна, хотя ростъ ниже средняго; лицо исполнено достоинства, и особенно привлекательно, когда она говоритъ“.

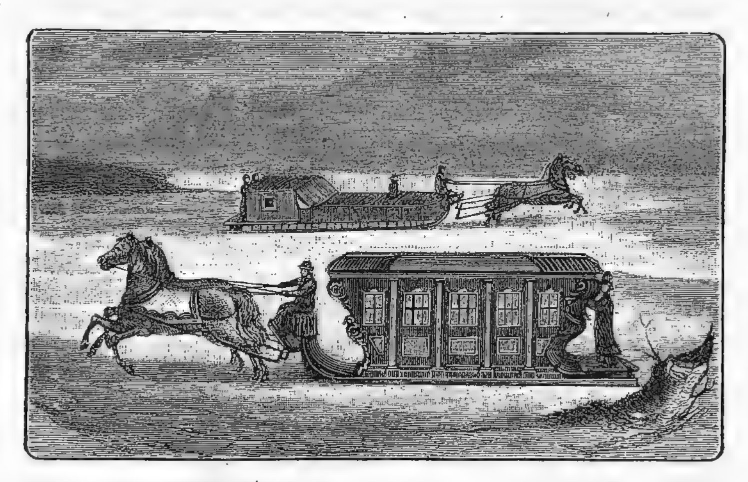
Подражаніе русскому женскому платью, придуманное Екатериной II, съ того времени сдѣлалось обязательнымъ для придворныхъ дамъ на большихъ пріемахъ и выходахъ во дворцѣ, и обычай этотъ сохранился до сихъ поръ.

Дворъ Екатерины отличался вообще большою пышностью. Россія въ ея царствованіе окончательно вошла въ число великихъ европейскихъ державъ, государственный бюджетъ сильно возросъ, явилось соперничество съ другими дворами, блиставшими великолѣпіемъ. Удобства петербургской жизни, слава императрицы и ея главныхъ сподвижниковъ, возможность блеснуть роскошью, привлекали въ Петербургъ богатыхъ дворянъ изъ Москвы и провинціи. Современникъ-англичанинъ, слова котораго мы привели выше, говоритъ, что пышность русскаго двора превосходила всякія описанія. Въ особенности поражало обиліе драгоцѣнныхъ камней, которыми щеголяли не только дамы, но и мужчины. Послѣдніе являлись на придворные балы и выходы въ дорогихъ французскихъ костюмахъ, усыпанныхъ бриллiантами: на пуговицахъ, пряжкахъ, рукояткахъ шпагъ, эполетахъ и шляпахъ сверкали драгоцѣнные алмазы.

Выѣзды Екатерины, въ особенности въ загородныя окрестности, также отличались пышностью. Впереди обыкновенно скакали лейбъ-гусары, въ мундирахъ расшитыхъ галунами; такой же отрядъ замыкалъ поѣздъ. Вечеромъ дорогу освѣщали факелами. Толпа народа всегда бѣжала съ громкими криками вслѣдъ за любимою государынею.

Щеголять лошадьми и экипажами было въ модѣ среди придворнаго общества. Сани запрягались парою, четвернею и шестернею цугомъ; для отдѣл-

ки саней и сбруи не щадили серебра. Очень любили также кататься въ маленькихъ шорныхъ санкахъ безъ кучера. На запяткахъ стоялъ или сидѣлъ выѣздной лакей въ гусарскомъ одѣяньи, съ бичемъ, и кричалъ встрѣчнымъ: „поди! берегись!“ На Невѣ и Дворцовой набережной часто устраивались такія катанья, представлявшія очень оживленную картину.

Придворные возки при Екатеринѣ II.

Тѣмъ не менѣе, замѣчавшееся въ петербургскомъ обществѣ чрезмѣрное стремленіе къ роскоши озабочивало правительство и побуждало принимать ограничительныя мѣры. Запрещено было напримѣръ, гайдукамъ и скороходамъ идти впереди экипажей, и допущены были только двое верховыхъ слугъ для выѣздовъ особъ двухъ первыхъ классовъ. Лицамъ ниже VIII класса воспрещалось обшивать ливреи своихъ лакеевъ галунами. Требовалось, чтобы „всякъ, сколь возможно, старался

Таврическій дворецъ въ XVIII столѣтіи.

удалить отъ себя всѣ лишнія и ненужныя всякаго рода дворянство раззоряющія роскоши". Особенное вниманіе обращено было на „содержаніе излишняго и многаго числа праздныхъ служителей въ домѣ, навѣкъ отъ пашенъ отлученныхъ, гдѣ бы они полезнѣе для господина, для себя и для общества быть могли". Запрещалось „купцамъ, мѣщанамъ и всякимъ господскимъ людямъ имѣть кареты, сани, одноколки, роспуски или дрожки вызолоченныя, или высеребряныя, или инымъ чѣмъ украшенныя, кромѣ одною краскою и лакомъ покрытыхъ, по произволу выбирая цвѣтъ окраски". Что же касается извозчичьихъ экипажей, то для нихъ всѣхъ обязателенъ былъ, въ отличіе, желтый цвѣтъ. Это правило соблюдалось во всей Россіи до второй четверти XIX вѣка.

XI.

Замѣчательнѣйшія постройки екатерининскаго времени. — Исакіевскій соборъ.—Мраморный дворецъ.—Таврическій дворецъ.— Памятникъ Петру Великому.

Сознавая политическое величіе Россіи и ея развивающееся богатство, Екатерина II стремилась украсить Петербургъ зданіями, соотвѣтствующими значенію столицы могущественной имперіи. Въ ея царствованіе исполнены или начаты весьма важныя сооруженія, составляющія до сихъ поръ главныя архитектурныя достопримѣчательности столицы.

Мраморный Исакіевскій соборъ, по плану придворнаго архитектора Ринальди, былъ заложенъ въ присутствіи самой императрицы въ 1768 году. Первоначально онъ былъ выстроенъ изъ дерева

подлѣ Адмиралтейства при Петрѣ Великомъ, потомъ перенесенъ на мѣсто нынѣшняго зданія сената, и въ 1735 году сгорѣлъ отъ удара молніи. Екатерина II пожелала возобновить зданіе изъ мрамора, на мѣстѣ, гдѣ оно находится и до сихъ поръ. Изготовленіе мраморной облицовки поручено было кексгольмскимъ каменоломнямъ, но кромѣ того выписывался мраморъ изъ Италіи. Черезъ пять лѣтъ послѣ закладки выведенъ былъ нижній цоколь и начата кладка стѣнъ. Работа была громадная, такъ какъ подъ фундаментъ понадобилось вбить болѣе 10½ тысячъ свай, трехсаженной длины и 12 вершковъ въ діаметрѣ. Самый фундаментъ представлялъ сплошную массу гранита 4-аршинной глубины. Задуманное по чрезвычайно широкому плану, сооруженіе требовало громадной затраты средствъ денежныхъ и художественныхъ, и затянулось надолго. Екатеринѣ не пришлось видѣть окончанія своего величаваго замысла. Соборъ былъ наскоро достроенъ при императорѣ Павлѣ I, причемъ планъ Ринальди былъ упрощенъ, размѣры собора сокращены, мраморъ мѣстами замѣненъ простымъ камнемъ. При императорѣ Александрѣ I вновь вернулись къ проекту Ринальди, обновленному и дополненному архитекторомъ Монферраномъ, и соборъ былъ перестроенъ.

Смольный соборъ, начатый по проекту Растрелли при Елисаветѣ Петровнѣ, стоялъ недоконченнымъ. Въ царствованіе Екатерины II достройка его подвигалась медленно, и ограничивалась частными работами: отдѣлкой чугунныхъ фигуръ ангеловъ на фронтисписѣ, выполненіемъ вазъ изъ пудожскаго камня, и пр. Завершеніе постройки и внутреннее украшеніе храма относится уже ко вре-

менамъ императора Николая I. Но устроенный при соборѣ воспитательный домъ для дѣвицъ, первообразъ дѣвичьихъ институтовъ, привлекалъ заботы Екатерины, и она неоднократно посѣщала его со всѣмъ Дворомъ, принимала привѣтствія воспитанницъ, бесѣдовала съ попечителями и наставницами, и слушала литургію въ домовой церкви.

Нѣкоторые другіе, донынѣ существующіе въ столицѣ храмы также сооружены въ царствованіе Екатерины: соборъ Владимірской Божьей Матери, Андреевскій соборъ на Васильевскомъ острову (впослѣдствіи значительно перестроенный), Никольскій морской соборъ (начатый при Елизаветѣ Петровнѣ) и др. Достроивалась также и Александро-Невская лавра.

Мы уже говорили, сколько стараній приложено было Екатериною II для внутренней отдѣлки Зимняго дворца и постройки Эрмитажа. При ней же возникли и другія дворцовыя сооруженія. Въ 1779 былъ достроенъ вчернѣ Мраморный дворецъ на Дворцовой набережной, который Екатерина II купила у наслѣдниковъ гр. Орлова и впослѣдствіи передала въ собственность своего второго внука, великаго князя Константина Павловича. Дворецъ этотъ, съ нижнимъ этажемъ изъ гранита, мраморной облицовкой второго и третьяго этажей и съ вызолоченными бронзовыми переплетами оконъ, представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій Петербурга. Внутри стѣны нѣкоторыхъ залъ облицованы лапись-лазурью и яшмой.

Другой замѣчательный дворецъ екатерининскаго времени, Таврическій, былъ первоначально построенъ кн. Потемкинымъ, но затѣмъ Екатерина II купила его, поручила архитектору Старову пере-

строить и украсить зданіе, и въ обновленномъ видѣ вновь подарила его князю. Главный корпусъ этого дворца представляетъ внутри одну громадную залу съ двумя боковыми крыльями и двойнымъ рядомъ колоннъ, какъ бы нарочно предназначенную для тѣхъ блистательныхъ празднествъ въ честь Екатерины, какія давалъ здѣсь „великолѣпный князь Тавриды“. Фасадъ дворца украшенъ портикомъ съ 6 колоннами; надъ кровлей возвышается громадный куполъ.

Дворцы Каменноостровскій и Елагинскій также выстроены при Екатеринѣ II. Первый предназначался для наслѣдника престола великаго князя Павла, и былъ любимой лѣтней резиденціей его и по вступленіи на престолъ. Елагинскій въ первоначальномъ видѣ принадлежалъ графу Орлову; при Александрѣ I онъ былъ купленъ въ казну и перестроенъ.

Обширныя строительныя предпріятія Екатерины, въ которыхъ она любила соединять величіе, красоту и блескъ, требовали большого числа даровитыхъ архитекторовъ, художниковъ и мастеровъ. Ряды ихъ пополнялись преимущественно иноземными талантами; но все болѣе чувствовалась необходимость создать разсадникъ художественнаго образованія для русскихъ дарованій. Съ этою цѣлью еще при Елизаветѣ Петровнѣ образована была, по мысли И. И. Шувалова, академія художествъ. Екатерина Вторая, тотчасъ по вступленіи на престолъ, обратила вниманіе на недостаточныя денежныя средства этого заведенія, и въ 1763 году дала ему новый уставъ и 60 тысячъ рублей годового содержанія. Затѣмъ задумано было выстроить для академіи роскошное

зданіе по плану ея директора, даровитаго архитектора Кокоринова. Въ іюлѣ 1765 года состоялась торжественная закладка зданія. Екатерина прибыла туда на катерѣ по Невѣ. Для нея устроена была временная, богато украшенная пристань, съ арками въ видѣ тріумфальныхъ воротъ. Положеніе перваго камня руками императрицы сопровождалось пушечною пальбою. Затѣмъ, пройдя въ смежное старое зданіе академіи, Екатерина присутствовала на торжественномъ актѣ, поздравляла академиковъ и слушала благодарственную рѣчь, сочиненную Сумароковымъ. Торжество закончилось „хоромъ вокальной и инструментальной музыки", а по отъѣздѣ императрицы—академикамъ предложенъ былъ отъ Двора обѣдъ, сопровождавшійся тостами и пальбой.

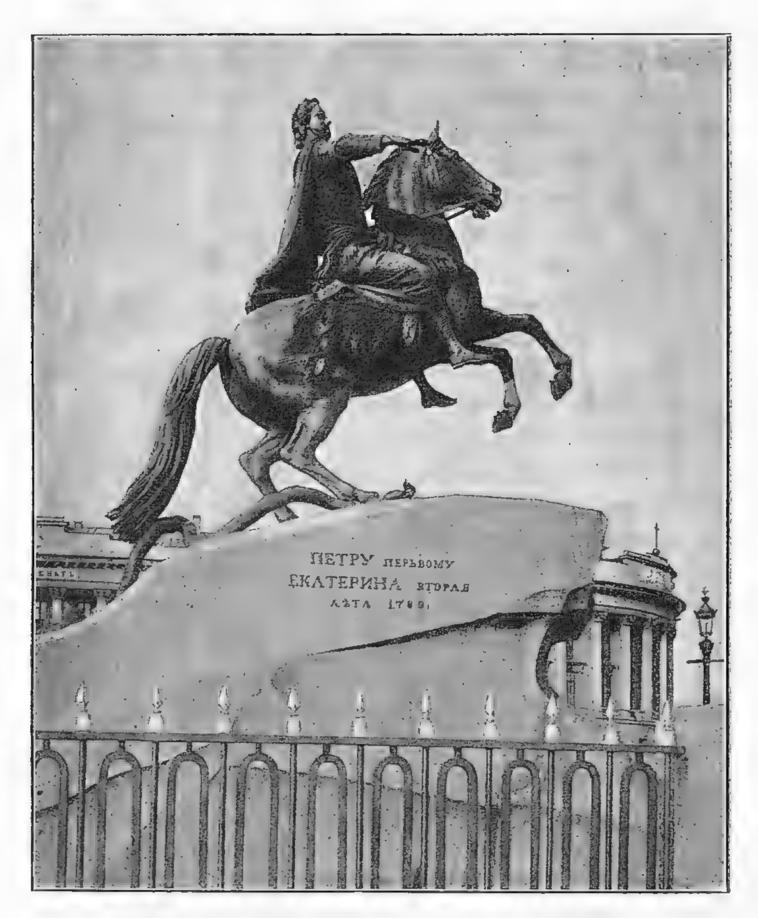
Работы по сооруженію академическаго зданія продолжались быстро подъ наблюденіемъ Кокоринова, и вскорѣ былъ законченъ величественный фасадъ на Неву, съ куполомъ надъ нимъ и съ надписью надъ входомъ: „Свободнымъ художествамъ".

Въ декабрѣ 1770 года въ академіи открылась аукціонная продажа произведеній учениковъ ея. Аукціоны эти происходили два раза въ недѣлю и пользовались сочувствіемъ публики, которой нравилось пріобрѣтать недорогой цѣной болѣе или менѣе удачныя художественныя произведенія. Прекратились эти аукціоны только въ 1830 году.

Было бы утомительно перечислять здѣсь всѣ значительныя сооруженія, предпринятыя въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины II. Упомянемъ лишь главнѣйшія, какъ-то: Государственный банкъ, нынѣшнее зданіе судебныхъ установленій,

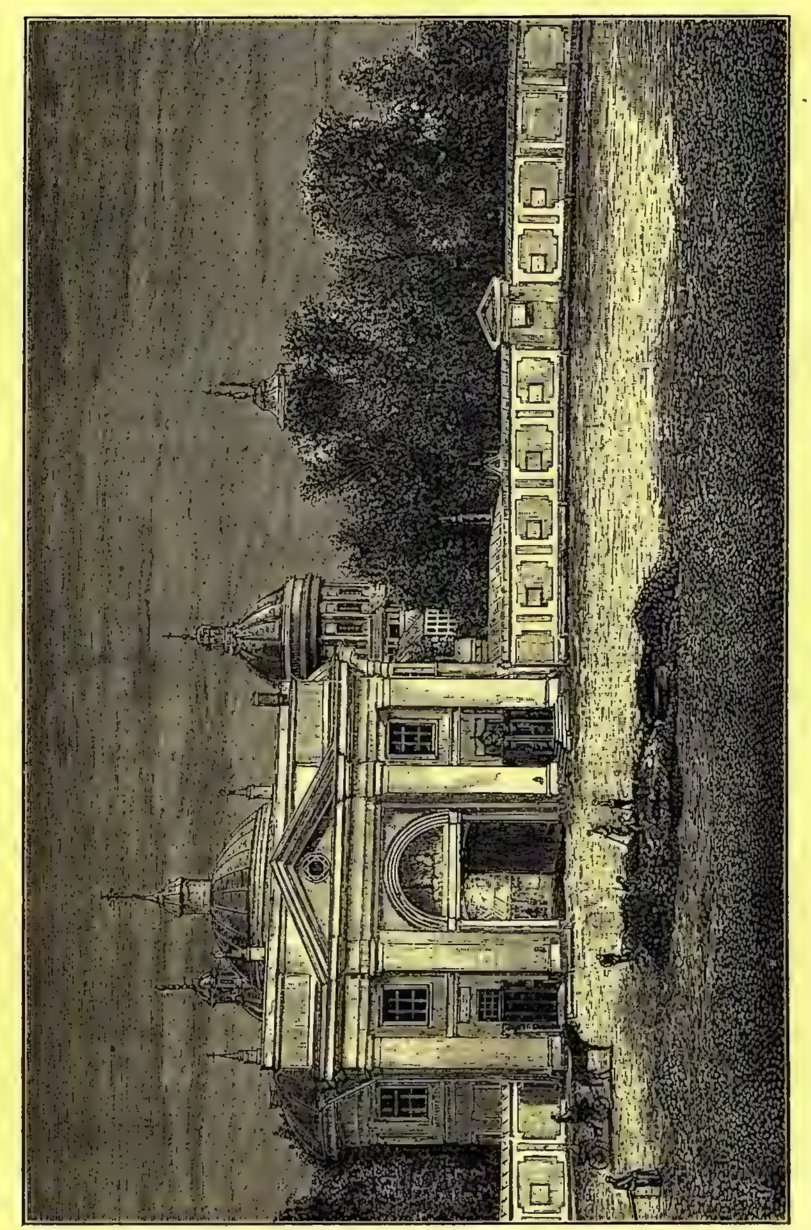
Обуховская больница, Соляной городокъ, Горное училище, каменный Андреевскій рынокъ, Большой театръ въ его первоначальномъ видѣ, перестроенный затѣмъ послѣ пожара 1817 года. При Екатеринѣ же начата постройка зданія Императорской публичной библіотеки, по проекту архитектора Соколова, оконченная въ царствованіе Александра I.

Наконецъ, благоговѣнію Екатерины къ памяти Петра Великаго и ея художественному вкусу Петербургъ обязанъ извѣстнѣйшимъ изъ украшающихъ его памятниковъ — конной статуей создателя новой столицы и преобразователя Россіи. Въ 1765 году Екатерина приказала нашему послу въ Парижѣ найти тамъ талантливаго ваятеля для созданія памятника Петру, достойнаго его славы. Между представленными художниками, выборъ императрицы остановился на Фальконетѣ, который въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Петербургъ и изготовилъ въ маломъ видѣ модель. Одобривъ ее, Екатерина II приказала отыскать громадную цѣльную мраморную глыбу, годную служить подножіемъ. Вскорѣ явился крестьянинъ изъ деревни Лахты и сообщилъ, что у нихъ, въ 12 верстахъ отъ Петербурга, имѣется подходящая гранитная скала, извѣстная въ той мѣстности подъ названіемъ „камня-Грома“. Названіе произошло оттого, что когда-то молнія ударила въ этотъ камень и произвела въ немъ разщелину. По преданію, на эту скалу всходилъ нѣсколько разъ Петръ Великій, чтобъ обозрѣть окрестности. Камень лежалъ на 15 футовъ въ землѣ и весь обросъ мохомъ; въ разщелинѣ росли даже березки.

Памятникъ Петру Великому, работы Фальконета.

Перетащить эту гранитную глыбу въ Петербургъ представляло не легкую задачу. Объявлена была награда въ 700 рублей тому, кто придумаетъ легчайшій способъ передвинуть эту громаду. Зимой 1770 года приступили къ дѣлу. Въ январѣ Екатерина II ѣздила съ Дворомъ на

Александро-Невская лавра въ нынѣшнемъ видѣ.

Лахту смотрѣть, какъ тащатъ камень. Въ ея присутствіи 400 человѣкъ, подъ барабанъ, передвинули его на 200 саженъ на мѣдныхъ полозьяхъ, по желобкамъ, въ которыхъ двигались мѣдные шары. Черезъ заливъ и Неву глыба была переправлена на плоскодонномъ суднѣ въ 180 футъ длиною.

Между тѣмъ Фальконетъ окончилъ гипсовую модель памятника въ полную величину; голову Петра сдѣлала французская художница Коллотъ. Чтобы дать возможность художнику вѣрнѣе схватить движеніе коня, вспрыгивающаго на высоту, передъ окнами мастерской Фальконета устроено было искусственное возвышеніе, на которое по нѣскольку разъ въ день въѣзжалъ вскачь искусный берейторъ, попеременно на двухъ лучшихъ лошадяхъ царской конюшни.

Нужно было приступить къ отливкѣ группы, но съ Фальконетомъ вышли несогласія, и онъ отказался отъ работы. Пригласили изъ заграницы литейщика, который однако ничего не могъ сдѣлать. Фальконетъ снова взялся за отливку. Въ работу пущено было 11 тысячъ пудовъ бронзы, да 250 пудовъ желѣза для равновѣсія группы. Отливка не вполнѣ удалась: въ самую рѣшительную минуту расплавленная мѣдь потекла изъ глиняной формы. Фальконетъ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ мастерской; но русскій рабочій, литейщикъ Хайловъ, не растерялся, и съ опасностью для жизни сталъ собирать вытекшій металлъ и снова вливать въ форму. Изъянъ удалось исправить, на что потребовалось два года.

7 августа 1782 года состоялось наконецъ торжественное открытіе памятника. На площади во-

кругъ него собрано было 15 тысячъ войска. Екатерина прибыла въ Сенатъ, и смотрѣла съ балкона, въ коронѣ и порфирѣ, какъ пали холсты, прикрывавшіе группу. Со слезами на глазахъ, она поклонилась бронзовому изображенію великаго Петра...

Въ послѣдніе годы царствованія, Екатерина II внимательно слѣдила за окончаніемъ работъ по сооруженію собора св. Троицы въ Александроневской лаврѣ. Соборъ этотъ заложенъ былъ еще при Петрѣ Великомъ, въ 1720 г., но работы подвигались очень медленно; едва въ 1753 г. зданіе было выведено вчернѣ, но оказалось такъ непрочно сложеннымъ, что его пришлось разобрать. Въ 1776 г. Екатерина приказала вновь заложить его, по плану архитектора Старова. Соборъ окончили въ 1790 г. и тогда же перенесли въ него мощи св. Александра Невскаго изъ другой, меньшей церкви. Объ украшеніи гробницы святого князя заботились двѣ императрицы: Елизавета Петровна соорудила богатую раку изъ массивнаго серебра, котораго пошло 90 пудовъ, а Екатерина II пожертвовала драгоцѣнный покровъ съ брилліантами и лампаду изъ литого золота, съ кистью изъ жемчуга.

Александро-невскій монастырь, переименованный императоромъ Павломъ I въ 1797 году въ лавру — одинъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ. Его составляютъ 12 церквей (изъ нихъ позднѣйшая, во имя сошествія св. Духа, построена въ 1822 г.) подъ сводами которыхъ хранятся рѣдкія драгоцѣнности и покоются гробницы многихъ историческихъ лицъ. Главный соборъ, во имя св. Троицы, о которомъ мы только что упомянули,

имѣетъ иконостасъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора съ бронзовыми вызолоченными украшеніями. Образа обложены краснымъ сибирскимъ агатомъ; всѣ они на мѣдныхъ доскахъ, превосходной итальянской живописи. На карнизахъ и по стѣнамъ уставлены 20 сидящихъ фигуръ святыхъ. По правой сторонѣ помѣщается рака св. князя Александра. Въ этомъ же соборѣ находятся: мраморный бюстъ митрополита Гавріила, изваянный художникомъ Козловскимъ, лаписовый образъ „Моленія о чашѣ", подаренный папою Піемъ IV Екатеринѣ II, религіозныя изображенія кисти Рафаэля, Рубенса, Ванъ-Дика, Гверчино, русскихъ художниковъ Угрюмова, Уткина и др. Тутъ же хранятся четыре напрестольныя Евангелія московской печати XVII вѣка, старинный золотой крестъ съ драгоцѣнными камнями, вѣсящій около двухъ фунтовъ, драгоцѣнные сосуды, митры, панагіи и пр.

Въ ризницѣ и библіотекѣ Александро-Невской лавры хранятся многія достопримѣчательности: трость Петра Великаго, янтарная трость Екатерины II, маршальскій жезлъ Петра Великаго, простая кровать на которой онъ спалъ когда говѣлъ въ лаврѣ, собраніе старинныхъ монетъ и пр.

Лавра представляетъ большое историческое значеніе и какъ усыпальница многихъ царственныхъ особъ и знаменитыхъ русскихъ людей. Здѣсь погребены: царица Прасковья, супруга брата Петра Великаго, Іоанна Алексѣевича; сестра Петра Великаго Наталья Алексѣевна, сынъ его Петръ Петровичъ, дочь Петра III Анна, первая супруга Павла I Наталья Алексѣевна и дочь его Ольга, дочери Александра I Марія и Александра, и гру-

зинская царица Дарія Георгіевна. Тутъ же гробницы гр. Разумовскаго, гр. Н. И. Панина, И. И. Бецкаго, гр. И. И. Шувалова, фельдмаршала кн. А. В. Суворова, и др. Надъ могилой Суворова вдѣлана въ стѣну бронзовая доска съ простою надписью: „Здѣсь лежитъ Суворовъ". По преданію, надпись эту избралъ самъ великій полководецъ, во всемъ любившій простоту; другіе же полагаютъ, что ее придумалъ поэтъ Державинъ.

Лаврское кладбище также замѣчательно могилами многихъ знаменитыхъ русскихъ людей. Здѣсь погребены Ломоносовъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Глинка, Даргомыжскій и мн. др.

Вся лавра, со всѣми принадлежащими ей строеніями и съ кладбищемъ, окружена высокою каменною оградою, большая часть которой построена при Екатеринѣ II.

XII.

Городское управленіе Петербурга въ предшествующее время.— Учрежденіе С.-Петербургской губерніи. — Жалованная грамота городамъ Екатерины II.—Открытіе с.-петербургской думы.

Заботы о государственномъ благоустройствѣ привели Екатерину II къ мысли о необходимости дать городамъ новый порядокъ управленія. Въ 1785 году дана была городамъ „жалованная грамота", положившая начало нынѣшнему городскому общественному управленію. Въ жизни Петербурга событіе это представляетъ чрезвычайную важность, и на немъ необходимо остановиться.

Взглянемъ сначала, какъ управлялась наша столица въ предшествовавшее время.

Создавая Петербургъ, Петръ Великій хотѣлъ завести въ немъ порядки, напоминавшіе европейскіе. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ въ 1720 г. главный магистратъ, который долженъ былъ вѣдать дѣла всего торговаго сословія во всей Россіи, и въ то же время заботиться о благоустройствѣ и хозяйствѣ новой столицы. Членами магистрата избирались „добрые и пожиточные граждане“; въ выборахъ участвовало исключительно торгово-промышленное населеніе города, такъ называемые посадскіе и „черныхъ волостей люди“. За особыя заслуги, члены магистрата могли быть возводимы въ дворянское достоинство. Задачи на главный магистратъ возлагались обширныя: ему поручалось завести „хотя малыя школы“, сиротскіе и смирительные дома, госпитали, биржу, заботиться о предупрежденіи и тушеніи пожаровъ, пристраивать бродягъ и нищихъ, и пр.

Но этотъ первый опытъ общественнаго управленія не имѣлъ удачи. Въ тогдашнемъ торговомъ сословіи не было людей просвѣщенныхъ, и найти между ними честныхъ и способныхъ дѣятелей было трудно. Городскія дѣла шли плохо. Въ 1727 г. главный магистратъ въ Петербургѣ былъ закрытъ, а распорядительная власть въ городѣ еще ранѣе перешла къ генералъ-полицiймейстеру. Позднѣе, въ 1742 г. главный магистратъ былъ снова возстановленъ, но занялъ очень зависимое положеніе: дѣйствительными хозяевами города были губернаторъ и генералъ-полицiймейстеръ.

Во время своихъ путешествій по Россіи Екатерина II собственными глазами видѣла печальное положеніе городовъ, совсѣмъ не соотвѣтствовавшее тому представленію о центрахъ общественно-

сти и торгово-промышленной дѣятельности, какое она имѣла. Сподвижникъ ея князь Потемкинъ рисовалъ ей картину цвѣтущаго города, который онъ намѣревался создать на югѣ. Въ этомъ городѣ предполагались фонтаны, каналы, ботаническій садъ, величественные храмы, судебное зданіе „на подобіе древнихъ базиликъ", торговые ряды „полукружіемъ", съ биржею и театромъ посрединѣ, фабрики суконныя и шелковыя, университетъ, музыкальная академія и т. д. Сочувствуя такимъ планамъ, Екатерина понимала, что подобные города не могутъ возникнуть при существующихъ магистратскихъ порядкахъ, и мысль о созданіи новаго городского устройства занимала ее съ первыхъ лѣтъ царствованія.

Въ 1775 году появились „учрежденія для управленія губерній", которыми главный магистратъ въ Петербургѣ былъ снова упраздненъ, а мѣсто его занялъ городовой магистратъ. Еще ранѣе въ 1767 году учреждена была должность городского головы, избираемаго всѣми городскими сословіями и являющагося представителемъ всего городского населенія, „общества". Городской голова могъ быть избираемъ изъ лицъ какъ дворянскаго, такъ и купеческаго званія, на два года. Первымъ петербургскимъ городскимъ головой былъ оберъ-комендантъ генералъ-поручикъ Николай Ивановичъ Зиновьевъ, прослужившій въ выборной должности нѣсколько двухлѣтій. Городовой магистратъ, въ виду многочисленности и сложности дѣлъ, раздѣленъ былъ на четыре департамента, изъ которыхъ первый, состоявшій изъ шести гласныхъ, завѣдывалъ городскимъ хозяйствомъ и соотвѣтствовалъ нынѣшней городской управѣ.

Исакіевскій мостъ въ XVIII вѣкѣ.

Спускъ корабля на Невѣ при Екатеринѣ II.

С.-Петербургская губернія устроилась на основаніи новаго „учрежденія“ въ 1780 г. Въ маѣ съѣхалось въ столицу петербургское дворянство и представило списки кандидатовъ на выборныя должности. Такіе же списки представлены были отъ горожанъ и сельчанъ губерніи. Выборы произведены были съ большою торжественностью. Съ 7 часовъ утра 19 мая войска стали шпалерами отъ Казанскаго собора до Лѣтняго дворца на Фонтанкѣ. Играли трубы, гремѣли литавры. Сенаторъ Волковъ, управлявшій губерній, двинулся съ дворянствомъ изъ своего дома въ Лѣтній дворецъ. Тамъ въ парадной залѣ, на верхней ступени трона, встрѣтилъ ихъ фельдмаршалъ Голицынъ, начальствовавшій надъ столицею. Отсюда всѣ направились въ Казанскій соборъ, гдѣ принесена была послѣ литургіи присяга представителями дворянскаго, городского и сельскаго сословій. Торжество закончилось параднымъ банкетомъ дворянству и духовенству во дворцѣ, и обѣдомъ для горожанъ и сельчанъ въ домѣ губернатора.

Черезъ десять дней состоялось въ такомъ же торжественномъ порядкѣ открытіе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Петербургъ получилъ учрежденія, существовавшія до преобразованій императора Александра II.

Екатерина II не участвовала лично въ этихъ торжествахъ, такъ какъ она въ то время совершала путешествіе на югъ Россіи.

Окончательное устройство городского управленія относится къ 1785 году, когда дана была Екатериной „жалованная грамота на права и выгоды городамъ Россійской имперіи“. Грамота эта представляетъ до сихъ поръ важнѣйшую основу суще-

ствующихъ у насъ порядковъ городской общественности.

Главное отличіе „жалованной грамоты" отъ прежняго законодательства заключается въ томъ, что ею созданъ административно-хозяйственный органъ, завѣдующій дѣлами всесословнаго городского населенія, и образующійся путемъ всесословныхъ выборовъ. Органомъ этимъ является городская дума, подраздѣляющаяся на общую и шестигласную; первая, соотвѣтствующая нынѣшней городской думѣ, была органомъ совѣщательнымъ, собиравшимся обыкновенно только въ началѣ каждаго трехлѣтія, для выборовъ шестигласной думы-вторая, соотвѣтствующая нынѣшней городской управѣ, была учрежденіемъ постояннымъ, и притомъ только распорядительнымъ и исполнительнымъ. Въ отличіе отъ магистратовъ, вѣдающихъ судебныя дѣла торговаго сословія, дума была устранена отъ всякаго вмѣшательства въ судебную часть. Ей поручено вѣдать все, что для города „потребно, выгодно и полезно"; она заботится о хозяйствѣ города, о приращеніи городскихъ доходовъ, о безопасности и благосостояніи городскихъ жителей, и о благообразіи самаго города.

Такимъ образомъ, новая дума не была учрежденіемъ сословнымъ, потому что ей ввѣрены были интересы всего городского населенія, и не была учрежденіемъ правительственнымъ, подобно старымъ магистратамъ, члены которыхъ считались на службѣ по табели о рангахъ. Дума явилась первымъ въ Россіи учрежденіемъ общественно-городскимъ.

Общую думу составляли городской голова и гласные: отъ „настоящихъ городовыхъ обывате-

лей“ (т. е. владѣющихъ домами или торговыми, промышленными и ремесленными заведеніями), отъ гильдій, отъ цеховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ именитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Подъ именитыми гражданами подразумѣвались преимущественно ученые и художники, которымъ ихъ научное или художественное образованіе, удостовѣренное дипломомъ или званіемъ, замѣняло имущественныя и торговыя права. Нововведеніе это выгоднымъ образомъ отличаетъ екатерининскую грамоту отъ прежняго законодательства.

Шестигласную распорядительную думу избирала общая дума изъ своей среды. Городской голова предсѣдательствовалъ въ той и въ другой думѣ.

Различныя сословія и группы, входящія въ составъ городского общества, собирались для выборовъ отдѣльно. „Настоящіе городовые обыватели“ разбивались на мелкія собранія по частямъ города; купечество подавало голоса по гильдіямъ, и каждая изъ гильдій (ихъ было тогда три) избирала по одному гласному; ремесленники собирались по цехамъ, и каждый цехъ выставлялъ одного гласнаго. Иностранные и иногородные гости избирали гласныхъ „каждый народъ особо“, по одному отъ народа. Именитые граждане раздѣлялись на семь „названій“, и какое названіе имѣло болѣе 5 человѣкъ, то выбирало гласнаго особо отъ другихъ. Такимъ образомъ, представительство городского населенія распредѣлялось очень неравномѣрно: купечество имѣло въ думѣ всего только 3 гласныхъ (по числу гильдій), городскіе обыватели 10 гласныхъ (по числу частей города), а именитые граждане, т. е. ученые и художники, были представле-

ны очень широко, имѣя зачастую гласнаго отъ 5 человѣкъ. Но затѣмъ эта неравномѣрность представительства сглаживалась тѣмъ, что всѣ гласные одного состоянія или одной группы составляли только одинъ голосъ, и такимъ образомъ въ думѣ оказывалось всего 6 голосовъ.

Дума подчинялась генералъ-губернатору или заступающему его мѣсто. Къ нему она обращалась съ ходатайствами о пользахъ и нуждахъ города; отъ него исходили предложенія думѣ, на которыя послѣдняя должна была давать „пристойные отвѣты"; къ нему поступали ежегодныя вѣдомости о городскихъ доходахъ и расходахъ.

Расходы допускались только „законные", а именно: на содержаніе магистрата и лицъ,находящихся на городской службѣ; на содержаніе городскихъ школъ и другихъ заведеній приказа общественнаго призрѣнія, и на городскія строенія. Жалованная грамота устанавливала, что „сверхъ положенныхъ точно расходовъ, городовыя общества не могутъ сами собою издерживать денегъ городскихъ и дѣлать новыхъ издержекъ". Но само собою разумѣется, что дума могла ходатайствовать о всякихъ необходимыхъ или общеполезныхъ затратахъ, если оказывались свободныя денежныя средства.

Жалованной грамотой положено также начало цеховому устройству ремесленнаго класса. Каждое ремесло, если имѣетъ 5 мастеровъ, образуетъ цехъ. Каждый цехъ на ежегодныхъ сходахъ избираетъ управнаго старшину и двухъ его товарищей. Цехи избираютъ ежегодно ремесленнаго голову, какъ представителя всего ремесленнаго населенія города.

Открытіе петербургской думы на основаніи жа-

лованной грамоты состоялось въ слѣдующемъ 1786 г., при меньшей торжественности, чѣмъ та, при какой происходили двадцать лѣтъ назадъ первые выборы городского головы. Въ назначенный день городскіе избиратели сошлись рано утромъ въ помѣщеніе думы и разсѣлись по „голосамъ". По прибытіи властей прочитанъ былъ указъ о выборахъ, послѣ чего всѣ направились въ Казанскій соборъ на молебствіе. По возвращеніи, приступлено было къ выборамъ кандидатовъ въ городскіе головы, и затѣмъ самого головы. Послѣ того избиратели раздѣлились по сословіямъ и произвели выборы гласныхъ въ общую думу. Избранные были представлены городскому головѣ, а тотъ въ свою очередь представилъ ихъ губернатору. Затѣмъ оставалось выбрать шестигласную думу.

Число гласныхъ общей думы перваго трехлѣтія въ точности неизвѣстно, но 12 лѣтъ спустя число это равнялось 94.

XIII.

Заботы Екатерины II о городскомъ благоустройствѣ.—Богадѣльни и больницы.— Народныя школы.—Освѣщеніе улицъ.—Полиція.—Пожары.—Наводненіе 1777 года.

Устраивая городское управленіе законодательнымъ путемъ, Екатерина II въ то же время дѣятельно заботилась о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ своей столицы. Въ этомъ отношеніи въ ея царствованіе сдѣлано очень много.

Потребности народнаго образованія прежде всего привлекали вниманіе императрицы. Кромѣ заботъ о среднемъ и спеціальномъ образованіи, вы-

развившихся въ преобразованіи шляхетскаго кадетскаго корпуса, учрежденіи горнаго училища и гимназій, устройствѣ институтовъ для благородныхъ дѣвицъ, Екатерина II стремилась создать также средства для просвѣщенія низшихъ классовъ петербургскаго населенія. Для этой цѣли приказъ общественнаго призрѣнія долженъ былъ учредить хотя бы по одной начальной школѣ въ каждой части города; а чтобъ подѣйствовать личнымъ примѣромъ, Екатерина приказала открыть на собственныя ея средства первую такую школу въ адмиралтейской части. Можно считать, что училища для первоначальнаго образованія, подобныя нынѣшнимъ городскимъ школамъ, получили свое начало въ царствованіе Екатерины.

Призрѣніе больныхъ, бѣдныхъ и неспособныхъ къ труду также впервые было правильно устроено. Уже въ первые годы царствованія Екатерина предписывала „сдѣлать лучшее разсмотрѣніе объ учрежденіи для неизлечимыхъ и крайне престарѣлыхъ особливыхъ богадѣленъ“. Такихъ лицъ въ Петербургѣ оказалось до двухъ тысячъ, но около половины изъ нихъ еще были способны къ какой нибудь работѣ. Для совершенно безпомощныхъ выстроены были особые богадѣленные дома на Васильевскомъ островѣ, близь Смоленскаго кладбища. При тогдашней дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, содержаніе призрѣваемыхъ обходилось недорого: на продовольствіе лицъ изъ простого класса отпускалось по 2 коп. въ день, а лицъ оберъ-офицерскаго званія—по 4 коп., и при тогдашнихъ цѣнахъ отпуска этого было достаточно. На больныхъ, требовавшихъ леченія, полагалось по 20 р. въ годъ. Не многаго стоила и прислуга

Академія художествъ.

при богадѣльни: ей платилось отъ 12 до 15 руб. въ годъ. Судя по этимъ даннымъ, надо считать, что цѣны на все возрасли съ тѣхъ поръ не менѣе какъ въ 10—15 разъ.

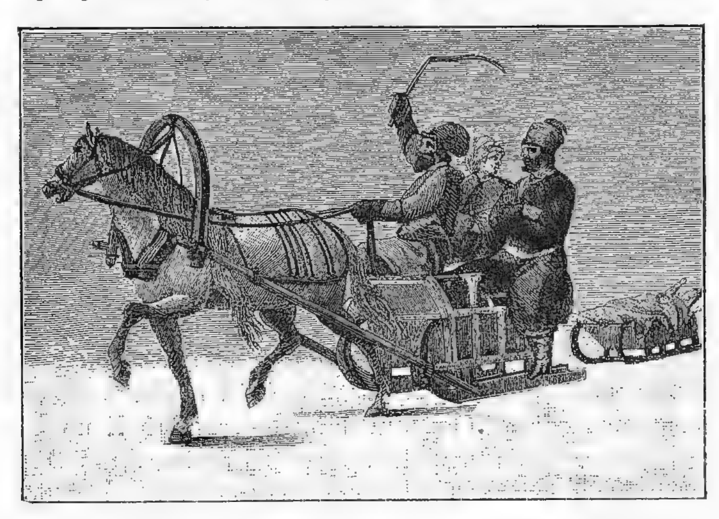
Кстати будетъ привести здѣсь и установленные при Екатеринѣ II размѣры вознагражденія за церковныя требы. За крещеніе полагалось давать 3 коп., за вѣнчанье 10 коп., за погребеніе взрослаго 10 коп., младенца 3 коп. За исповѣдь и причастіе возбранялось что нибудь брать.

Для хроническихъ больныхъ учреждена была Обуховская больница, первоначально на 60 кроватей, и при ней отдѣленіе для сумасшедшихъ и смирительный домъ для женщинъ. Такой же домъ для мужчинъ устроенъ былъ отдѣльно. Содержавшіеся въ немъ обязаны были исполнять различныя работы, въ домѣ и въ городѣ.

При Екатеринѣ впервые положенъ былъ отпускъ денегъ на содержаніе арестантовъ, по 2 коп. въ день. Раньше арестованные должны были кормиться на свой счетъ, или на пожертвованія.

Для надзора за медицинскою частью учреждена была медицинская коллегія, и безъ разрѣшенія ея никто не могъ заниматься врачебною практикой.

Право торговли спиртными напитками впервые при Екатеринѣ отдано было на откупъ. За Петербургъ и Москву товарищество откупщиковъ уплатило, на 4 лѣтній срокъ, громадную по тогдашнему времени сумму—2,320,000 рублей, обязавшись

Петербургскіе извощики въ XVIII вѣкѣ.

продавать водку по 3 рубля ведро. Изъ этого можно заключить, что непомѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ составляло тогда большое зло столичной жизни.

Въ ряду заботъ о наружномъ благоустройствѣ города, вопросъ объ освѣщеніи улицъ и площадей особенно привлекалъ вниманіе Екатерины. Недостатки освѣщенія происходили отъ малаго числа фонарей и отъ плохого состава фонарщиковъ.

Противъ этихъ недочетовъ постепенно принимались мѣры. Въ 1770 г. въ Петербургѣ горѣло уже 1257 уличныхъ фонарей, и ставилось еще 1000. На каждые 20 фонарей полагался одинъ фонарщикъ, получавшій 18 р. въ годъ жалованья (слѣдовательно больше чѣмъ богадѣленный служитель), при готовомъ довольствіи наравнѣ съ воинскими чинами.

Для поддержанія порядка въ городѣ необходима правильно устроенная полиція, и на эту отрасль городского управленія обращено было большое вниманіе. Раньше наружную полицейскую службу въ Петербургѣ несли драгунскія и другія войсковыя команды; но участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ потребовало отозванія этихъ командъ въ армію. Тогда стали набирать нижнихъ полицейскихъ чиновъ изъ дворовыхъ и крестьянъ, по найму отъ владѣльца, причемъ помѣщики старались сбывать людей нетрезвыхъ и вообще дурного поведенія. Отъ такихъ блюстителей порядка было не много толку. Поэтому при Екатеринѣ II полицейская служба въ Петербургѣ подверглась полному преобразованію. Мы уже говорили раньше объ учрежденіи должности оберъ-полиціймейстера, главнымъ образомъ для разбора взаимныхъ споровъ и притязаній между домовладѣльцами и жильцами. Въ 1782 г. ему данъ былъ помощникъ въ лицѣ полиціймейстера, который вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовалъ въ учрежденной тогда управѣ благочинія, вѣдавшей судебныя, торговыя и паспортныя дѣла городскихъ обывателей, и просуществовавшей до преобразованій императора Александра II. Для каждой изъ тогдашнихъ десяти частей города учреждена была должность пристава. Части раздѣ-

лены были на кварталы, примѣрно отъ 50 до 80 домовъ (нынѣшніе участки) и въ каждый кварталъ опредѣленъ квартальный надзиратель, а въ помощь ему квартальный поручикъ. Весьма любопытно, что квартальные надзиратели назначались управой благочинія, а квартальные поручики избирались самими гражданами города изъ своей среды, на три года.

Надобность въ улучшеніи и усиленіи полицейской службы была тѣмъ настоятельнѣе, что Петербургъ быстро разростался, населеніе увеличивалось, постройки возводились болѣе скученно. Требовалось постоянное наблюденіе и за скоплявшимся въ городѣ бѣднымъ рабочимъ населеніемъ, и за исполненіемъ правилъ городского благоустройства и благочинія. Давнишнее зло—пожары—продолжало угрожать Петербургу, не смотря на замѣтное уже преобладаніе каменныхъ построекъ. Чаще другихъ частей города страдалъ отъ огня Васильевскій островъ. Въ 1771 году большой пожаръ испепелилъ тамъ множество домовъ, между невской набережной и Большимъ проспектомъ, въ томъ числѣ домъ графа Миниха, гдѣ помѣщался морской корпусъ. Раньше, въ 1763 году, тамъ сгорѣлъ гостиный дворъ, и это бѣдствіе вызвало назначеніе поощрительной награды той изъ пожарныхъ командъ, которая раньше другихъ прибудетъ по тревогѣ.

Въ 1774 г. былъ большой пожаръ въ Адмиралтейской части. Выгорѣло болѣе 140 домовъ, въ томъ числѣ болѣе 100 каменныхъ. Въ 1780 г. горѣлъ гостиный дворъ на Невскомъ. Въ немъ только лицевая галлерея была каменная, все же остальное строеніе деревянное; оно выгорѣло до тла, и жер-

твою огня сдѣлалось еще много жилыхъ домовъ, расположенныхъ позади торговыхъ рядовъ. Пожаръ этотъ привелъ къ тому, что во избѣжаніе крайней скученности лавокъ, разрѣшено было открывать отдѣльные магазины во всѣхъ улицахъ города; прежде же торговля дозволялась только въ рядахъ.

Другое бѣдствіе, издавна знакомое жителямъ столицы—наводненія—также посѣщало Петербургъ въ царствованіе Екатерины II. Самое сильное и гибельное наводненіе произошло въ ночь на 10 сентября 1777 г. Двое сутокъ передъ тѣмъ на морѣ свирѣпствовала буря, гнавшая воду въ Невѣ вверхъ противъ теченія. Съ необычайною быстротою вода поднялась на 10$^{1}/_{2}$ футовъ выше обычнаго уровня и залила городъ, за исключеніемъ Литейной и Выборгской частей. Екатерина II въ этотъ день только что вернулась въ столицу изъ Царскаго Села. Вотъ какъ описывала она наводненіе во французскомъ письмѣ къ Гримму:

„Въ 10 часовъ пополудни поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождь шелъ небольшой, но съ этой минуты понеслось въ воздухѣ все что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала; порывъ вѣтра разбудилъ меня въ 5 часовъ. Я позвонила и мнѣ доложили, что вода у моего крыльца, и готова затопить его. Я сказала; „если такъ, отпустите часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубятъ себя“. Желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной,

которая еще не окончена, громоздились трех-мачтовые купеческіе корабли. Я сказала: „Боже мой! Биржа перемѣнила мѣсто, графу Миниху придется устроить таможню тамъ, гдѣ Эрмитажный театръ. Сколько разбитыхъ стеколъ! сколько опрокинутыхъ горшковъ съ цвѣтами! И словно подъ-стать цвѣточнымъ горшкамъ, на полу и на диванахъ валялись фарфоровыя вазы съ каминовъ. Нечего сказать, тутъ таки похозяйничали“.

Хотя высокая вода стояла не долго, но опустошенія, причиненныя наводненіемъ 10 сентября, были громадны. Въ затопленныхъ частяхъ города всѣ лавки съ товаромъ размыло, уцѣлѣли только каменныя въ Гостиномъ дворѣ. Въ Коломнѣ разнесено около ста домовъ со всѣми службами и заборами. На 11 верстѣ вокругъ Петербурга находили въ поляхъ трупы людей и животныхъ. Въ паркахъ были вырваны съ корнями даже мачтовыя деревья. Въ Лѣтнемъ саду буря поломала множество старыхъ липъ, посаженныхъ еще при Петрѣ Великомъ, и разрушила фонтаны, которые послѣ того уже не были возобновляемы.

Наводненіе 1777 г. подало поводъ установить сигналы для предупрежденія жителей столицы о грозящей опасности. Екатерина II утвердила правила, по которымъ, какъ только въ Коломнѣ и Галерной гавани Нева начинала разливаться по берегу, давались три выстрѣла изъ пушекъ, и на адмиралтейскомъ шпицѣ подымались красные флаги, а ночью фонари. При возростающей опасности слѣдовали пять пушечныхъ выстрѣловъ, и т. д. Эта система сигналовъ, съ измѣненіями, удержалась и до настоящаго времени.

Осенью 1771 г. Петербургу угрожала другая

опасность: въ Москвѣ свирѣпствовала моровая язва, и потребовались строгія мѣры предосторожности, чтобъ предупредить занесеніе ея въ новую столицу. Распоряженіемъ отъ 10 октября, приказано было во всѣхъ петербургскихъ слободахъ имѣть ворота и калитки въ домахъ днемъ и ночью запертыми, чтобы никто не могъ войти во дворъ безъ вѣдома хозяина. Внутри города всѣ дома, не имѣющіе при воротахъ дворника или караульнаго, приказано было запирать съ вечера и не отпирать до 7 часовъ утра. О всѣхъ случаяхъ скоропостижной или быстрой смерти домохозяева обязывались сообщать полиціи, никого къ тѣлу умершаго не допускать, и накуривать въ комнатѣ камфарою, уксусомъ, можевельникомъ, перьями или ельникомъ. Мѣры эти, въ связи съ другими, достигли цѣли,—московская чума не была занесена въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти мѣры любопытны какъ первый въ нашей столицѣ опытъ примѣненія строгаго санитарно-полицейскаго наблюденія за безопасностью города.

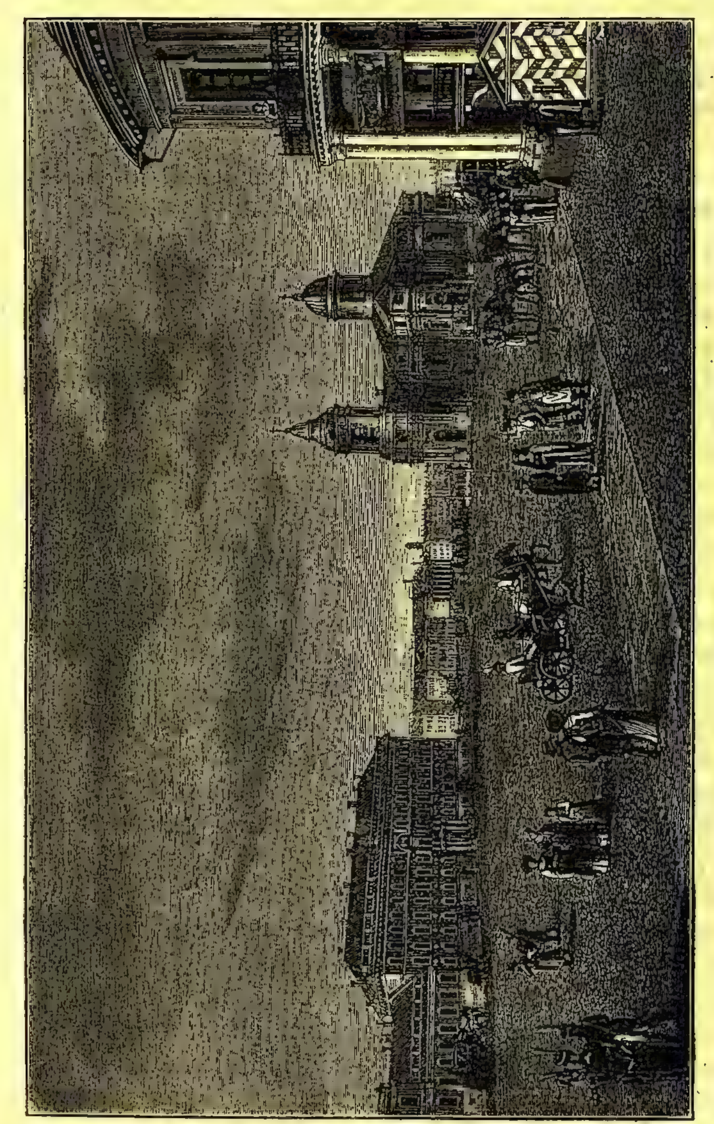
Скажемъ въ заключеніе, что при Екатеринѣ II впервые появляются выборные отъ петербургскаго купечества, наблюдающіе за правильностью мелочной и разносной торговли въ городѣ. Они обязаны были слѣдить за исправностью вѣсовъ и мѣръ, и вообще за тѣмъ, чтобы „товары продавали правдиво, не чиня никакого обмана и не мѣшая съ добрыми худыхъ“.

XIV.

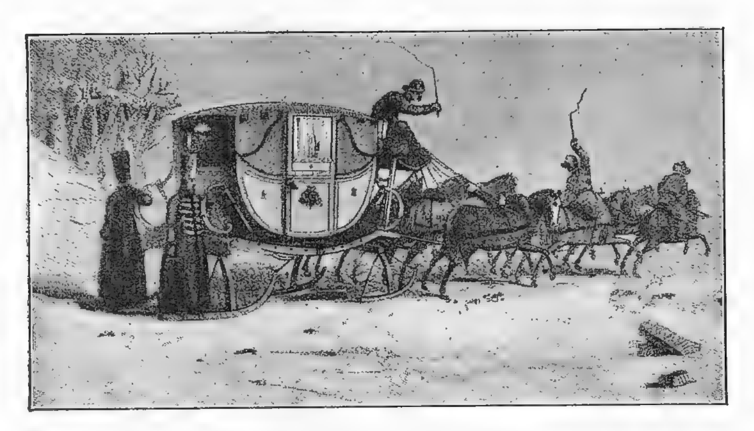
Державинъ и Фонвизинъ. — Торжества по случаю побѣдъ. — Самоучка-механикъ Кулибинъ. — Общественныя развлеченія и театры.

Блестящее царствованіе Екатерины II ознаменовалось не только успѣхами во внѣшней и внутренней политикѣ страны, но и небывалымъ оживленіемъ общественной жизни. Помимо своего государственнаго и торговаго значенія, Петербургъ все болѣе становился центромъ новаго просвѣщенія, и заботы Петра Великаго начали приносить плоды. Появилась русская литература, выдвинувшая нѣсколько крупныхъ дарованій.

Эта литература развивалась въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, блестящія дѣла Екатерины, побѣды Румянцева и Суворова, возросшее могущество русскаго государства, вдохновляли поэзію къ прославленію въ торжественномъ тонѣ героевъ царствованія. Представителемъ такой поэзіи былъ Державинъ, воспѣвавшій Екатерину и ея сподвижниковъ, и сообщившій русскому стиху, еще не чуждому церковно-славянскихъ формъ и оборотовъ, возвышенную силу, звучность и красоту. Съ другой стороны, стремленіе Екатерины преобразовать грубые нравы и искоренить въ обществѣ застарѣлые пороки, вызвало литературу сатирическаго направленія, осмѣивавшую слабыя и достойныя порицанія стороны тогдашней русской жизни. Въ этомъ направленіи наибольшею извѣстностью пользовались Фонвизинъ и Новиковъ. Первый написалъ нѣсколько комедій, изъ которыхъ самая замѣчательная, „Недоросль“, до сихъ поръ играется на сценахъ, и по языку очень близко

Исакіевская площадь въ концѣ XVIII вѣка.

Городская карета на полозьяхъ.

подходитъ къ нынѣшнему разговорному. Второй пользовался вліяніемъ, какъ издатель сатирическихъ журналовъ и авторъ большого числа сатирическихъ статей и очерковъ. Къ послѣднему направленію принадлежали и произведенія самой Екатерины II, главнымъ образомъ комедіи, осмѣивавшія пристрастіе высшаго общества ко всему французскому, и прикрытую наружнымъ лоскомъ грубость понятій и нравовъ.

Славнымъ дѣламъ царствованія соотвѣтствовалъ блескъ придворной и свѣтской жизни. Громкія побѣды русскаго оружія требовали громкаго отклика. Екатерина, любившая щедро вознаграждать своихъ сподвижниковъ, праздновала всенародно ихъ подвиги. Въ 1769 г., получивъ въ Царскомъ Селѣ донесеніе о взятіи Хотина, она немедленно прибыла въ столицу и явилась въ Казанскій соборъ, гдѣ уже ожидали ее великій князь наслѣдникъ и все высшее общество. Молебствіе

сопровождалось пальбой изъ пушекъ, затѣмъ слѣдовалъ парадный обѣдъ во дворцѣ и гулянье въ Екатерингофѣ, которое императрица посѣтила вмѣстѣ съ сыномъ и со всѣмъ Дворомъ. Въ слѣдующемъ году столица видѣла торжественное празднованіе чесменской морской побѣды. Оно началось въ Петропавловскомъ соборѣ, предъ гробницею Петра, которому воздана были посмертныя почести, какъ создателю русскаго флота. Здѣсь архимандритъ Платонъ произнесъ свое знаменитое слово, оставившее въ слушателяхъ неизгладимое впечатлѣніе. Четыре дня спустя, празднованіе продолжалось въ адмиралтействѣ, гдѣ состоялся въ присутствіи государыни и Двора парадный обѣдъ, сопровождавшійся пушечною пальбою и игрою трубъ и литавръ. Также торжественно было отпраздновано въ 1774 г. и заключеніе славнаго мира съ турками. Екатерина и Дворъ прибыли къ Казанскому собору въ 22 экипажахъ, по церемоніалу. Въ соборъ были приглашены всѣ иностранные послы, высшіе чины и все столичное духовенство. Послѣ литургіи и молебствія, отъ поѣзда императрицы отдѣлился отрядъ изъ 100 конногвардейцевъ, для объявленія жителямъ, въ пяти мѣстахъ, радостной вѣсти. Глашатаи имѣли черезъ плечо перевязь изъ бѣлаго атласа съ золотыми кружевами, а въ рукахъ снопы лавровыхъ вѣтвей.

Но всего блистательнѣе было отпраздновано въ 1791 г. взятіе турецкой крѣпости Измаила. На этотъ разъ торжество устроилъ князь Потемкинъ въ Таврическомъ дворцѣ. Какъ всѣ затѣи знаменитаго сподвижника Екатерины, балъ его отличался неслыханнымъ великолѣпіемъ. Убранство дворца съ садомъ напоминало сказку изъ „Тысячи

одной ночи". Для въѣзда императрицы воздвигнуты были передъ дворцомъ тріумфальныя ворота. Тутъ же, на площади, заготовлено было даровое угощеніе и подарки для народа. Для освѣщенія бальныхъ залъ употреблено было воску на 70 тысячъ рублей, а для убранства ихъ—такіе ковры, гобелены, люстры, мраморныя изваянія, которыя вмѣстѣ представляли совершенно волшебное зрѣлище. Ужинъ на 3 тысячи приглашенныхъ поражалъ роскошною сервировкою. Высшее петербургское общество приняло участіе въ праздникѣ: въ балетѣ, нарочно для этого случая поставленномъ балетмейстеромъ Лепикомъ, танцовали 24 пары молодежи изъ знатнѣйшихъ фамилій, блиставшія красотой и роскошью нарядовъ и драгоцѣнностей. Полагаютъ, что тутъ было брилліантовъ на нѣсколько милліоновъ. У самого Потемкина на шляпѣ было столько брилліантовъ, что онъ утомился носить ее въ рукѣ, и передалъ адъютанту. Послѣ роскошнаго ужина балъ продолжался до утра.

Этотъ Таврическій дворецъ, по обширности и по роскошному внутреннему убранству представлявшій одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Петербургѣ, по смерти Потемкина въ 1792 г. перешелъ въ казну. Екатерина II въ послѣдніе годы жизни любила проводить здѣсь весну и осень. Дворецъ раньше отличался такою сыростью, что въ залахъ изъ подъ колоннъ проступала вода; но императрица приказала обвести все зданіе выложенною камнемъ сточною трубою, и съ тѣхъ поръ сырость прекратилась.

При императорѣ Павлѣ I Таврическій дворецъ пришелъ въ запущеніе и обращенъ былъ въ манежъ конно-гвардейскаго полка. Въ саду поста-

влена была надъ прудомъ модель одно-арочнаго деревяннаго моста черезъ Неву, сдѣланная знаменитымъ механикомъ-самоучкою, нижегородскимъ мѣщаниномъ Кулибинымъ. Этотъ Кулибинъ, представленный Екатеринѣ II и поднесшій ей нѣкоторыя свои изобрѣтенія, обладалъ необычайными природными способностями къ механикѣ. Между прочимъ онъ придумалъ мостъ черезъ Неву объ одной аркѣ, дугообразный, съ такимъ подъемомъ, что подъ нимъ могли бы проходить мачтовыя суда. Мостъ долженъ былъ состоять изъ бревенъ различной мѣры и желѣзныхъ винтовъ и скрѣпленій. Онъ былъ бы связанъ стоячими и лежачими рѣшетками изъ брусьевъ, съ такимъ расчетомъ, что всѣ части подкрѣплялись бы взаимно, и вся тяжесть сооруженія имѣла бы только двѣ точки опоры, на противоположныхъ берегахъ. Академія наукъ, на разсмотрѣніе которой былъ переданъ проектъ Кулибина, нашла всѣ его вычисленія правильными, и удивительную затѣю его—вполнѣ осуществимою. Но затѣмъ объ изобрѣтеніи механика-самоучки позабыли, и мостъ его не былъ выстроенъ.

При Александрѣ I въ Таврическій дворецъ возвратили все, что было вынесено изъ него по приказанію Павла I, и самъ императоръ Александръ Павловичъ провелъ въ немъ часть осени 1803 г. Съ тѣхъ поръ дворецъ этотъ утратилъ значеніе резиденціи. Въ послѣдніе годы обширныя залы его служили для нѣкоторыхъ выставокъ: цвѣтоводства, кустарной промышленности и пр.

Изъ большихъ придворныхъ празднествъ екатерининскаго времени особенно замѣчательна была такъ называемая „карусель“, данная 16 іюня 1766 г. Для нея на Дворцовой площади построенъ былъ

обширный амфитеатръ, одну изъ ложъ котораго заняла сама государыня. Громадныя толпы народа усѣяли всю площадь, тѣснились въ окнахъ домовъ, на балконахъ и даже на крышахъ, желая взглянуть на невиданное зрѣлище. Карусель состояла изъ четырехъ „кадрилей", заблаговременно собравшихся въ назначенныхъ для нихъ мѣстахъ: славянская и римская подлѣ Лѣтняго дворца, на лугу, въ шатрахъ; индійская и турецкая въ Малой Морской улицѣ, тоже въ шатрахъ. Въ четыре часа дня поданъ былъ сигналъ: дамамъ садиться въ колесницы, кавалерамъ на лошадей. Затѣмъ шествіе тронулось двумя отдѣленіями по улицамъ города, запруженнымъ зрителями, и въ 5 часовъ всѣ четыре кадрили одновременно подошли къ амфитеатру предъ Зимнимъ дворцомъ. Здѣсь начались состязанія, или „курсы": сперва дамскія на колесницахъ, потомъ мужскія на лошадяхъ. Судьи записывали имена дамъ и кавалеровъ, имѣвшихъ успѣхъ или неудачу въ „ристаніяхъ" и метаніи дротиковъ. По окончаніи „курсовъ", кадрили обошли маршемъ вокругъ амфитеатра и направились къ Лѣтнему дворцу, гдѣ Екатерина, успѣвшая прибыть туда, смотрѣла на шествіе съ высокаго крыльца. Кавалеры и дамы введены были въ большую залу, гдѣ главный судья, престарѣлый фельдмаршалъ Минихъ, привѣтствовалъ ихъ рѣчью. Затѣмъ пажи вынесли дорогіе призы, которые тутъ же были розданы отличившимся.

Огромный успѣхъ этого небывалаго въ Петербургѣ зрѣлища далъ поводъ повторить его, съ нѣкоторыми отступленіями, 11 іюля того же года.

Но самымъ любимымъ и обычнымъ развлеченіемъ Екатерины II былъ театръ. Сначала пред-

ставленія въ ея присутствіи давались въ такъ называемомъ маломъ театрѣ въ Зимнемъ дворцѣ, потомъ въ Эрмитажномъ. Русскія и французскія пьесы разыгрывались обыкновенно дамами и мужчинами придворнаго общества; иногда участвовалъ въ спектаклѣ знаменитый актеръ Дмитревскій. Чаще всего ставились пьесы самой Екатерины. Давались также небольшіе балеты, въ которыхъ танцовали придворныя дамы и кавалеры. Въ дни, не занятые спектаклями, въ Эрмитажѣ устраивались разныя игры, маскарады, святочныя забавы, и въ особенности „игра въ мысли“ или въ „билетцы“, состоявшая въ томъ, что участвующіе писали на листкахъ бумаги вопросы и болѣе или менѣе остроумные отвѣты. Не смотря на роскошь обстановки, на этихъ собраніяхъ царствовала непринужденность. Екатерина запрещала гостямъ вставать передъ нею съ мѣста, и провинившійся долженъ былъ или уплатить червонецъ въ пользу бѣдныхъ, или выучить наизусть шесть стиховъ изъ „Телемахиды“ Тредьяковскаго.

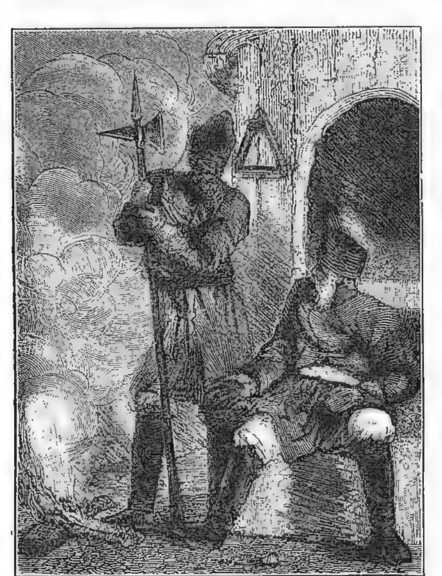
Привычки общественности, утонченныя формы общежитія, все болѣе развивались среди обывателей высшаго и средняго круга. Вельможи и богатые люди держали въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ открытый столъ и давали блестящіе праздники. Небогатый дворянинъ могъ не заботиться о собственномъ хозяйствѣ, легко находя каждый день гдѣ обѣдать и ужинать. За столомъ обыкновенно играла музыка, толпы парадно одѣтыхъ слугъ суетились около богатыхъ серебряныхъ и выписныхъ фарфоровыхъ приборовъ. Наибольшимъ гостепріимствомъ отличались дома Потемкина, братьевъ Орловыхъ, Разумовскаго, Строганова, Нарышкиныхъ.

Въ царствованіе Екатерины появились первые въ Россіи клубы. Старѣйшій изъ нихъ, англійскій, былъ основанъ въ 1770 г. банкиромъ Гарнеромъ, и сначала имѣлъ не болѣе 50 членовъ и помѣщался въ скромной квартирѣ; процвѣтаніе его относится уже ко временамъ Александра I. Почти въ одно время съ англійскимъ основанъ былъ Бюргеръ-клубъ нѣмцемъ Шустеромъ, и по имени учредителя чаще назывался Шустеръ-клубомъ. Въ отличіе отъ аристократическаго англійскаго клуба, этотъ клубъ собиралъ преимущественно купцовъ, ремесленниковъ, чиновниковъ и артистовъ. Въ 1784 г. основалось Коммерческое общество, для соединенія биржевого купечества. Спустя годъ открылся Танцъ-клубъ для небогатыхъ лицъ купеческаго и мѣщанскаго званія. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраивались и музыкальныя общества и кружки, въ 1772 г. Музыкальный клубъ изъ 300 членовъ: существовавшій 20 лѣтъ и разорившійся вслѣдствіе чрезвычайной роскоши устраиваемыхъ имъ баловъ и маскарадовъ; позднѣе Музыкальное общество, основанное Демидовымъ и другими богачами.

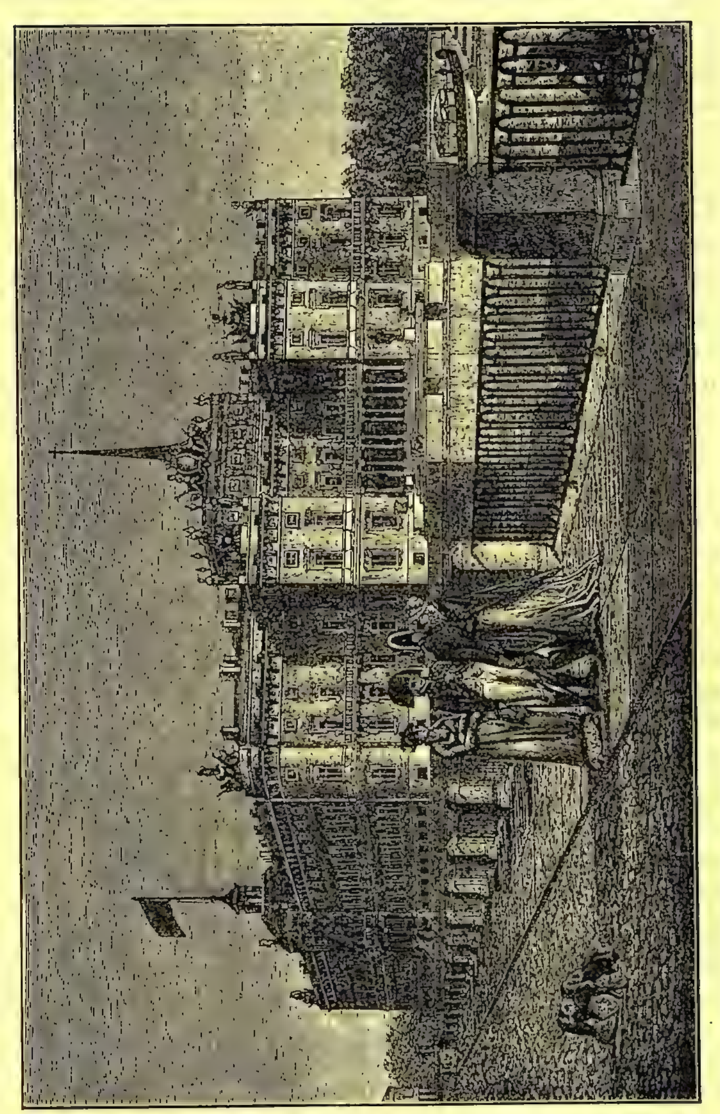
Клубы эти очень оживляли петербургскую жизнь, но въ нѣкоторыхъ иэъ нихъ вскорѣ сильно развилась карточная игра и появились искусники, навѣрняка обыгрывавшіе неопытныхъ. Екатерина II стремилась преслѣдовать азартную игру и неоднократно издавала противъ нея строгіе указы, но развлеченіе это было въ духѣ времени, увлекало людей вліятельныхъ, и потому строгости вскорѣ забывались.

Тѣмъ не менѣе, распространявшееся просвѣщеніе дѣлало свое дѣло, и петербургское общество все болѣе переходило отъ грубыхъ или пу-

стыхъ забавъ къ интересамъ художественнымъ и литературнымъ. По примѣру императрицы, вельможи и богачи украшали свои жилища произведеніями искусствъ, собирали картинныя галлереи, библіотеки, стремились дать дѣтямъ блестящее по тому времени образованіе. Академикъ Крафтъ читалъ публичныя лекціи опытной физики на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и эти лекціи охотно посѣщались петербургскимъ обществомъ, не только высшимъ, но и среднимъ, и въ числѣ прочихъ — дамами. Все показывало, что просвѣщеніе, насажденное въ Россіи Петромъ Великимъ для надобностей государства, уже проникло въ общество и разбудило въ немъ культурныя потребности.

Городскіе стражи въ XVIII вѣкѣ.

Михайловскій дворецъ (Инженерный замокъ) при Павлѣ I.

XV.

Императоръ Павелъ I.—Постройка Михайловскаго замка.—Памятникъ Петру I.—Упраздненіе городской думы и учрежденіе ратгауза.

Вступившій на престолъ въ 1796 г. императоръ Павелъ I, будучи противникомъ роскоши и барской изнѣженности, ввелъ въ гвардіи новые мундиры прусскаго образца, установилъ строгія требованія въ военной и гражданской службѣ, подчинилъ обывателей столицы многимъ обязательнымъ правиламъ и порядкамъ. Такъ напримѣръ, послѣ 8 часовъ вечера гасились огни во всѣхъ частныхъ домахъ; строго наблюдалось, чтобы никто не ѣздилъ по улицамъ четвернею или шестерикомъ цугомъ, если не имѣлъ на то права по своему званію. Преслѣдованіе излишней роскоши доходило до того, что законъ указывалъ, въ какомъ чинѣ сколько блюдъ можно было имѣть за своимъ столомъ; обѣдъ майора, напримѣръ, могъ состоять изъ трехъ блюдъ. Вообще прежняя привольная, нарядная и нѣсколько распущенная жизнь въ Петербургѣ сильно измѣнилась и приняла болѣе суровый будничный строй.

Въ непродолжительное царствованіе Павла I столица наша обогатилась лишь немногими новыми сооруженіями. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ—Михайловскій (нынѣ Инженерный) замокъ, названный такъ потому, что домовая церковь въ немъ освящена была во имя архангела Михаила.

Михайловскій замокъ заложенъ былъ въ февралѣ 1797 г. на мѣстѣ Лѣтняго дворца на Фонтанкѣ, въ такъ называемомъ третьемъ Лѣтнемъ саду. Въ торжествѣ закладки участвовалъ лично

Павелъ I, императрица Марія Θеодоровна и дѣти ихъ. Планъ дворца составленъ былъ архитектoромъ Бренна. Приказано было окончить постройку въ два года, и потому съ нею чрезвычайно спѣшили. Работали не только днемъ, но и ночью, при свѣтѣ факеловъ и фонарей; рабочихъ, ежедневно занятыхъ на постройкѣ, ставилось не менѣе двухъ съ половиною тысячъ, но иногда число ихъ доходило до шести тысячъ. Съ заготовленіемъ и доставкой матеріаловъ тоже очень спѣшили, и когда оказался недостатокъ въ мраморѣ, то его брали съ другихъ производившихся въ городѣ построекъ. Благодаря такимъ чрезвычайнымъ усиліямъ, Михайловскій замокъ былъ готовъ въ 1800 г.

Внѣшній видъ замка—четыреугольникъ, причемъ каждый изъ четырехъ фасадовъ отличается отъ остальныхъ. Съ трехъ сторонъ въ замокъ ведутъ ворота. Главный фасадъ сложенъ изъ краснаго и сѣраго камня, нижній этажъ изъ тесанаго гранита. Надъ воротами фронтонъ, съ барельефомъ изъ пудожскаго камня; главный карнизъ изъ разноцвѣтнаго мрамора. Первоначально наружный видъ замка изобиловалъ украшеніями: вездѣ стояли мраморныя статуи, вазы, фигуры; впослѣдствіи всѣ эти украшеніи перенесены были въ Зимній дворецъ. Точно также по кончинѣ Павла I уничтожено было все то, что придавало дворцу характеръ крѣпости: снесена была каменная стѣна, окружавшая зданіе, засыпаны рвы, сняты подъемные мосты и увезены пушки, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ на платформахъ.

Вся мѣстность, окружавшая замокъ, между Фонтанкой и Екатерининскимъ каналомъ, до Караванной и Итальянской улицъ, принадлежала къ

дворцу и обнесена была желѣзной рѣшеткой. Въ этомъ огромномъ пространствѣ заключались дворцовый садъ и обширный плацъ. Въ саду Павелъ I часто прогуливался верхомъ, и въ немъ зимой расчищали дорожки отъ снѣга; на плацу происходили частые смотры и парады.

Внутренняя отдѣлка Михайловскаго замка отвѣчала его величавой внѣшности. Въ главномъ фасадѣ, парадная лѣстница изъ гранита вела во второй этажъ между колоннами изъ сѣраго сибирскаго мрамора и бронзовыми перилами. Великолѣпныя двери краснаго дерева съ бронзой вводили въ парадные покои дворца. За проходной аванзалой, украшенной историческими картинами Шебуева и Угрюмова, слѣдовала тронная зала 12-ти саженъ въ длину, обтянутая зеленымъ бархатомъ съ ткаными золотомъ узорами. Тутъ возвышался тронъ, обитый краснымъ бархатомъ, тоже затканымъ золотомъ, съ гербами Россіи и принадлежащихъ ей царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и др. Далѣе находилась галлерея Лаокоона, обтянутая великолѣпными гобеленами и украшенная мраморными статуями. За галлереей слѣдовала гостиная съ бархатной мебелью огненнаго цвѣта, и громадная мраморная зала въ два свѣта, гдѣ дежурили кавалеры мальтійскаго ордена. Еще далѣе находилась вторая тронная зала, съ плафономъ, расписаннымъ Карломъ Скотти, и замѣчательными громадными люстрами изъ массивнаго серебра. Дверь изъ этой залы вела во внутренніе покои императрицы, убраные тоже съ большою роскошью. Особенно замѣчательна здѣсь была рафаэлевская галлерея, одна изъ стѣнъ которой была покрыта коврами, представлявшими копіи съ картинъ Ра-

фаэля. Павелъ I вообще любилъ и цѣнилъ искусство, и въ его спальной, гдѣ стояла за простыми ширмами походная кровать, стѣны были увѣшаны картинами знаменитѣйшихъ европейскихъ художниковъ.

Въ своей частной жизни Павелъ I соблюдалъ большую простоту. Онъ вставалъ въ 5 часовъ утра, умывался и обтиралъ лицо льдомъ. Съ 6 часовъ начинались доклады министровъ и должностныхъ лицъ. Въ полдень императоръ обѣдалъ, всегда вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и съ очень немногими посторонними. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ немного, и затѣмъ отправлялся на прогулку по городу. Раннимъ вечеромъ бывало небольшое собраніе во дворцѣ, причемъ императрица сама разливала чай. Въ 8 часовъ Павелъ обыкновенно уже ложился спать.

При Павлѣ I русскимъ войскамъ дана была новая форма по прусскому образцу, замѣнившая полукафтанья петровскаго и екатерининскаго времени. Мундиръ состоялъ изъ длиннаго и широкаго фрака съ большимъ воротникомъ и почти сходящимися напереди фалдами. Шляпа полагалась треугольная, очень низкая и сплюснутая. Ботфорты замѣнили прежніе башмаки, а перчатки носились съ огромнымн раструбами. Офицеры имѣли въ рукѣ палку съ костянымъ набалдашникомъ. Необходимую принадлежность военнаго наряда составляли букли надъ ушами и коса, перевитая проволокой и лентой и обсыпанная пудрой, а у солдатъ мукой. Пѣхотные мундиры были всѣ одинаковаго цвѣта, но отвороты и обшлага полагались въ каждомъ полку другіе: синіе, розовые, желтые, абрикосовые, кирпичные и пр.

Одновременно съ постройкой Михайловскаго замка, Петербургъ украсился новымъ памятникомъ Петру Великому, поставленному на площади передъ главнымъ фасадомъ замка. Мысль увѣковѣчить фигуру Петра въ бронзѣ принадлежала еще императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; она предполагала поставить конную статую его на Васильевскомъ островѣ, передъ зданіемъ коллегій (нынѣ университетъ). Но только въ царствованіе Елизаветы Петровны памятникъ былъ отлитъ по проекту знаменитаго Растрелли. По тогдашнему обычаю изображать героевъ въ древнемъ одѣяніи, Петръ представленъ въ римской тогѣ (плащѣ) съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Въ рукѣ у него фельдмаршальскій жезлъ. Пьедесталъ четыреугольный, мраморный, съ отлитыми на чугунныхъ доскахъ сценами полтавской битвы. По неизвѣстной причинѣ, памятникъ не былъ поставленъ тогда же, и во все царствованіе Екатерины II пролежалъ на невской набережной, подлѣ Исакіевскаго моста. Павелъ I приказалъ сдѣлать на немъ надпись: „Прадѣду— правнукъ", и поставить передъ новымъ дворцомъ.

Петербургское городское управленіе испытало въ царствованіе Павла I существенныя перемѣны. Неприготовленность городскихъ сословій къ общественной дѣятельности сказывалась въ неудовлетворительномъ ходѣ думскихъ дѣлъ. Послѣ 12-тилѣтняго существованія думы, пришли къ заключенію, что главная причина неуспѣховъ лежитъ въ слишкомъ большомъ количествѣ гласныхъ. Въ 1797 г. составъ общей думы былъ сокращенъ съ 94 гласныхъ на 70. Но въ слѣдующемъ 1798 г. жалованная грамота Екатерины II была отмѣнена, дума совсѣмъ упразднена, и появился „Уставъ

столичнаго города Петербурга“, совершенно измѣнившій порядокъ городского управленія. По этому уставу, думу замѣнилъ „ратгаузъ“. Составъ ратгауза былъ смѣшанный, правительственный и выборный. Во главѣ стоялъ президентъ, назначаемый императоромъ. Помощникъ его, или директоръ экономіи, назначался учрежденной въ 1797 г. „коммисіей о снабженіи резиденціи припасами“. Затѣмъ слѣдовали 6 бургермейстеровъ и 10 ратсгеровъ, которые частью избирались городскимъ обществомъ изъ достойнѣйшихъ гражданъ, частью назначались тою же коммисіей; всѣ они утверждались императоромъ. Составленный такимъ образомъ ратгаузъ распадался на три департамента: юстицкихъ гражданскихъ дѣлъ, юстицкихъ криминальныхъ дѣлъ, и камеральный, или хозяйственный. Слѣдовательно, вмѣсто административно-хозяйственнаго учрежденія, какимъ была дума, возникло снова учрежденіе смѣшанное, съ кругомъ судебныхъ дѣлъ, на подобіе старыхъ петровскихъ магистратовъ.

Въ сентябрѣ 1798 г. петербургскій городской голова созвалъ общую думу для выборовъ бургмейстеровъ и ратсгеровъ. Объ избранныхъ кандидатахъ было представлено военному генералъ-губернатору на утвержденіе. Черезъ три недѣли, 21 октября 1798 г. ратгаузъ былъ открытъ. Онъ просуществовалъ всего только три года, такъ какъ императоръ Александръ I вскорѣ по вступленіи на престолъ возстановилъ жалованную грамоту Екатерины II и городскую думу.

Упомянемъ здѣсь кстати, что пятигранная каланча, сохраняющаяся до сихъ поръ при думскомъ зданіи на Невскомъ проспектѣ, выстроена въ царствованіе Павла I.

Въ маѣ 1800 г. въ Петербургѣ предано землѣ тѣло величайшаго изъ русскихъ полководцевъ, фельдмаршала Суворова. Своими неслыханными побѣдами, которыми армія всецѣло была обязана его

Памятникъ Петру Великому.

военному генію, онъ украсилъ блестящее царствованіе Екатерины; но и въ послѣдніе годы жизни, вызванный Павломъ I изъ деревенскаго уединенія по случаю войны съ французами въ Италіи, онъ прославилъ себя, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ

Биржа, заложенная въ 1784 г, отстроенная въ 1816 г.

1799 г. цѣлымъ рядомъ боевыхъ подвиговъ, и между прочимъ переходомъ черезъ высокія Альпійскія горы. Возвратясь въ Петербургъ уже больнымъ, измученнымъ трудностями походной жизни, онъ умеръ 6 мая, и похороненъ въ Александроневской лаврѣ. Населеніе столицы съ глубокою скорбью провожало героя въ могилу. Императоръ Павелъ приказалъ воздвигнуть ему памятникъ, который и теперь красуется на Суворовской площади, передъ Троицкимъ мостомъ (первоначально онъ былъ поставленъ на Царицыномъ лугу). Фельдмаршалъ изображенъ на немъ, по модели художника Козловскаго, въ видѣ бога войны Марса, на кругломъ гранитномъ пьедесталѣ. Въ правой рукѣ у него поднятый мечъ, въ лѣвой щитъ, заслоняющій папскую тіару и короны неаполитанскую и сардинскую. На пьедесталѣ надпись: „Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій. 1801“. Вокругъ ограда изъ чугунныхъ пушекъ и гранатъ, соединенныхъ цѣпью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Петербургъ въ XIX вѣкѣ.

I.

Развитіе Петербурга въ XIX столѣтіи.—Сооруженія времени Александра I.—Казанскій соборъ.—Публичная библіотека.—Городское населеніе и бюджетъ.

Какъ мы видѣли, почти все пространство, занимаемое въ настоящее время Петербургомъ, къ исходу XVIII вѣка вошло уже въ черту города и

было такъ или иначе застроено. Планъ города выработался окончательно, и наружный характеръ его опредѣлился. Возведены были многія важнѣйшія зданія и другія сооруженія, сохранившіяся съ незначительными измѣненіями до настоящаго времени. Но тѣмъ не менѣе столица наша, въ общихъ чертахъ, имѣла видъ города бѣднаго и плохо застроеннаго. Правительственныя сооруженія, дворцы, храмы какъ бы только указывали на будущее развитіе города въ архитектурномъ отношеніи. Частныхъ построекъ, соотвѣтственныхъ этому уровню, было мало. Обывательскіе дома даже на главныхъ улицахъ строились по преимуществу двухъ-этажные,самой незатѣйливой наружности, съ плоскими или безвкусно украшенными фасадами, съ маленькими окнами, нерѣдко съ деревянными надстройками. Въ болѣе отдаленныхъ частяхъ города деревянное строеніе рѣшительно преобладало. Несмотря на старaніе сократить пустыри и заборы, тѣхъ и другихъ существовало еще очень много. Черезъ Неву имѣлся только одинъ мостъ, отъ прежней Исакіевской церкви къ Васильевскому острову, да и тотъ былъ деревянный. Мощеніе улицъ крупнымъ булыжникомъ оставляло желать многаго. Освѣщеніе было скудное, составъ полиціи недостаточный и неудовлетворительный. Весь годовой городской бюджетъ не достигалъ милліона, хотя въ него входили и таможенные сборы. Собственно городскіе доходы Петербурга составляли въ 1797 г. всего только 36 тысячъ рублей.

Новому XIX вѣку предстояло перестроить столицу, сохраняя въ существенныхъ чертахъ планъ и предѣлы, унаслѣдованные отъ предъидущаго вѣка. Эта перестройка осуществлялась мало по малу, по

мѣрѣ развитія государственныхъ средствъ и обогащенія города. На мѣстахъ, занятыхъ пустырями или обветшалыми строеніями, возводились новыя зданія, казенныя и частныя; къ хорошо построеннымъ одно-этажнымъ и двухъ-этажнымъ домамъ надстраивались новые этажи. Прокладывались новыя улицы, обстраивались площади; деревянное строеніе медленно, но непрерывно вытѣснялось изъ отдаленныхъ кварталовъ.

Въ первой половинѣ вѣка преобладали правительственныя строительныя предпріятія; во второй половинѣ, и въ особенности къ концу вѣка, сильно подвинулось строительство частное.

Царствованіе Александра I, хотя и ознаменованное съ самаго начала важными государственными реформами, не имѣло для архитектурнаго развитія Петербурга такого значенія, какъ послѣдующія. Это объясняется двумя причинами. Продолжительныя войны, въ которыя Россія была втянута властолюбіемъ Наполена I, истощали государственную казну и требовали ограниченія строительныхъ расходовъ. Съ другой стороны, первая четверть XIX вѣка отличалась повсемѣстнымъ оскудѣніемъ архитектурныхъ талантовъ. Господствовалъ упрощенный, некрасивый, лишенный фантазіи стиль, съ однообразными колоннами, тяжелыми и бѣдными карнизами, остроугольными украшеніями надъ окнами, безвкусными полуэтажами (антресолями) между первымъ и вторымъ этажами. Печать этого бѣднаго стиля по необходимости ложилась на всѣ постройки, отнимая у нихъ красоту и величавость.

Императоръ Александръ I, вступивъ на престолъ 11 марта 1801 г., возвѣстилъ о намѣреніи

своемъ управлять страною „по законамъ и по сердцу“ Екатерины II. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его царствованія было возстановленіе жалованной грамоты городамъ 1785 г. и петербургской городской думы. Въ манифестѣ отъ 2 апрѣля 1801 г. говорится: „Сохраняя святость установленій вселюбезнѣйшей Бабки Нашей и бывъ удостовѣрены въ той истинѣ, что безъ правъ и преимуществъ непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ, не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія, Мы признали за благо въ пользу и одобреніе ихъ утвердить и возстановить Городовое Положеніе, отмѣняя и отлагая все, что противно оному, или несообразно силѣ его допущено или установлено было“.

Возстановленіе думы не могло однако произойти немедленно, такъ какъ предполагалось пересмотрѣть всѣ тѣ измѣненія, какія произведены были въ городовомъ положеніи при Павлѣ I. Дума открылась только въ февралѣ 1802 г. Въ сохранившемся журналѣ думы сказано: „Городской голова Меньшиковъ, пріуготовясь на основаніи указа того же 1802 г. къ открытію городской думы и извѣстя предъ симъ избранныхъ обществомъ членовъ, градскую думу составить имѣющихъ, собралъ ихъ въ домѣ бывшаго ратгауза“, куда прибыли митрополитъ, главнокомандующій, гражданскій губернаторъ, высшіе чины и дворянство. Послѣ молебствія послѣдовало открытіе городскихъ учрежденій.

Наибольшимъ оживленіемъ петербугской жизни отличались первые годы царствованія Александра I, посвященные преимущественно преобразованіямъ внутренняго управленія. Молодой императоръ, одушевленный наилучшими желаніями и на-

мѣреніями, благосклонно-привѣтливый, окруженный молодыми же сподвижниками, въ большинствѣ получившими образованіе въ европейскихъ столицахъ—былъ душою и кумиромъ оживившагося столичнаго общества. Широкія преобразованія, проводимыя съ большою быстротою, вносили въ городскую жизнь много воодушевленія. Въ литературѣ, гдѣ рядомъ со старикомъ Державинымъ выступили молодые таланты: Карамзинъ, Вяземскій, Батюшковъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, позднѣе Пушкинъ, и появились новые журналы и сборники, также замѣчалось большое оживленіе. Этому способствовали и облегченныя сношенія съ заграницею и съ европейскою литературой.

Десятилѣтіе съ 1805 по 1815 г. ознаменовалось почти непрерывными войнами, въ которыя вовлечена была Россія властолюбивой политикой Наполеона I. Въ слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе, хотя миръ не нарушался, но внѣшняя политика поглощала почти все вниманіе императора Александра и требовала частаго отсутствія его изъ Петербурга. Но несмотря на эти неблагопріятныя для столичной жизни обстоятельства, Петербургъ продолжалъ развиваться и обстраиваться. Учрежденіе министерствъ возвысило его значеніе, какъ административнаго центра имперіи. Такому же возвышенію содѣйствовало учрежденіе государственнаго совѣта. Обновленіе академіи наукъ, преобразованіе учительской семинаріи въ педагогическій институтъ, открытіе университета (помѣщавшагося первоначально въ Звенигородской улицѣ) и нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеній, разрѣшеніе частныхъ типографій—все это сообщило Петербургу характеръ культурнаго центра, руково-

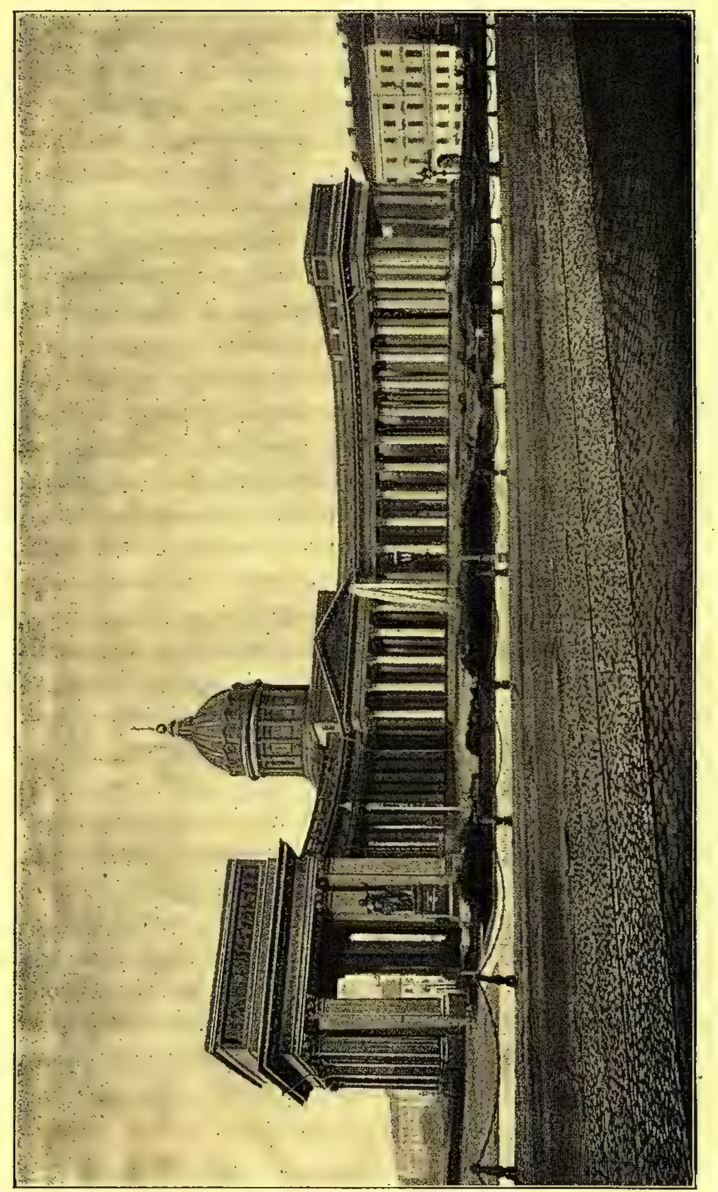
дящаго умственною жизнью страны. Но окончательно такимъ центромъ наша столица сдѣлалась уже при преемникахъ Александра I.

Изъ замѣчательныхъ сооруженій, какими обогатился Петербургъ въ царствованіе Александра I, важнѣе всѣхъ Казанскій соборъ на Невскомъ проспектѣ. Раньше, при Петрѣ Великомъ, здѣсь стояла небольшая часовня съ иконой Казанской Божьей Матери, привезенной въ 1710 г. по приказанію царя изъ Москвы. Чудотворная икона эта найдена была въ 1579 г. въ Казани, прибыла въ Москву въ 1612 г. вмѣстѣ съ казанскимъ ополченіемъ, и находилась въ станѣ кн. Пожарскаго. Ей приписывается освобожденіе Москвы отъ поляковъ, въ память чего установлено празднованіе 22 октября. Въ 1737 году на мѣстѣ часовни выстроена была церковь Рождества Богородицы, которую обыкновенно называли, по имени перенесенной въ нее иконы, Казанскимъ соборомъ. Императоръ Павелъ I пожелалъ построить здѣсь величественный храмъ, планъ котораго составилъ даровитый архитекторъ Воронихинъ. Къ постройкѣ приступили уже при Александрѣ I, въ 1801 г. и окончили ее въ 1811 г. Громадное зданіе собора, крестообразной формы, имѣетъ три портика, съ колоннами изъ пудожскаго камня. Къ портику, обращенному на Невскій проспектъ, примыкаетъ колоннада, расходящаяся полукругомъ по обѣ стороны собора; эта колоннада является подражаніемъ знаменитому собору св. Петра въ Римѣ. Портикъ посреди этой колоннады украшенъ колоссальными бронзовыми фигурами Іоанна Крестителя, ап. Андрея и свв. князей Владиміра и Александра Невскаго. Надъ храмомъ возвышается круглая башня

Императоръ Александръ I.

съ 16 окнами, накрытая овальнымъ куполомъ съ вызолоченнымъ крестомъ. Вышина всего зданія съ крестомъ—33 сажени. Внутри храмъ раздѣленъ рядами колоннъ изъ финляндскаго гранита съ бронзовыми вѣнчиками. Главный иконостасъ, сооруженный уже при Николаѣ I, весь изъ литого серебра тонкой чеканной работы; на него пошло около 100 пуд. серебра, часть котораго пожертвована Донскими казаками, отбившими при отступленіи французовъ въ 1812 г. серебряную утварь, награбленную въ московскихъ церквахъ. Иконо-

Казанскій соборъ.

стасъ этотъ исполнялся по рисункамъ архитектора Тона. Онъ украшенъ 4 колоннами изъ сибирской яшмы; надъ царскими вратами сіяніе, выложенное драгоцѣнными камнями. Надъ живописью собора трудились лучшіе тогдашніе русскіе художники: Егоровъ, Шебуевъ, Боровиковскій. Главная святыня собора, нерукотворная икона Казанской Божьей матери, имѣетъ ризу чистаго золота, украшенную драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ; цѣнность ризы опредѣляется свыше 35 тыс. руб.

Въ Казанскомъ соборѣ находится гробница фельдмаршала Кутузова, главнаго героя войны 1812 г. Тутъ же поставлены знамена, отбитыя у французовъ, и жезлъ наполеоновскаго маршала Даву. Вообще весь соборъ какъ бы посвященъ воспоминаніямъ о великой отечественной войнѣ.

Исакіевскій соборъ, какъ мы уже говорили, былъ достроенъ при Павлѣ I изъ кирпича. Императоръ Александръ I желалъ возстановить этотъ храмъ изъ мрамора, какимъ онъ предполагался вначалѣ, но работы въ его царствованіе подвигались медленно. Перестройка собора завершена уже при Николаѣ I.

Императорская публичная библіотека—обширное зданіе, украшенное по главному фасаду колоннами и статуями греческихъ мудрецовъ. Оно начато еще въ послѣдніе годы жизни Екатерины II, но докончено въ 1812 г. Въ немъ помѣщается до милліона томовъ книгъ и рукописей, между которыми многія относятся къ замѣчательнѣйшимъ рѣдкостямъ. Здѣсь, между прочимъ, находится лучшій портретъ Екатерины II, работы Левицкаго, мраморная статуя Вольтера, работы Гудона, Евангеліе XII вѣка и пр.

Зданіе биржи на Васильевскомъ островѣ также начато при Екатеринѣ II, по плану Гваренги, но окончено въ 1816 г. архитекторомъ Тономъ. Оно состоитъ изъ громадной залы, украшенной колоссальнымъ бюстомъ Александра I. Передъ зданіемъ воздвигнуты двѣ колонны со статуями у подножія и съ изображеніями корабельныхъ частей. Позднѣе противъ биржи разбитъ изящный скверъ.

Изъ другихъ сооруженій времени Александра I замѣчательны: Главный штабъ на Дворцовой площади, съ аркою, украшенною бронзовою колесницею съ шестью конями; Государственный банкъ на Большой Садовой улицѣ; Большой театръ, перестроенный нынѣ для Консерваторіи. Первоначально Большой театръ выстроенъ былъ еще при Екатеринѣ II, но въ 1817 г. возобновленъ послѣ пожара. Въ 1836 г онъ былъ снова перестроенъ, повышенъ, и вся внутренняя отдѣлка его возобновлена. Въ такомъ видѣ онъ около полувѣка собиралъ въ своихъ стѣнахъ Дворъ и лучшее петербургское общество, съѣзжавшееся на оперныя и балетныя представленія и въ маскарады.

Ростъ Петербурга въ царствованіе Александра I лучше всего опредѣлится изъ слѣдующихъ данныхъ. Населеніе города къ концу царствованія достигло 425 тысячъ, слѣдовательно почти удвоилось. Домовъ къ тому времени насчитывалось до 8 тысячъ, стоимостью свыше 80 милліоновъ руб. Бюджетъ города, не достигавшій въ началѣ царствованія I милліона, къ концу царствованія превысилъ 3 милліона.

II.

Первое столѣтіе Петербурга въ 1803 г.—Наводненіе 7 ноября 1824.

Въ 1803 г. исполнилось первое столѣтіе существованія Петербурга, и было торжественно отпраздновано въ годовщину его основанія, 16 мая. Какъ и подобало, торжество сосредоточилось около личности великаго создателя столицы. Вокругъ его конной статуи на Сенатской площади собрано было 20 тысячъ войска; церемоніальнымъ маршемъ прошла гвардія передъ памятникомъ, преклоняя предъ нимъ знамена. Императоръ Александръ лично командовалъ парадомъ. Отсюда церемоніальное шествіе направилось въ Петропавловскій соборъ, гдѣ на гробницу Петра возложена была большая медаль, поднесенная по случаю юбилея городскими сословіями. На медали имѣлось изображеніе Петра въ профиль, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ надписью кругомъ: „отъ благодарнаго потомства".

Не забытъ былъ при этомъ и историческій ботикъ Петра Великаго, извѣстный подъ именемъ „Дѣдушки русскаго флота". Его подняли на бортъ 110-ти-пушечнаго корабля „Архангелъ Гавріилъ", поставленнаго на Невѣ противъ памятника. У ботика стояли на часахъ четверо современниковъ Петра, столѣтніе старцы. Одинъ изъ нихъ, бывшій при Петрѣ морскимъ офицеромъ, хорошо помнилъ великаго царя. Другой носилъ въ свое время за Петромъ межевые шесты, когда тотъ измѣрялъ болотистую мѣстность подъ Петергофомъ. Онъ благоговѣйно хранилъ серебряный рубль, пожалованный ему царемъ.

Памятникъ Петру, домикъ его на Петербургской сторонѣ и дворецъ въ Лѣтнемъ саду были разукрашены флагами, и вечеромъ освѣтились огнями. Иллюминованъ былъ и весь столѣтній городъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I Петербургъ посѣтило памятное бѣдствіе: 7 ноября 1824 г. произошло сильнѣйшее изъ всѣхъ наводненій, затоплявшихъ столицу въ теченіе двухъ столѣтій. Въ 1777 году, какъ мы уже знаемъ, вода въ Невѣ поднималась на 10½ футъ выше обычнаго уровня; въ 1824 г. подъемъ воды достигалъ 12 ф., и потому затоплено было еще болѣе обширное пространство.

Бурная, ненастная погода еще наканунѣ предвѣщала готовившееся бѣдствіе. Шелъ дождь, дулъ съ моря холодный юго-западный вѣтеръ. Барометръ разомъ упалъ на цѣлый дюймъ. Одинъ современникъ очевидецъ разсказываетъ:

„Въ 7 часовъ вечера (6 ноября) я уже видѣлъ на адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря; сильные порывы юго-западнаго вѣтра потрясали кровли и окна, стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появлялись на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами; но около 10 ч. утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко поднималась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала

ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастья, низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Гавани, Канонирскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго Чугуннаго завода близъ Екатерингофа, терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ это время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ гибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противъ теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ построекъ не могли противостоять огромной массѣ воды и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе дома, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ и т. д. Многіе погибли, какъ и домашній скотъ и пожитки. Вода безпрестанно прибывала, и наконецъ ринулась на весь городъ. Въ одно мгновеніе вода полилась черезъ края набережныхъ рѣки и всѣхъ каналовъ, черезъ подземныя трубы она хлынула въ видѣ фонтановъ.

„Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей: погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою; каждый спасалъ что могъ и выносился наверхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые о вещахъ и товарахъ, погибли въ погребахъ; толпы народа, бывшаго на улицахъ, броси-

лись въ дома, другіе спѣшили въ свои жилища, но прибывшая вода принудила ихъ искать спасенья, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу пополудни весь городъ, за исключеніемъ Литейной, Каретной и Рождественской частей, былъ залитъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ и у Каменнзго моста) болѣе нежели на полторы сажени.

„Разъяренныя волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка, подобно всѣмъ каналамъ, скрылась отъ взоровъ и соединилась съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова, мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ, на двѣнадцати весельномъ катерѣ, военный генералъ-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько небольшихъ лодокъ проѣхало по Морской, и еще большой катеръ съ нѣсколькими людьми разнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, прачалилъ къ дому Косиковскаго. Близь Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, занятыхъ деревянными строеніями, вода смыла послѣднія до основанія, и улицы загромоздила лѣсомъ. дровами и даже хижинами; кое-гдѣ лежали изломанныя барки; одно парусное судно большой ве-

личины, съ завода Берда, очутилось въ Коломнѣ, возлѣ сада католическаго митрополита. На Невѣ всѣ мосты были сорваны, за исключеніемъ Самсоніевскаго и соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою стороною. Каменные и чугунные мосты всѣ уцѣлѣли, но гранитная набережная Невы сильно пострадала, многіе камни были сдвинуты съ мѣста или опрокинуты. Въ третьемъ часу пополудни вода начала сбывать, въ 7 часовъ начали уже ѣздить въ экипажахъ по улицамъ".

Сѣнная площадь въ началѣ XIX столѣтія.

Картина разрушенія была такъ необычайна и ужасна, что поразила воображеніе современниковъ. Нѣкоторые сходили съ ума отъ горя и ужаса. Въ запискахъ очевидцевъ сохранились подробнѣйшія черты событія, надолго оставшагося въ памяти петербургскихъ жителей. „Зимній дворецъ, говоритъ одинъ современникъ, какъ скала стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ на-

Наводненіе 7 ноября 1824 г.

тискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны и орошавшихъ ихъ брызгами почти до верхняго этажа. Мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелые плашкоута сѣли на гранитный парапетъ противъ Лѣтняго сада. На площади противъ дворца—другая картина: подъ небомъ почти чернымъ, темная вода вертѣлась какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крыши новаго строенія Главнаго штаба; буря играла ими какъ пухомъ; два длинные деревянные тротуара, поперекъ между заборовъ недоконченнаго зданія, сдѣлали плотину, на которую волны упирали съ ревомъ, и достигнувъ высоты ея, полились въ Малую Милліонную *); въ Большую Милліонную, черезъ узкій переулокъ, выходящій на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лѣзли въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, прятались на вершинахъ деревъ, посаженныхъ вокругъ бульвара, садились на имперіалы каретъ".

Громадныя опустошенія произведены были на товарной биржѣ на Васильевскомъ островѣ. Тамъ вода смыла до 300 тысячъ пудовъ сахару, столько же пудовъ соли, унесла вина въ бочкахъ и ящикахъ на пол-милліона рублей, муки и другихъ товаровъ на многіе милліоны. Послѣ наводненія толпы народа долго хозяйничали на биржѣ, собирая ведрами образовавшуюся отъ размокшаго сахара патоку.

---

*) Малой Милліонной называлась часть Большой Морской, отъ арки Главнаго штаба до Невскаго проспекта.

Грозная картина наводненія изображена Пушкинымъ въ его поэмѣ „Мѣдный Всадникъ“:

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ.
Ужасный день! Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь.
По утру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова.
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воды погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища—
Плывутъ по улицамъ. Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?

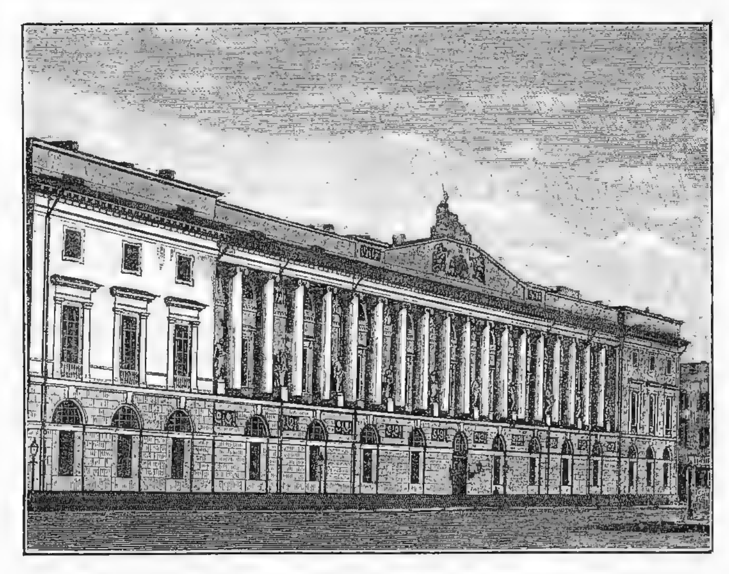
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть“. Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ уиицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы—
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Правительство спѣшило на помощь народному бѣдствію. Въ каждой части города учреждены были особые комитеты для раздачи пособій. По улицамъ развозили хлѣбъ и одежду; устроены были временные пріюты для оставшихся безъ пристанища. Александръ I пожаловалъ милліонъ рублей для бѣдныхъ; щедрою рукою сыпались и пожертвованія частныхъ лицъ; всего было собрано болѣе четырехъ милліоновъ рублей. Государь лично посѣщалъ мѣста, наиболѣе пострадавшія отъ наводненія, утѣшалъ и одарялъ несчастныхъ „Какими потоками слезъ — пишетъ одинъ очевидецъ — орошалъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, пережившихъ наводненіе, какъ онъ утѣшалъ ихъ, самъ неутѣшный“.

III.

Печальное состоянiе петербургской городской думы въ первой половинѣ XIX вѣка.—Городовое положенiе 1846 г.

Хотя петербургская городская дума была возстановлена въ 1802 г., но на ея хозяйственную распорядительность мало расчитывали; и потому въ томъ же году былъ учрежденъ „комитетъ для уравненiя городскихъ повинностей“. На этотъ ко-

Императорская Публичная Библiотека.

митетъ вскорѣ была возложена также забота о приведенiи въ извѣстность всѣхъ городскихъ расходовъ, объ освѣщенiи улицъ, содержанiи мостовыхъ и пр. Нѣсколько лѣтъ позднѣе образовался „комитетъ городскихъ строенiй“, а въ 1820 г. — еще новый комитетъ, „для лучшаго устройства доходовъ и расходовъ С.-Петербурга“. Такимъ

образомъ, большая часть думскихъ обязанностей отошла отъ думы, но и съ оставшимися дѣлами она справлялась очень неудовлетворительно. Въ торговомъ и мѣщанскомъ сословіи было мало людей съ образованіемъ, а дворяне получили право отказываться отъ выборной городской службы. Поэтому мысль о коренномъ преобразованіи думы занимала правительство въ теченіи двухъ царствованій, Александра I и Николая I.

Съ особенною настойчивостью занялись этимъ вопросомъ въ 40-хъ годахъ. Въ 1843 г. петербургскій губернаторъ, обревизовавъ думу, нашелъ что учрежденіе это въ законномъ составѣ вовсе не существуетъ, что члены шестигласной думы никогда въ ней не присутствуютъ, и что все городское управленіе состоитъ, собственно говоря, изъ думскаго секретаря и канцеляріи. Все это вмѣстѣ сдѣлало, по словамъ губернатора, петербургскую думу „образцомъ медленности, упущеній, запутанностей, безпорядковъ и злоупотребленій". Канцелярская волокита въ особенности приводила въ отчаяніе и мѣстныя власти, и министерство внутреннихъ дѣлъ. Случалось, что дѣла оставались нерѣшенными въ думѣ по пяти, по семи лѣтъ; отзывъ, который слѣдовало подать черезъ два-три дня, давался черезъ годъ или два, смѣты никогда не составлялись во-время.

Такое положеніе дѣлъ тѣмъ болѣе не могло быть терпимо, что вступившій въ 1825 г. на престолъ императоръ Николай I лично входилъ во всѣ подробности государственнаго управленія, и требовалъ отъ всѣхъ служащихъ строгаго повиновенія закону и долгу и быстрой исполнительности. По его настояніямъ, еще въ 1827 г. на мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ возложена была задача разработать новое городовое положеніе для С.-Петербурга и Москвы. Но дѣло подвигалось медленно. Вырабатываемые въ министерствѣ проекты клонились къ привлеченію въ составъ думы лицъ дворянскаго сословія и къ расширенію самостоятельности этого учрежденія; эти стремленія не встрѣчали сочувствія ни въ торговомъ классѣ, ни со стороны мѣстной административной власти. Наконецъ въ 1842 г. при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ учреждено было „временное отдѣленіе для устройства городского хозяйства". Въ этомъ отдѣленіи выработанъ былъ окончательный проектъ новаго городового положенія, высочайше утвержденный 13 февраля 1846 г. Въ томъ же мѣсяцѣ повелѣно было произвести въ С.-Петербургѣ общественные выборы и открыть присутственныя мѣста по новому положенію.

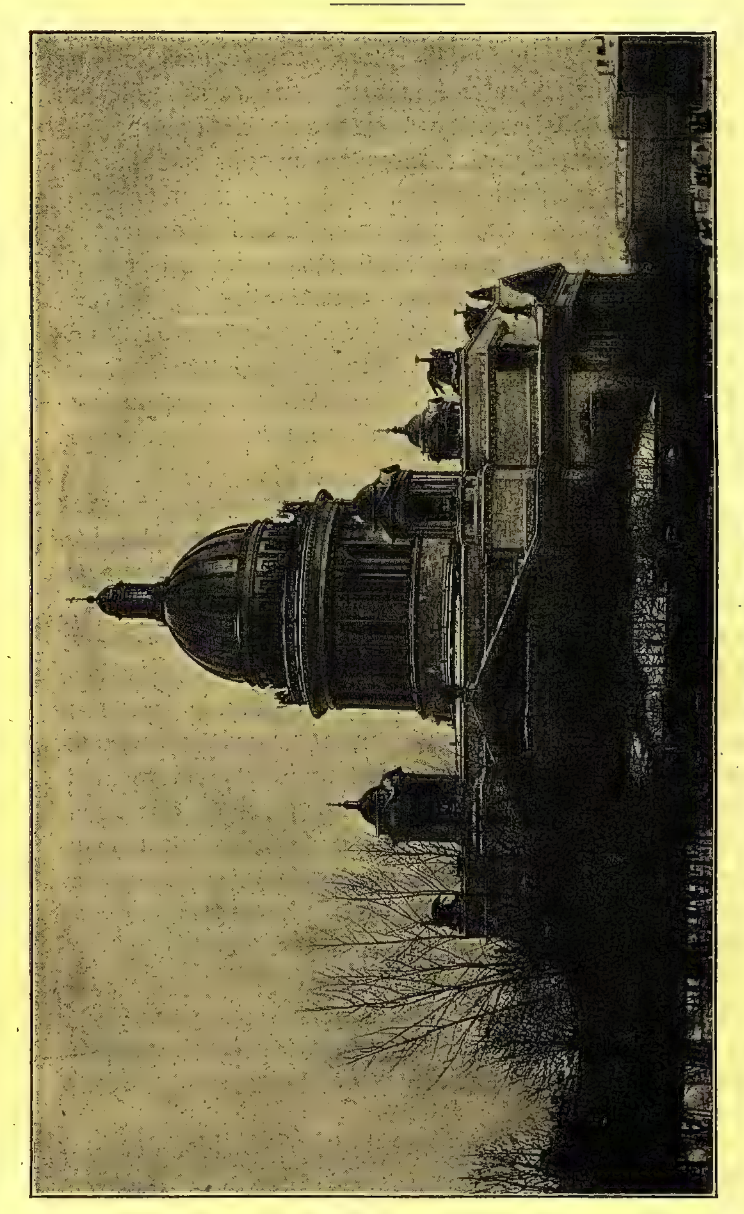
Это новое городовое положеніе существенно отличалось отъ составленнаго въ 1785 г. на основаніи жалованной грамоты Екатерины II. По новому положенію, общая дума „представляетъ собою городское общество и дѣйствуетъ его именемъ". Она составляется изъ представителей пяти городскихъ сословій [1]), избираемыхъ этими послѣдними изъ своей среды. Выборнымъ правомъ пользуется каждый членъ каждаго изъ пяти сословій, если обладаетъ доходомъ съ собственности не ме-

[1]) Эти 5 сословій слѣдующія: 1) потомственные дворяне, владѣющіе въ городѣ недвижимостью; 2) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, при томъ же условіи; 3) купцы трехъ гильдій; 4) мѣщане, не записанные въ цехъ; и 5) цеховые мѣщане.

Императоръ Николай I.

нѣе 100 руб. въ годъ. Собираются избиратели для выборовъ по сословіямъ, причемъ въ каждомъ избирательномъ участкѣ должно быть не менѣе 300 и не болѣе 600 избирателей. Общая цифра гласныхъ полагается не менѣе 100 и не болѣе 150 отъ каждаго сословія, а всего отъ 500 до 750 гласныхъ. (Предъ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1846 г.

Исакіевскій соборъ.

составъ петербургской думы сократился до 34 чел.). Общая дума дѣлится на пять отдѣленій, по числу сословій; каждое отдѣленіе избираетъ сословнаго старшину. Городской голова избирается всѣми отдѣленіями общей думы, среди почетнѣйшихъ лицъ изъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ первой гильдіи, обладающихъ въ городѣ недвижимостью не менѣе 15 тысячъ руб. Дума избираетъ изъ такихъ лицъ двухъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; одинъ изъ этихъ кандидатовъ назначается высочайшею властью городскимъ головой, на 6 лѣтъ (съ 1862 г. на 4 года).

Общая дума въ полномъ составѣ созывается городскимъ головой съ разрѣшенія военнаго генералъ-губернатора для выборовъ городского головы и „для важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ". Общая дума считалась учрежденіемъ совѣщательнымъ, „не дѣлающимъ отъ себя непосредственно никакихъ распоряженій". Непрерывное завѣдываніе городскими дѣлами принадлежало распорядительной думѣ, замѣнившей прежнюю шестигласную думу. Эта распорядительная дума составлялась изъ 12 гласныхъ, къ которымъ присоединялся еще представитель правительства, называвшійся членомъ отъ короны. Распорядительная дума избиралась на 4 года, и подчинялась не общей думѣ, а сенату, генералъ-губернатору и губернатору.

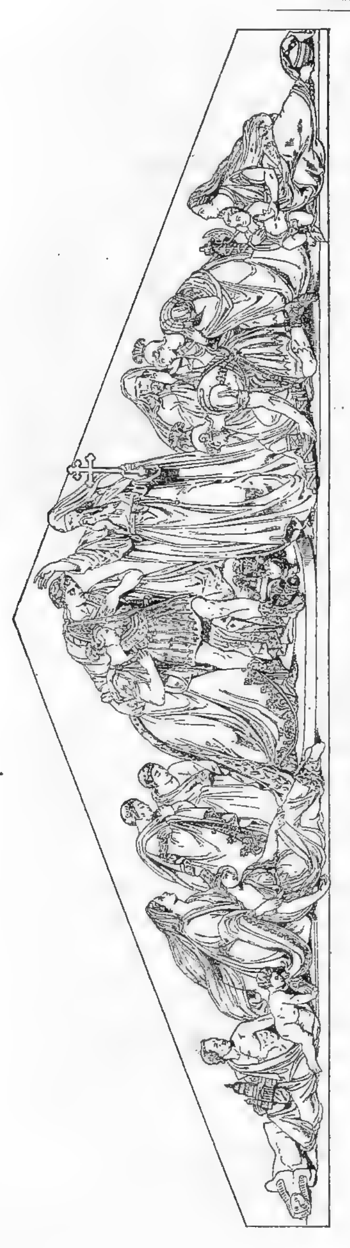
Въ первыя 14 лѣтъ дѣйствія новаго городового положенія, общая дума собиралась только 17 разъ.

Днемъ торжественнаго открытія выборовъ по положенію 1846 г. назначено было 13 октября

того же года. Съ утра въ этотъ день въ залѣ дворянскаго собранія сошлось болѣе четырехъ тысячъ избирателей; между ними находилось и немалое число государственныхъ сановниковъ: выборы очевидно интересовали все городское общество. По пріѣздѣ военнаго генералъ-губернатора, всѣ направились въ торжественномъ шествіи, по порядку сословій, въ Казанскій соборъ, гдѣ выслушали молебствіе. Самые выборы происходили въ теченіи 10 дней, съ 15 по 25 октября. Всего выбрано было 586 гласныхъ. 27 октября, послѣ литургіи въ соборѣ, они вновь наполнили залу дворянскаго собранія, гдѣ петербургскій гражданскій губернаторъ и открылъ первое засѣданіе общей думы.

Но новое городовое положеніе не оправдало возлагавшихся на него ожиданій. Привлеченные къ городскому управленію дворяне мало входили въ порученныя думѣ дѣла. Общая дума собиралась, какъ мы видѣли, чрезвычайно рѣдко; въ распорядительной думѣ завелась такая же безпорядочная канцелярщина, какою отличалась раньше шестигласная дума. Правительственная ревизія, произведенная въ 1849 году, обнаружила массу опущеній въ дѣлопроизводствѣ; состоявшія при думѣ учрежденія, въ родѣ торговой депутаціи, оказались даже не знающими, „въ чемъ ихъ обязанность“.

Только полное обновленіе думы, послѣдовавшее въ связи съ преобразованіями императора Александра II, дало дѣятельную жизнь этому учрежденію.

Одинъ изъ фронтоновъ Исакіевскаго собора.

IV.

Сооруженія времени Николая I. —Исакіевскій соборъ.—Пожаръ и возобновленіе Зимняго дворца.—Александровская колонна.—Конныя группы на Аничковомъ мосту.—Николаевскій мостъ.

Въ тридцатилѣтнее царствованіе императора Николая I, Петербургъ обогатился многими замѣчательными сооруженіями и соединился желѣзной дорогой съ Москвой, что чрезвычайно способствовало его экономическому развитію. Періодъ этотъ отмѣченъ преимущественно возростаніемъ государственной силы Россіи, а потому и среди сооруженій того времени правительственныя преобладаютъ надъ частными. Николай I вообще любилъ большія, величавыя со-

зданія архитектуры и инженернаго искусства, и всѣ постройки его царствованія отличаются широтою замысла и тщательною, дорого стоившею отдѣлкой. Казна не щадила средствъ, чтобы достигнуть вѣковѣчной прочности и царственной красоты въ памятникахъ зодчества. Николай I былъ кромѣ того любителемъ и покровителемъ искусствъ, и въ его время петербургскіе музеи, дворцы и храмы обогатились замѣчательными произведеніями кисти и рѣзца.

Самой величественной и роскошной постройкой николаевской эпохи остался Исакіевскій соборъ. Мы уже знаемъ, что соборъ этотъ былъ заложенъ въ царствованіе Екатерины II и при Павлѣ I достроенъ изъ кирпича, въ сокращенныхъ размѣрахъ. Александръ I призналъ эту постройку несоотвѣтствующею назначенію—перваго по великолѣнію храма въ столицѣ, и рѣшилъ перестроить соборъ заново изъ мрамора, придерживаясь первоначальнаго плана. Не довѣряя петербургскимъ архитекторамъ, между которыми тогда не было выдающихся дарованій, онъ остановилъ свой выборъ на молодомъ французскомъ художникѣ Монферранѣ, построившемъ домъ Лобанова, гдѣ нынѣ помѣщается военное министерство. Въ 1819 г. работы начались, но такъ какъ онѣ требовали громадныхъ денегъ, то подвигались впередъ чрезвычайно медленно. Постройка затянулась почти на 40 лѣтъ. Во все царствованіе Николая I она продолжалась безостановочно, и только въ годъ его кончины была приведена къ концу.

Исакіевскій соборъ, постройка и отдѣлка котораго поглотила болѣе 23 милліоновъ,—одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ мірѣ. Оно имѣетъ

форму четыреугольника, съ громадными портиками и гранитными террасами со всѣхъ четырехъ сторонъ. Портики состоятъ изъ колоннъ цѣльнаго гранита, каждая 150 ф. высоты. Колонны эти—величайшія въ свѣтѣ; ихъ обтеска и полировка стоила громаднаго труда. Всѣхъ наружныхъ колоннъ въ соборѣ 112. Стѣны облицованы снаружи и извнутри итальянскимъ и олонецкимъ мраморомъ; на одну внутреннюю обдѣлку пошло болѣе полмилліона пудовъ мрамора.

Зданіе увѣнчано колоссальнымъ куполомъ съ четырьмя платформами; по угламъ стоятъ четыре колокольни. Надъ портиками возвышаются литые бронзовые барельефы съ изображеніями изъ библейской исторіи и изъ жизни св. Исакія. Модели для бронзовыхъ работъ составляли художники Витали, бар. Клодтъ и др.

Высота собора внутри, съ куполомъ — болѣе 42 саженъ. Полъ выложенъ изъ разноцвѣтнаго мрамора и порфира; онъ занимаетъ площадь въ 6½ тысячъ кв. арш. Въ куполѣ помѣщаются 12 вызолоченныхъ фигуръ ангеловъ; кромѣ нихъ, въ томъ же куполѣ помѣщаются еще 40 фигуръ пророковъ, ангеловъ и патріарховъ, исполинской величины. На внутреннюю позолоту храма пошло 13 пудовъ золота. Великолѣпная живопись собора принадлежитъ кисти лучшихъ художниковъ 40-хъ и 50-хъ годовъ: Карла Брюлова, Неффа, Басина, Штейбена, Шамшина и др. Главный иконостасъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора и опирается на колонны изъ малахита и ляписъ-лазури, какихъ нѣтъ больше нигдѣ въ мірѣ. Боковые иконостасы украшены превосходными скульптурными произведеніями Пименова, Витали и Клодта.

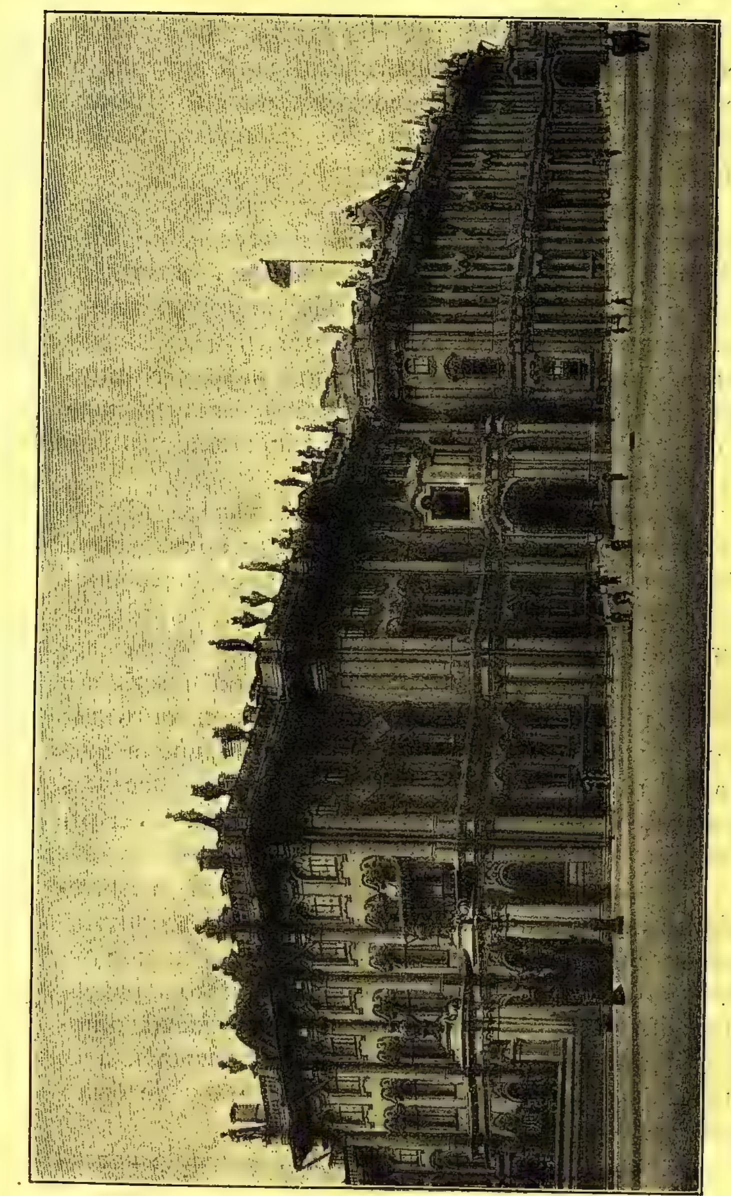
Хотя достроенный при Николаѣ I, Исакіевскій соборъ не былъ еще вполнѣ отдѣланъ внутри, и освященіе его послѣдовало только въ 1858 году. Но еще и послѣ того, до 1864 г. продолжались работы внутри.

Нѣкоторыя другія петербургскія церкви достроены или возобновлены въ царствованіе Николая I. Такъ, Смольный монастырь, возведенный вчернѣ при Елизаветѣ Петровнѣ по плану гр. Растрелли, болѣе 70 лѣтъ стоялъ недоконченнымъ. Достроили его и освятили въ 1835 г. Внутренняя отдѣлка его изъ бѣлаго итальянскаго мрамора, ступени и полъ предъ иконостасомъ изъ уральскаго мрамора.

Преображенскій соборъ послѣ пожара 1825 г. возобновленъ въ 1829 г. по плану архитектора Стасова. Тотъ же архитекторъ перестроилъ пришедшій въ ветхость Троицкій соборъ, въ 1835 г. Ограда вокругъ Преображенскаго собора составлена изъ турецкихъ пушекъ, отбитыхъ въ войну 1828 г. Подаренныя сначала полякамъ для памятника королю Станиславу, онѣ во время возстанія 1831 г. были обращены противъ русскихъ войскъ, и вторично отбитыя, принесены въ даръ гвардіи.

Какими большими художественными и матеріальными силами для величественныхъ сооруженій уже располагалъ тогда Петербургъ, можно судить по необычайной быстротѣ, съ какою возобновленъ былъ Зимній дворецъ послѣ ужаснаго пожара 1837 г. Бѣдствіе произошло 17 декабря, а къ праздникамъ пасхи 1839 г. громадное зданіе было уже заново перестроено и отдѣлано.

Этотъ пожаръ надолго занялъ вниманіе петер-

Зимній дворецъ въ нынѣшнемъ видѣ.

Александровская колонна и арка Главнаго штаба.

бургскаго общества. Начался онъ вечеромъ, въ то время когда государь находился въ театрѣ. Огонь показался сперва изъ душника печной трубы на хорахъ Петровской залы. Потолокъ въ этой залѣ былъ деревянный, и огонь, по всей вѣроятности давно уже тлѣвшій, добравшись до сухихъ балокъ, сталъ быстро распространяться. Узнавъ о пожарѣ, государь тотчасъ прибылъ во дворецъ, и пройдя на половину великихъ князей, приказалъ немедленно отвезти ихъ въ Аничковскій дворецъ. Затѣмъ, пройдя Концертную залу и Большую аванъ-залу, онъ былъ встрѣченъ въ Фельдмаршальской и Петровской залахъ бушевавшимъ огнемъ. Не смотря на видимую опасность, Николай I прошелъ въ Бѣлую гербовую залу. Казалось, уже не было возможности идти далѣе: все было наполнено густымъ дымомъ, потолки и хоры грозили паденіемъ. Несмотря на то, государь прошелъ черезъ всю охваченную огнемъ часть дворца, приказалъ вытребовать два ближайшіе полка, преображенскій и павловскій, и поручилъ солдатамъ выносить мебель и драгоцѣнности и складывать ихъ на Дворцовой площади. Солдаты, къ которымъ присоединились также матросы, съ честью выполнили порученную имъ работу: за исключеніемъ нѣкоторыхъ громоздкихъ предметовъ, все было спасено въ цѣлости. Изъ столоваго серебра, цѣнностью на нѣсколько милліоновъ, ничего не пропало. Бриллiанты и прочія драгоцѣнности также всѣ сохранились.

Рѣдкое зрѣлище представляла въ ту ночь и на другой день Дворцовая площадь. Роскошная мебель, зеркала, картины, бронза, статуи, лежали въ безпорядкѣ вокругъ Александровской колонны

прямо на снѣгу. Часы съ музыкой, брошенные тутъ же, играли аріи. Невѣдомые люди помогали выносить вещи. И тѣмъ не менѣе все оказалось въ цѣлости, не было попытокъ воровства.

Пожаръ длился три дня, пока не сгорѣло все доступное огню; но и потомъ еще съ недѣлю курились дотлѣвающія бревна.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ лично участвовали въ распоряженіяхъ при борьбѣ съ огнемъ. Императоръ Николай, желая отстоять половину императрицы, послалъ батальонъ семеновскаго полка разбирать чердакъ, но узнавъ, что тамъ уже все въ огнѣ, отмѣнилъ приказаніе. На вопросъ, не надо ли спасать изъ кабинета дѣловыя бумаги, государь отвѣтилъ: „У меня нѣтъ тамъ никакихъ бумагъ. Я оканчиваю свою работу изо дня въ день, и всѣ свои рѣшенія и повелѣнія тогда же передаю министрамъ“. Въ одной изъ залъ солдаты силились снять вдѣланное въ стѣну огромное зеркало, а между тѣмъ огонь уже приближался. Видя опасность, Николай I велѣлъ солдатамъ отойти, но они все еще надѣялись спасти этотъ предметъ большой цѣнности, и не расходились. Тогда государь бросилъ въ зеркало свой бинокль, и разбилъ стекло въ дребезги. — „Видите, ребята, сказалъ онъ, — что ваша жизнь мнѣ дороже зеркала, и прошу сейчасъ же расходиться“.

Современникъ, поэтъ В. А. Жуковскій, такъ описываетъ это грозное бѣдствіе:

„Пожаръ, усиливаемый порывистымъ вѣтромъ, бѣжалъ по потолкамъ верхняго этажа; они разомъ во многихъ мѣстахъ загорались, и падая съ громомъ, зажигали полы и потолки средняго яруса,

15*

которые въ свою очередь низвергались огромными огненными грудами на крѣпкіе своды нижняго этажа, большею частью оставшагося цѣлымъ. Зрѣлище, по сказанію очевидцевъ, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнулъ волканъ. Сначала объята была пламенемъ та сторона дворца, которая обращена къ Невѣ; противоположная сторона представляла темную громаду, надъ коею пылало и дымилось ночное небо: отсюда можно было слѣдовать за постепеннымъ распространеніемъ пожара; можно было видѣть, какъ онъ, пробираясь по кровлѣ, проникнулъ въ верхній ярусъ; какъ въ среднемъ ярусѣ все еще было темно (только горѣло нѣсколько ночниковъ, и люди бѣгали со свѣчами по комнатамъ), въ то время какъ надъ нимъ все уже пылало и разрушалось; какъ вдругъ загорѣлись потолки и начали падать съ громомъ, пламенемъ, искрами и вихремъ дыма, и какъ наконецъ потоки огня полилися отвсюду, наполнили внутренность зданія и бросились въ окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костеръ, съ котораго пламя то всходило къ небу высокимъ столбомъ, подъ тяжкими тучами чернаго дыма, то волновалось какъ море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопомъ безчисленныхъ ракетъ, которыя сыпали огненный дождь на всѣ окрестныя зданія. Въ этомъ явленіи было что-то невыразимое: дворецъ и въ самомъ разрушеніи своемъ какъ будто неприкосновенно вырѣзывался со всѣми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на яркомъ трепетномъ пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила тамъ господство-

вала, какіе-то враждебные духи, слетѣвшіе на добычу и надъ ней разыгравшіеся, бѣшено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали съ колонны на колонну, прилипали къ люстрамъ, бѣгали по кровлѣ, обвивались около статуй, выскакивали въ окна и боролись съ людьми, которые мелькали черными тѣнями, пробѣгая по яркому пламени. И въ то время, когда сей ужасный пожаръ представлялъ такую разительную картину борьбы противоположныхъ силъ, разрушенія и гибели, другая картина приводила въ умиленіе душу своимъ торжественнымъ, тихимъ величіемъ. За цѣпью полковъ, окружавшихъ дворцовую площадь, стоялъ народъ безчисленною толпою въ мертвомъ молчаніи. Передъ глазами его горѣло жилище царя; общая всѣмъ святыня погибла; объятая благоговѣйною скорбью, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокіе вздохи, и всѣ молились за государя".

Работы по возобновленію дворца производились днемъ и ночью, съ величайшею поспѣшностью, и черезъ годъ были доведены до конца. Дворецъ былъ отстроенъ и отдѣлалъ еще съ большею роскошью чѣмъ прежній; въ такомъ видѣ онъ сохраняется и нынѣ. Изъ заново отдѣланныхъ залъ наиболѣе замѣчательны: Александровская, украшенная картинами изъ русской военной исторіи; Золотая въ византійскомъ стилѣ; гостиная покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, съ росписными стѣнами, богато вызолоченнымъ плафономъ, колоннами и вазами изъ малахита, и пр.; Гербовая съ позолоченными колоннами; Георгіевская съ императорскимъ трономъ и др. Въ одной изъ залъ нижняго этажа помѣщается „сокро-

вищница", гдѣ хранятся: большая корона съ огромнымъ яхонтомъ; малая корона, вся въ брилліантахъ; скипетръ, съ чрезвычайно большимъ алмазомъ, купленнымъ Екатериной II; держава, украшенная большимъ брилліантовымъ крестомъ на великолѣпномъ сапфирѣ. Въ кладовыхъ Зимняго дворца хранятся замѣчательные ковры французской и восточной работы, издѣлія изъ бронзы, рѣдкій фарфоръ и пр.

При Николаѣ I закончена постройка Михайловскаго дворца, обращеннаго нынче въ музей императора Александра III, и выстроенъ Маріинскій дворецъ—красивое зданіе въ итальянскомъ стилѣ.

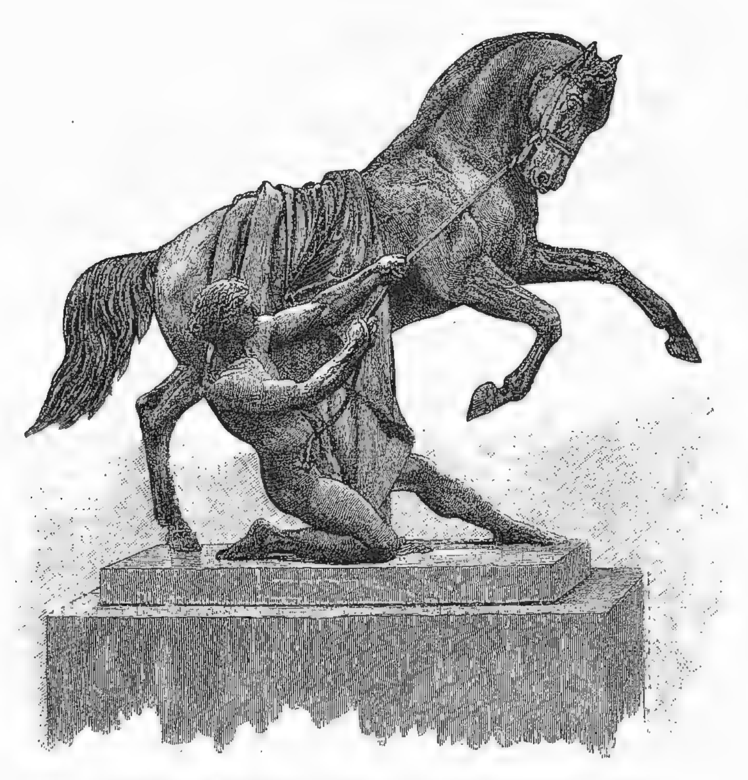
Изъ театровъ, по повелѣнію Николая I выстроены два: Александринскій и Михайловскій. Первый, открытый въ 1832 г., украшенъ портикомъ изъ шести колоннъ, увѣнчаннымъ бронзовою фигурою „славы". Второй выстроенъ въ 1833 г.

Еще ранѣе возобновленія Зимняго дворца, Дворцовая площадь украсилась памятникомъ, принадлежащимъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ мірѣ — Александровскою колонной. Она воздвигнута въ честь Александра I и его побѣдъ надъ Наполеономъ, и имѣетъ надпись: „Александру I благодарная Россія". Самая колонна высѣчена изъ цѣльнаго темнокраснаго финляндскаго гранита; вышина ея 14 саж., окружность при основаніи 5 саж. Размѣровъ этихъ не достигаетъ ни одна колонна изъ цѣльнаго камня во всемъ мірѣ. Пьедесталъ тоже гранитный, составленный изъ громаднѣйшихъ камней; всѣ стороны его украшены литыми бронзовыми барельефами, изображающими древнерусское вооруженіе и аллегорическія фигуры. Надъ

колонной возвышается ангелъ съ крестомъ, придавливающимъ змія; вышина ангела 2 саж., и креста—3 саж.

Сооруженіе колонны было поручено тому же Монферрану, который строилъ Исакіевскій соборъ. Работы сопряжены были съ величайшими трудностями. Надо было прежде всего осторожно отдѣлить изъ скалы цѣльную гранитную массу требуемой величины. Затѣмъ эту глыбу обдѣлывали тутъ же на мѣстѣ, придавая ей форму колонны. Для перевозки ея водою построено было нарочно особенное судно; погрузка и выгрузка ея требовали неимовѣрныхъ усилій. Въ то же время на Дворцовой площади укладывали фундаментъ. На 17 саженъ въ глубину вбили 1250 сосновыхъ свай, и на нихъ, до уравненія площади, уложили обтесанныя гранитныя глыбы. Затѣмъ поставили самую большую глыбу, какъ основу для пьедестала. Эта задача потребовала громадныхъ усилій и множества механическихъ приспособленій: глыба вѣсила 25 тысячъ пудовъ!

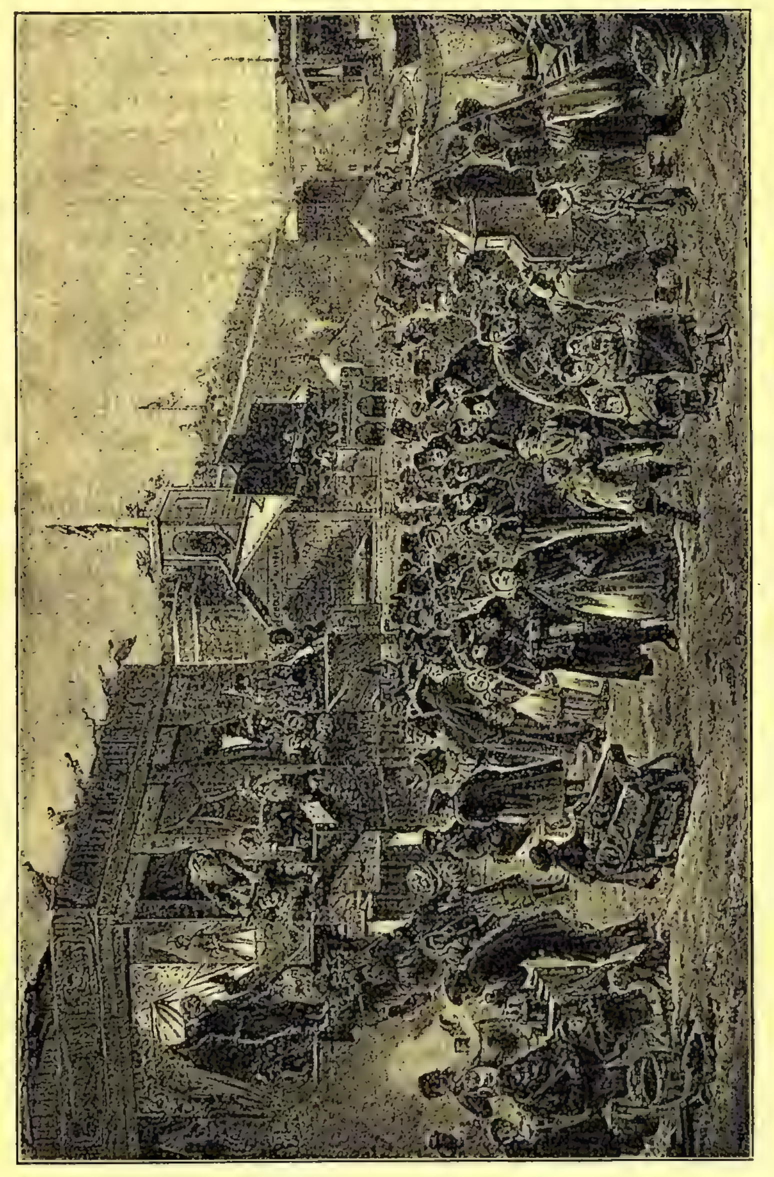
Величайшія затрудненія представляла постановка самой колонны. По двумъ сторонамъ пьедестала возведены были лѣса до 22 саж. высотою. По наклонной плоскости колонна была подкачена на особую платформу и обмотана канатными кольцами, къ которымъ прикрѣпили блоки. Соотвѣтствующіе блоки установлены были на вершинѣ лѣсовъ. Въ назначенный для поднятія колонны день, 30 августа 1832 г., на Дворцовую площадь прибылъ императоръ Николай со всѣмъ семействомъ. Толпы народа тѣснились на площади, у оконъ и на крышѣ главнаго штаба. За канаты ухватились до 2 тыс. солдатъ. Колонна медленно поднялась

Одна изъ 4 конныхъ группъ на Аничковскомъ мосту.

и повисла въ воздухѣ; затѣмъ канаты были отданы, и каменная глыба тихо и вѣрно опустилась на пьедесталъ. По площади пронеслось громовое „ура!" Государь, обрадованный успѣхомъ, сказалъ торжествующему архитектору:—„Монферранъ, вы себя обезсмертили." Ровно черезъ два года окончена была послѣдняя отдѣлка памятника и совершено освященіе его, въ присутствіи императора, всего царскаго семейства и 100 тысячъ войска.

„По совершеніи молебствія—писалъ объ этомъ

Гулянье на Адмиралтейской площади (съ картины К. Е. Маковскаго).

торжествѣ поэтъ Жуковскій — начался ходъ вокругъ монумента; первосвятитель окропилъ его св. водою; и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны арміи; съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ его времени, теперь заслуженные часовые великаго его монумента. Начался церемоніальный маршъ: русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище; наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатра и на кровляхъ зданій исчезъ. Ввечеру долго по улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ освѣщеніе угасло, улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ, одинъ съ своимъ часовымъ; и все было спокойно въ сумракѣ ночи; лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный ангелъ."

Въ томъ же 1834 г. открыты были нарвскія тріумфальныя ворота, воздвигнутыя въ честь военныхъ подвиговъ гвардіи въ наполеоновскія войны. Они состоятъ изъ 20 гранитныхъ колоннъ, въ 19 арш. вышины, отдѣланныхъ бронзою. Въ двухъ нишахъ поставлены по двѣ бронзовыя статуи древнихъ русскихъ воиновъ, а надъ аркой фигуры „славы" и „побѣды", въ колесницѣ, запряженной 4 конями. Памятникъ этотъ, выстроенный архитекторомъ Стасовымъ, обошелся болѣе милліона рублей.

Почти въ такую же сумму обошлись москов-

скія тріумфальныя ворота, въ честь русскихъ войскъ, побѣдоносно дѣйствовавшихъ въ Персіи, Турціи и при усмиреніи Польши. Ворота эти, воздвигнутыя въ 1838 г., состоятъ изъ чугунной арки на 12 колоннахъ, съ бронзовыми фигурами по бокамъ проѣздовъ.

Годомъ раньше поставлены на площади предъ Казанскимъ соборомъ памятники фельдмаршаламъ Кутузову и Барклаю-де-Толли. Оба полководца изображены съ непокрытыми головами, въ мундирахъ и плащахъ; у ногъ каждаго—французское знамя съ переломленнымъ древкомъ.

Большимъ украшеніемъ главной петербургской улицы, Невскаго проспекта, явились поставленныя въ 1850 г. на Аничковомъ мосту четыре конныя группы, отлитыя барономъ Клодтомъ. Талантъ художника, учившагося самоучкой (раньше онъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ) обратилъ на себя вниманіе Николая I удачной конной группой для нарвскихъ тріумфальныхъ воротъ. Отлитыя имъ потомъ группы коней, укрощаемыхъ атлетами, посланы были въ подарокъ королямъ прусскому и неаполитанскому, и до сихъ поръ украшаютъ собой Берлинъ и Неаполь. Группы эти такъ нравились Николаю I, что онъ приказалъ повторить ихъ и поставить на четырехъ концахъ Аничкова моста. По превосходному воспроизведенію статей и движеній лошадей, группы эти не имѣютъ себѣ равныхъ въ мірѣ.

Къ числу важнѣйшихъ сооруженій, исполненныхъ въ царствованіе Николая I, принадлежатъ: первый постоянный мостъ черезъ Неву (Николаевскій) и первыя въ Россіи желѣзныя дороги—царскосельская и московская (Николаевская). Мостъ,

отъ Англійской набережной къ Васильевскому острову, построенъ на гранитныхъ быкахъ и обошелся въ 4.380.000 руб. Московская желѣзная дорога, сооруженная по личной волѣ Николая I, вопреки мнѣнію министровъ, связала Петербургъ съ внутренней Россіей и дала сильный толчекъ его промышленному и торговому развитію.

V.

Николай I — державный хозяинъ Петербурга. — Черты изъ его жизни.—Холера 1831 г.—Общественная жизнь въ Петербургѣ.— Театры. — Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ.

Императоръ Николай I любилъ Петербургъ, и во многихъ отношеніяхъ наложилъ на него печать своего личнаго вкуса. Замѣчательнѣйшія постройки его времени носятъ слѣды указаній, которыя онъ давалъ художникамъ и строителямъ. Можно сказать, что съ его личностью сливался и общій характеръ Петербурга, превосходно схваченный Пушкинымъ въ его стихахъ:

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ...
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,

Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ,
И чуя вешни дни, ликуетъ.

Тѣсная связь императора Николая I со своею столицею выразилась въ личномъ участіи, какое онъ принималъ во многихъ петербургскихъ событіяхъ. Мы уже знаемъ о его распоряженіяхъ во время пожара въ Зимнемъ дворцѣ. Такую же заботливость онъ проявилъ при страшномъ пожарѣ 2 февраля 1836 г. въ балаганѣ Лемана на Адмиралтейской площади, гдѣ тогда сосредоточивались масленичныя увеселенія. Пожаръ начался въ пятомъ часу дня, во время представленія, на которое собралось до 400 чел. зрителей. Отъ лампы, слишкомъ высоко подвѣшенной за кулисами, загорѣлись стропила. Тотчасъ раскрыли всѣ выходныя двери, и часть публики благополучно вышла; но затѣмъ въ толпѣ произошло смятеніе, она бросилась въ противоположную сторону, началась страшная давка, причемъ многіе были задушены. Въ это время пламя охватило уже весь балаганъ, крыша съ трескомъ рухнула и накрыла толпу горящими головнями. 126 чел. погибли на мѣстѣ, 10 чел. получили тяжкіе ушибы и обжоги. По числу жертвъ, это былъ самый страшный пожаръ въ Петербургѣ. Императоръ Николай пріѣхалъ, какъ только узналъ о несчастіи, лично распоряжался на пожарищѣ, и оставилъ его уже послѣ того, какъ послѣднее тѣло было вытащено изъ подъ пылающихъ обломковъ. Народная толпа на пло-

щади возросла между тѣмъ до десятковъ тысячъ, и только присутствіе государя поддерживало въ ней порядокъ: она безмолвно разступалась для пропуска пожарныхъ трубъ и саней съ убитыми и раненными.

Еще важнѣе была личная распорядительность Николая I во время страшной холеры лѣтомъ 1831 г. Повѣтріе это впервые было занесено тогда изъ восточныхъ губерній въ Москву и Петербургъ. Населеніемъ овладѣли страхъ и уныніе. Жаркіе дни и обиліе овощей способствовали усиленію заразы. Болѣзнь была почти невѣдомая, врачебная помощь оказывалась безсильною. Городская чернь, наиболѣе страдавшая отъ заразы, съ недовѣріемъ относилась къ принимаемымъ мѣрамъ предосторожности, и волновалась всякими нелѣпыми слухами. Невѣжественные люди распускали молву, будто холеру распространяютъ сами врачи, отравляя народъ; другіе увѣряли, что отраву подбрасываютъ поляки. Были случаи, что толпа останавливала ни въ чемъ неповинныхъ людей, показавшихся ей подозрительными, и избивала ихъ до смерти. Волненіе достигло наконецъ угрожающей степени. Толпа черни, собравшаяся на Сѣнной площади, разнесла временную холерную больницу; нѣсколько врачей сдѣлались жертвою безсмысленнаго озлобленія. Императоръ Николай I находился въ Царскомъ Селѣ, но узнавъ о происходящихъ буйствахъ, тотчасъ прибылъ въ Петербургъ, и нигдѣ не останавливаясь, проѣхалъ на Сѣнную площадь. Тамъ, вставъ въ коляскѣ, онъ обратился къ толпѣ съ строгими словами, тотчасъ возвратившими ее къ порядку. Чернь падала на колѣни къ ногамъ государя, моля простить ея заблужденія.

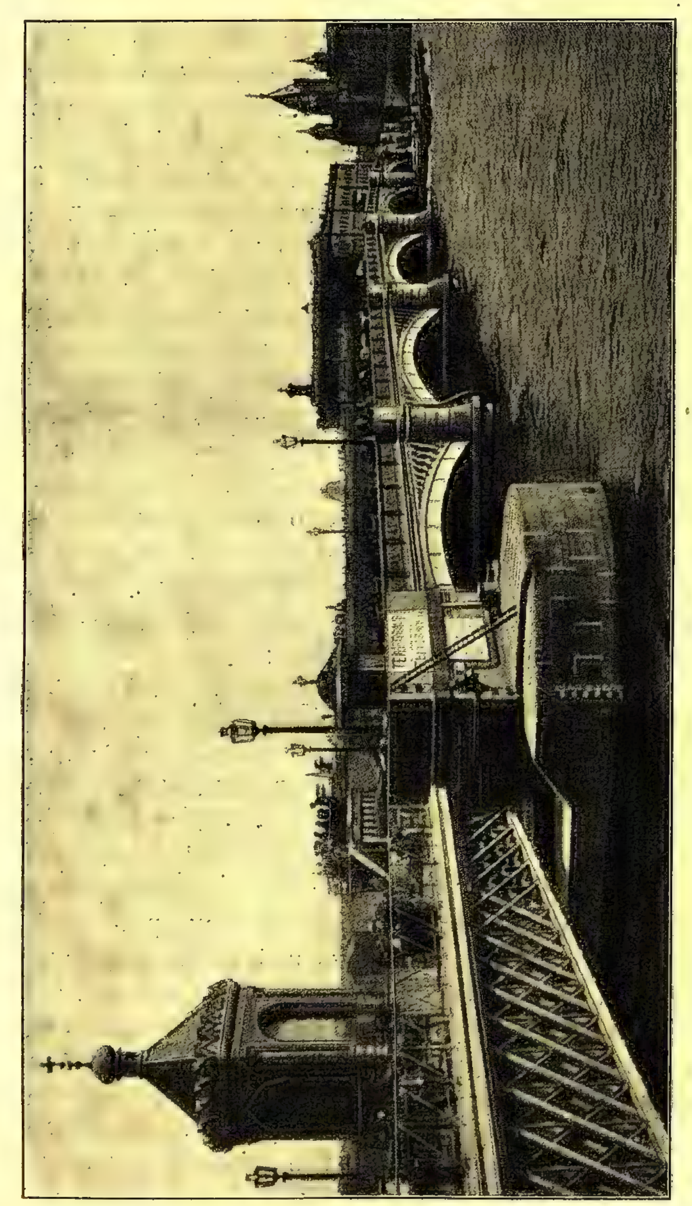
Буйство было немедленно прекращено обаяніемъ величавой личности царя. Это историческое событіе въ жизни Николая I увѣковѣчено на барельефѣ поставленнаго ему памятника.

Взыскательный и строгій, императоръ Николай въ то же время чтилъ заслуги вѣрныхъ подданныхъ, къ какому бы званію они ни принадлежали. Современники сохранили воспоминаніе о трогательномъ случаѣ. Проѣзжая по мосту черезъ Неву, государь встрѣтилъ разъ похороны простого солдата. У бѣдняка не было родныхъ, и гробъ его одиноко тащился на роспускахъ. Государь вышелъ изъ саней, и нѣсколько сотъ шаговъ провожалъ тѣло вѣрнаго слуги.

Николай I вообще нерѣдко появлялся на петербургскихъ улицахъ, и не много было столичныхъ жителей, не знавшихъ его въ лицо. Поэтъ А. Н. Майковъ прекрасно запечатлѣлъ его рыцарственный образъ въ стихахъ:

Когда по улицѣ въ откинутой коляскѣ,
Передъ безпечною толпою ѣдетъ онъ,
Въ походный плащъ одѣтъ, въ солдатской мѣдной каскѣ,
Спокойно грустенъ, строгъ, и въ думу погруженъ—
Въ немъ виденъ каждый мигъ державный повелитель,
И вождь, и судія, Россіи промыслитель,
И первый труженикъ народа своего.

Съ возмужаніемъ и развитіемъ государственной силы Россіи, развивались въ ней также искусства и литература. Мы уже знаемъ, какими замѣчательнѣйшими зданіями и памятниками обогатился Петербургъ въ царствованіе Николая I. Не менѣе обогатились и музеи. Эрмитажъ былъ перестроенъ и обращенъ въ великолѣпнѣйшую галлерею изящныхъ искусствъ, куда поступило много новыхъ

Николаевскій мостъ на Невѣ.

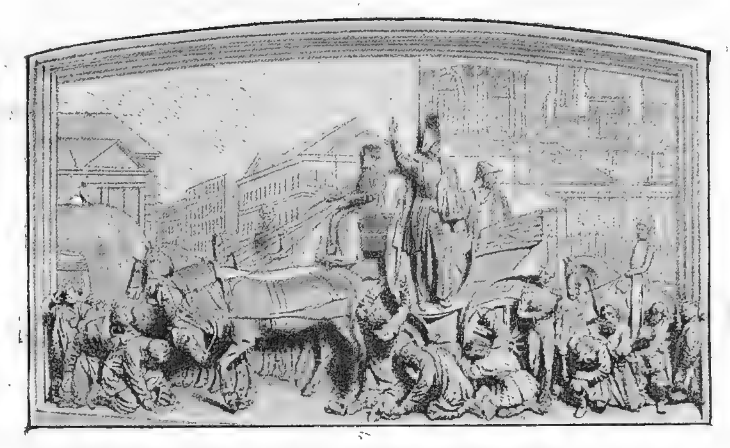

Императоръ Николай I провожаетъ гробъ солдата (съ рисунка Дмитріева-Оренбургскаго).

пріобрѣтеній. Важнѣйшія изъ нихъ—картины Мурильйо и Рубенса, Мадонна д'Альба Рафаэля, Давидъ съ головой Голіаѳа Гвидо Рени, Марія Магдалина Тиціана, и др. Въ академіи художествъ построены галлереи для выставокъ и коллекцій. Лучшія произведенія русскихъ художниковъ, преимущественно на историческіе и военные сюжеты, постоянно покупались для музеевъ и дворцовъ; архитекторы, живописцы, ваятели были всегда заняты царскими заказами. При этихъ благопріятныхъ условіяхъ развились таланты Карла Брюлова, Бруни, Иванова, Айвазовскаго и др.

Сценическое искусство также пользовалось покровительствомъ Николая I. При немъ появились русскія драматическія произведенія, до сихъ поръ остающіяся лучшими въ нашей литературѣ: „Горе отъ ума" Грибоѣдова, „Ревизоръ" и „Женитьба" Гоголя, „Борисъ Годуновъ" и др. произведенія Пушкина. На сценѣ появились даровитые артисты—Каратыгинъ, Мартыновъ, Самойловъ, г-жа Самойлова. Въ то же время процвѣтали итальянская опера, балетъ, французскій и нѣмецкій театры. Въ Большомъ театрѣ нѣсколько разъ въ году давались многолюдные маскарады, привлекавшіе высшее столичное общество; эти маскарады иногда посѣщалъ самъ государь. Вообще петербургская жизнь того времени, при дешевизнѣ предметовъ необходимости и обиліи развлеченій, представлялась довольно веселою, въ особенности въ средѣ достаточныхъ классовъ.

Русская литература достигла въ царствованіе Николая I небывалаго расцвѣта, и Петербургъ сдѣлался центромъ умственной жизни страны и мѣстопребываніемъ даровитѣйшихъ русскихъ пи-

Николай I успокаиваетъ народное волненіе на Сѣнной площади (барельефъ на памятникѣ.)

сателей. Карамзинъ, создавшій легкій книжный слогъ и написавшій „Исторію государства Россійскаго", умеръ въ первый годъ царствованія Николая. Поэтъ Жуковскій, которому поручено было воспитаніе наслѣдника, будущаго императора Александра II, былъ однимъ изъ украшеній Двора и душою образованнаго петербургскаго общества.

Баснописецъ Крыловъ, умершій въ 1844 г., достигъ при Николаѣ I наибольшей извѣстности: его басни сдѣлались любимымъ чтеніемъ взрослыхъ и дѣтей, на всемъ пространствѣ Россіи. Иванъ Андреевичъ Крыловъ такъ близокъ русскому юношеству, что здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о его самобытной и даровитой личности. Онъ родился въ Москвѣ, въ 1768 г., въ небогатой офицерской семьѣ. Отецъ его былъ человѣкъ очень начитанный, и мальчикъ, находя дома множество занимательныхъ книгъ, въ свою очередь

пристрастился къ чтенію. Поступивъ потомъ на канцелярскую службу, Крыловъ, отъ природы лѣнивый, мало занимался ею. Больше всего его интересовало наблюдать народную жизнь и подмѣчать бойкій складъ народной рѣчи. По словамъ современника, онъ „посѣщалъ съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпой, прислушиваясь съ жадностью къ рѣчамъ простолюдиновъ". Въ 1783 г. Крыловъ переселяется въ Петербургъ, и пристрастившись къ театру, пишетъ цѣлый рядъ комедій, въ большинствѣ неудачныхъ, печатаетъ журнальныя статьи, оды и разныя стихотворенія, и только въ 1805 г. нападаетъ на свое настоящее призваніе — басню. Этими первыми баснями его были: „Дубъ и трость" и „Разборчивая невѣста", обѣ заимствованныя у французскаго поэта Лафонтена. Басни имѣли чрезвычайный успѣхъ, и съ той поры Крыловъ почти исключительно посвятилъ себя этому роду литературы. Чѣмъ болѣе русская публика знакомилась съ баснями Крылова, тѣмъ болѣе росла его слава; никогда еще не было у насъ писателя, пользовавшагося такою широкою извѣстностью. Тутъ пригодилось Крылову его отличное знаніе народнаго русскаго языка, народныхъ пословицъ и поговорокъ: басни его блещутъ удивительной простотой, своеобразностью и бойкостью рѣчи. Въ нихъ, въ образѣ звѣрей, птицъ или рыбъ, говорятъ живые русскіе люди, чувствуется русскій народный духъ, осмѣиваются коренныя народныя слабости или предразсудки. Даже переводя французскаго баснописца, Крыловъ оставался совершенно народнымъ русскимъ писателемъ.

Но самымъ блестящимъ литературнымъ явленіемъ того времени былъ Пушкинъ. Его геній уже вполнѣ созрѣлъ послѣ безпокойно проведенной молодости, и самыя крупныя по замыслу произведенія его уже были написаны, когда съ 1830 г. онъ вновь поселился въ Петербургѣ, красота котораго всегда обаятельно дѣйствовала на него. Петербургу онъ посвятилъ много превосходныхъ стиховъ, и цѣлую поэму „Мѣдный Всадникъ“. Но преждевременно, въ самой зрѣлой порѣ его необычайнаго дарованія, жизнь его была прервана: онъ былъ убитъ на дуэли въ январѣ 1837 г. Горестное событіе это произвело сильное впечатлѣніе на просвѣщеннѣйшую часть петербургскаго общества. Дуэль происходила за Черной рѣчкой, въ лѣсу близъ деревни Коломяги. Въ настоящее время мѣстность эта примыкаетъ къ скаковому иподрому, и на ней поставленъ небольшой бронзовый памятникъ поэту.

Императоръ Николай, высоко цѣнившій поэтическій геній Пушкина, съ великодушнымъ участіемъ отнесся къ умирающему поэту. Онъ послалъ къ нему съ лейбъ-медикомъ Арендтомъ собственноручное письмо, съ приказаніемъ прочесть его и немедленно возвратиться. „Я не лягу, я буду ждать“, сказалъ государь. Въ письмѣ заключались слѣдующія строки: „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе, и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свое попеченіе“. Милостивыя слова эти были утѣшеніемъ умирающему. О твердости, съ какою Пушшинъ переносилъ невыразимыя страданія, причиненныя раною, Арендтъ выражался такъ: „Я былъ

въ тридцати сраженіяхъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго“.

Въ 30-хъ годахъ расцвѣли два новые яркіе таланта—Гоголь и Лермонтовъ. Первый лучшую пору своей дѣятельности провелъ въ Петербургѣ; второй оставался здѣсь недолго, и еще въ молодыхъ годахъ уѣхалъ на Кавказъ. Бронзовый бюстъ его поставленъ, въ числѣ другихъ, въ Адмиралтейскомъ саду.

Въ 40-хъ годахъ уже обращали на себя вниманіе писатели, составившіе украшеніе русской литературы въ послѣдующее царствованіе: Тютчевъ, Майковъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и др. Всѣ они принадлежатъ Петербургу, такъ какъ здѣсь развились и созрѣли ихъ яркія дарованія. И наконецъ, въ самые послѣдніе годы царствованія Николая I, появились первыя произведенія величайшаго изъ современныхъ писателей, гр. Л. Н. Толстого.

VI.

Преобразованія императора Александра II. — Оживившаяся дѣятельность петербургской думы.—Городовое положеніе 1870 г.—Успѣхи начальнаго образованія.

Съ воцареніемъ Александра II, наступило время великихъ преобразованій, измѣнившихъ весь строй русской государственной жизни. Тягостная крымская война, возгорѣвшаяся въ послѣдніе годы царствованія Николая I, закончилась въ 1856 г. парижскимъ миромъ. Извѣщая объ этомъ радостномъ событіи, молодой императоръ выразилъ въ манифестѣ руководящія цѣли своего управленія: „При помощи небеснаго Промысла, всегда благо-

дѣющаго Россіи, да утвердится и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ".

Первою и важнѣйшею заботою новаго царствованія было освобожденіе крестьянъ. Уже съ 1857 г. начались подготовительныя работы къ этому трудному и славному дѣлу. Императоръ Александръ II лично руководилъ этими работами, направляя ихъ къ скорѣйшему окончанію. Когда проектъ новаго законодательства о крестьянахъ былъ окончательно разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ, Александръ II, сознавая всю важность предпринимаемой мѣры, посѣтилъ 18 февраля 1861 г. Петропавловскій соборъ, и тамъ горячо молился предъ гробницею своего родителя Николая I, котораго также заботила мысль о переустройствѣ быта крестьянскаго сословія. На слѣдующій день, въ шестую годовщину восшествія Александра II на престолъ, „Положенія 19 февраля 1861 г." были торжественно обнародованы въ Петербургѣ. День этотъ былъ днемъ общаго ликованія. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ прочитанъ во всѣхъ церквахъ и на площадяхъ. Толпы народа наполняли улицы; знакомые и незнакомые радостно привѣтствовали другъ друга. Простой народъ цѣлый день тѣснился въ храмахъ, принося благодареніе Богу. На Дворцовой площади народная толпа ожидала проѣзда государя, и при появленіи его люди бросались на

колѣни, встрѣчая и провожая его благословеніями. Но ни малѣйшаго безпорядка не произвелъ освобожденный народъ: всѣ понимали великое значеніе событія, и относились къ нему съ тихимъ молитвеннымъ благоговѣніемъ.

И. А. Крыловъ.

Освобожденіе крестьянъ было только первою мѣрою въ ряду другихъ обширныхъ преобразованій. Въ ближайшіе годы послѣдовало учрежденіе новаго гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ уголовнымъ, создано

было земство, измѣнены условія печати, причемъ впервые допущены изданія безъ предварительной

А. С. Пушкинъ.

цензуры, преобразовано городское общественное управленіе, и введена всеобщая воинская повинность. Къ тому же времени относятся и другія

важныя мѣры правительства: учрежденіе женскихъ гимназій, городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, пересмотръ уложенія о наказаніяхъ, преобразованіе городской полиціи и пр.

Въ ряду этихъ мѣръ, для насъ особенный интересъ представляетъ новое городовое положеніе 1870 г., такъ какъ имъ созданы нынѣшніе порядки городского управленія и положено начало быстрому развитію городскихъ училищъ въ Петербургѣ.

Еще съ 60-хъ годовъ дѣятельность петербургской думы, составленной по городовому положенію 1846 года, замѣтно оживилась подъ вліяніемъ пробудившагося интереса къ общественнымъ дѣламъ. Дума трудилась надъ приведеніемъ въ лучшій порядокъ своихъ доходовъ, хлопотала о сложеніи съ города такихъ расходовъ, которые не имѣютъ отношенія къ городскому хозяйству, обнаруживала заботы о расширеніи очень скудныхъ тогда средствъ къ начальному и ремесленному образованію—между прочимъ постановила учредить ремесленное училище имени скончавшагося въ 1865 году цесаревича Николая. Въ 1866 г., когда Петербургъ снова посѣтила страшная гостья — холера, думѣ пришлось обратить вниманіе на неудовлетворительное санитарное состояніе города. По свѣдѣніямъ гласныхъ, трубы для вывода нечистотъ нерѣдко вводились въ водосточныя трубы, дворы въ домахъ были завалены нечистотами, лѣстницы пропитаны зловоніемъ, на рынкахъ и въ скотобойняхъ замѣчались грязь и смрадъ. Торговая полиція, наблюдавшая за свѣжестью съѣстныхъ припасовъ, была безсильна что нибудь сдѣлать; осмотры рабочихъ помѣщеній производились рѣдко

и поверхностно. Въ виду ожидавшейся холеры, дума признавала необходимымъ очистить городъ насколько возможно, и отпустила для этой цѣли 100 тысячъ рублей. Усиліями окружныхъ попечителей изъ среды гласныхъ выполненъ былъ въ короткое время рядъ санитарныхъ мѣръ: вычищены подземныя трубы, приведены въ порядокъ рынки и страшно запущенная Сѣнная площадь, открыты водоемы невской воды, устроены въ разныхъ частяхъ города холерныя больнички. Всѣ эти заботы городского управленія признаны были настолько полезными, что городское общество удостоилось получить высочайшую благодарность „за труды по прекращенію развитія холеры въ Петербургѣ".

Но чѣмъ яснѣе выражалось оживленіе въ дѣятельности думы, тѣмъ сильнѣе сказывались недостатки городового положенія 1846 г., предоставлявшаго этой дѣятельности очень мало простора и самостоятельности. Необходимость поставить городское общественное управленіе на новыхъ основаніяхъ сознавалась съ начала 60-хъ годовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ указывало на „необходимость принятія самими обществами болѣе заботливаго участія въ собственныхъ дѣлахъ своихъ, такъ какъ правительство не можетъ постоянно нести на себѣ бремя заботъ о всѣхъ потребностяхъ городовъ, общества которыхъ сами должны имѣть попеченіе о своихъ интересахъ и нуждахъ". Во всѣхъ городахъ Россіи созваны были коммисіи для обсужденія вопроса о переустройствѣ городского управленія. Пользуясь доставленными этими коммисіями соображеніями и свѣдѣніями, министерство внутреннихъ дѣлъ выработало въ 1864 году проектъ новаго городового положенія, кото-

рый, послѣ многихъ измѣненій и дополненій, былъ Высочайше утвержденъ 16 іюня 1870 г.

Основная черта этого положенія — отсутствіе дѣленія городского общества по сословіямъ. Въ составъ общества входитъ всякій обыватель, если онъ русскій подданный, достигъ 25 лѣтъ, и обладаетъ въ городѣ недвижимою собственностью или занимается торгомъ или промысломъ. Всѣ такія лица, безъ различія званій, являются избирателями. Они составляютъ три разряда, сообразно размѣрамъ платимыхъ ими городскихъ сборовъ, причемъ каждый разрядъ выбираетъ одинаковое количество представителей, т. е. гласныхъ. Каждый избиратель можетъ быть выбранъ въ гласные. Число гласныхъ для Петербурга опредѣлено въ 252, по 84 отъ каждаго разряда. Они избираются на 4 года и составляютъ думу подъ предсѣдательствомъ городского головы. Городской голова утверждается высочайшею властью изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ думою. На мѣсто прежней распорядительной думы, дума избираетъ управу, число членовъ которой опредѣляется думой. Управа вѣдаетъ текущія дѣла, „согласно правиламъ и указаніямъ, преподаваемымъ городскою думою".

Дума, управа и городской голова составляютъ городское общественное управленіе. Этому управленію предоставляются „попеченія и распоряженія по городскому хозяйству и благоустройству". Строительное дѣло и начальное образованіе переходятъ въ завѣдываніе города. Городскіе расходы дѣлятся на обязательные и необязательные. Къ первымъ относятся: содержаніе городского общественнаго управленія, мировыхъ учрежденій, полиціи, пожарной команды, тюремъ, уплата по го-

родскимъ займамъ, содержаніе улицъ, площадей, садовъ, памятниковъ и пр. Къ необязательнымъ относятся расходы „на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ не противные".

Въ срокъ, опредѣленный думою, управа составляетъ смѣту городскихъ доходовъ и расходовъ. Дума разсматриваетъ и утверждаетъ смѣту, указывая и самый способъ той или другой хозяйственной операціи.

Надзоръ за законнымъ исполненіемъ городскими учрежденіями ихъ обязанностей возлагается въ Петербургѣ на градоначальника. Всякія дѣла о незаконности постановленій думы разсматриваются нарочно учрежденнымъ для того присутствіемъ по городскимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ градоначальника.

Такимъ образомъ, кромѣ отмѣны прежняго сословнаго характера городскихъ учрежденій, основною чертою городового положенія 1870 г., дѣйствующаго съ нѣкоторыми измѣненіями и въ настоящее время, является предоставленіе общественному управленію гораздо большей самостоятельности, чѣмъ дано было жалованною грамотою Екатерины II и положеніемъ 1846 г. Дума становится уже до извѣстной степени хозяиномъ города, заботится о повышеніи городскихъ доходовъ, и можетъ сама производить расходы на общеполезныя для города цѣли. Строительное дѣло, благоустройство, санитарныя мѣропріятія, больницы, богадѣльни, начальное образованіе, надзоръ за торговлей, ремесленными заведеніями, способами уличнаго передвиженія—все это входитъ въ кругъ вѣдѣнія городскихъ учрежденій, открывая имъ

возможность заботиться о приведенiи городского хозяйства и благоустройства въ возможно лучшій видъ.

Такъ какъ, при обнародованiи положенія 1870 года, тогдашнему составу думы оставалось еще два года до выборовъ, то новое положенiе введено было въ дѣйствіе только въ 1873 году. Въ январѣ происходили выборы гласныхъ, а 20 февраля открылась дума въ составѣ 252 гласныхъ. 9 марта былъ утвержденъ избранный ими первый по новому положенiю петербургскій городской голова, купецъ Погребовъ.

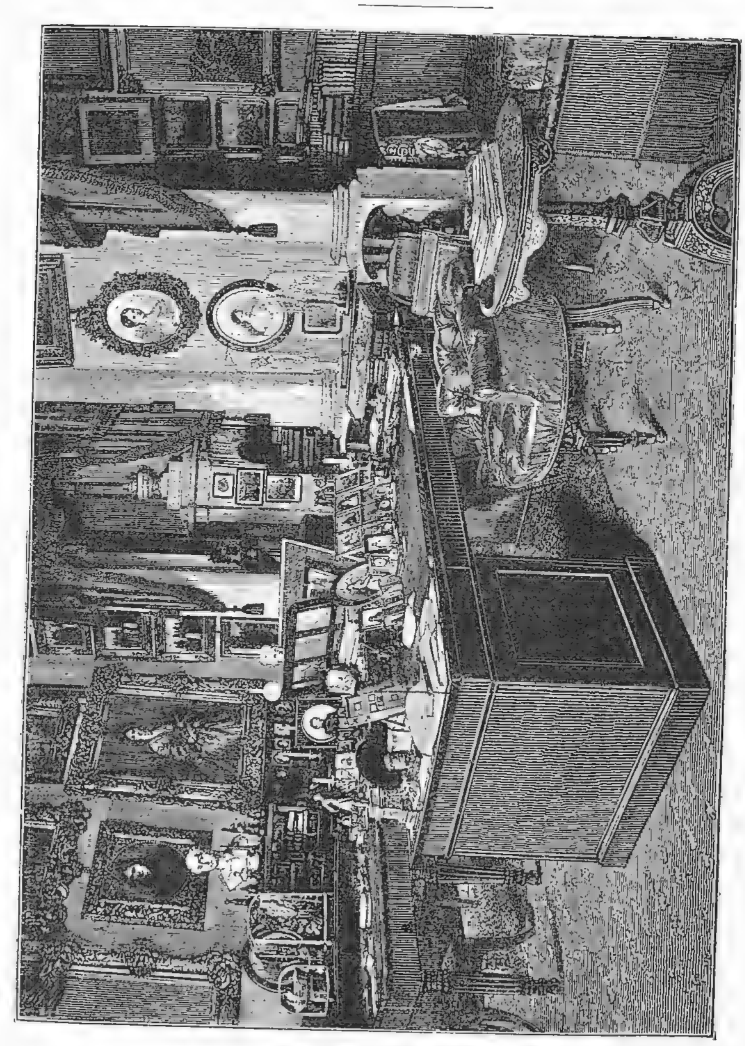
Расширенная дѣятельность новаго общественнаго управленія отразилась въ первые же годы на многихъ сторонахъ столичнаго хозяйства: распространенiи газоваго освѣщенія и водопроводной сѣти (послѣдняя современемъ была выкуплена городомъ), улучшенiи мостовыхъ, устройствѣ санитарной и больничной части и пр. Особенное же значенiе представляютъ заботы городского управленія о народномъ образованiи. По ходатайству думы учрежденъ былъ особый для города училищный совѣтъ, и всѣ начальныя школы министерства народнаго просвѣщенія переданы были въ 1877 г. въ завѣдываніе города. Для направленія школьнаго дѣла дума учредила училищную коммисію, усиліями которой дѣло народнаго образованія въ Петербургѣ было быстро подвинуто впередъ.

Къ 1881 году было открыто думою 72 новыя школы, такъ что общее число начальныхъ училищъ достигло 56 мужскихъ и 32 женскихъ, кромѣ 8 воскресныхъ школъ. Въ слѣдующіе два года открыто еще 40 школъ, въ 1883 г. 25 школъ, въ 1884 г. 27 школъ, такъ что въ концѣ того года

общее число школъ достигло 183. Далѣе число школъ продолжало быстро возрастать, и въ 1902 году достигло цифры, почти удовлетворяющей потребности всеобщаго обученія. Независимо отъ того, дума отпускала и продолжаетъ отпускать значительныя суммы на стипендіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на содержаніе ремесленнаго училища въ память цесаревича Николая, на пособія частнымъ профессіональнымъ училищамъ и т. д.

Большое развитіе получила также дѣятельность думы по больничной части, въ особенности съ 1877 года, когда въ Петербургѣ сильно развилась эпидемія тифа. Въ виду переполненія больницъ, дума открыла нѣсколько временныхъ въ частныхъ помѣщеніяхъ, и ходатайствовала о передачѣ ей вообще городскихъ больницъ, кромѣ военныхъ госпиталей и клиникъ.

Въ связи съ санитарными мѣрами явилось также устройство скверовъ на городскихъ площадяхъ. Между прочимъ, устроены были обширные скверы на Дворцовой и Сенатской площадяхъ, соединенные потомъ въ Александровскій садъ, Екатерининскій скверъ предъ Александринскимъ театромъ, Исаакіевскій и Чернышевъ скверы, и др. Здѣсь же кстати будетъ упомянуть, что успѣхамъ городского благоустройства значительнѣйшимъ образомъ содѣйствовало преобразованіе городской полиціи. Въ царствованіе Александра II внѣшняя полицейская служба въ Петербургѣ поставлена была на совершенно новыхъ основаніяхъ. Заботы правительства были направлены къ тому, чтобы привлечь къ этой службѣ достойныхъ и способныхъ лицъ, преимущественно изъ военнаго званія, и повысить уваженіе и довѣріе къ полиціи со стороны городского

Рабочій кабинетъ Императора Александра II въ Зимнемъ дворцѣ.

населенія. Съ этою цѣлью содержаніе полицейскихъ чиновъ было много увеличено, также какъ и число ихъ; порядокъ службы совершенно измѣненъ; исчезли прежнія полосатыя будки, будочники

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II.

Императоръ Александръ II у гроба Николая I наканунѣ 19 февраля 1861 г.

съ алебардами и квартальные надзиратели; постовые городовые разставлены въ открытыхъ мѣстахъ, среди улицъ, и вообще полицейскому надзору придана подвижность и осмысленность.

VII.

Важнѣйшія сооруженія временъ императора Александра II. — Памятники Крылову, Николаю I, Екатеринѣ II. — Литература и искусство.

Хотя главнѣйшія заботы царствованія Александра II направлены были къ государственному переустройству имперіи, но въ то же время сдѣлано было весьма много для наружнаго благоустройства и украшенія Петербурга. Такія замѣчательныя сооруженія, какъ Александровскій мостъ черезъ Неву, нѣсколько важныхъ желѣзнодорожныхъ линій, связавшихъ Петербургъ съ Варшавой, прибалтійскими губерніями, Финляндіей и заграницей, постройка частными обществами сѣти конножелѣзныхъ дорогъ въ городѣ, и многія другія предпріятія, въ сильной степени способствовали развитію столицы. Развитіе это выразилось въ возростаніи населенія, которое по переписи 1869 года достигло 668 тысячъ чел., и по переписи 1881 года 861 тысячъ; въ проложеніи новыхъ улицъ и усиленной обстройкѣ старыхъ, умноженіи числа фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній, оживленіи городской торговли и средствъ сообщенія.

Важнѣйшія сооруженія, относящіяся къ царствованію Александра II, имѣютъ по преимуществу общеполезный характеръ. Таковы напримѣръ:

каменный постоянный мостъ черезъ Неву, отъ Литейнаго проспекта на Выборгскую сторону; желѣзно-дорожные вокзалы варшавскій и балтійскій; перестройка гостинаго двора на Невскомъ проспектѣ и „соляного городка“, предназначеннаго для промышленныхъ выставокъ, публичныхъ чтеній и курсовъ, и пр.

Число петербургскихъ дворцовъ увеличилось великолѣпнымъ зданіемъ на Дворцовой набережной, принадлежащимъ великому князю Владиміру Александровичу и отличающимся изящной простотой фасада и обиліемъ вкуса во внутренней отдѣлкѣ; бывшимъ дворцомъ великаго князя Николая Николаевича на Конногвардейскомъ бульварѣ, обращеннымъ потомъ въ Ксеніевскій женскій институтъ; дворцомъ великаго князя Алексѣя Александровича, и др.

Къ числу большихъ сооруженій того же времени принадлежитъ Маріинскій театръ, выстроенный въ 1860 г. по плану архитектора Кавоса, на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго театра, передѣланнаго изъ цирка. Маріинскій театръ предназначался для русскихъ оперныхъ и драматическихъ представленій, и открытъ былъ оперою Глинки „Жизнь за царя“.

Нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ также украсили Петербургъ въ царствованіе Александра II. Первымъ по времени является хорошо знакомый дѣтскому населенію столицы памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду. Надъ нимъ работалъ, по повелѣнію императора Николая I, скульпторъ баронъ Клодтъ, тотъ самый, который отливалъ конныя статуи на Аничковомъ мосту; но при жизни Николая I памятникъ не успѣли поставить, и от-

крытіе его совершилось 14 мая 1855 г. Безсмертный баснописецъ изображенъ сидящимъ въ наклоненной позѣ, съ книгою въ рукахъ. По всѣмъ сторонамъ пьедестала изъ чернаго сердобольскаго гранита помѣщены бронзовые горельефы, содержаніе которыхъ взято изъ басенъ Крылова. Такимъ образомъ дѣти, которымъ такъ близокъ „дѣдушка Крыловъ", играя въ саду, встрѣчаютъ тутъ хорошо знакомые имъ образы—и проказницу мартышку, и косолапаго Мишку, и хитрую лису, и другихъ героевъ неистощимаго баснописца. Памятникъ обошелся въ 40 тысячъ руб.

Въ 1859 г. на Маріинской площади поставлена была конная бронзовая статуя императора Николая I. Надъ этимъ памятникомъ трудились лучшій архитекторъ и лучшій скульпторъ того времени, Монферранъ и баронъ Клодтъ; первый строилъ пьедесталъ, но умеръ за годъ до его постановки, второй отливалъ фигуру Николая I, въ кавалергардскомъ мундирѣ, верхомъ на конѣ. Вышина статуи 8 аршинъ; въ превосходно переданномъ движеніи лошади и посадкѣ всадника высказался замѣчательный талантъ Клодта. Пьедесталъ красивой округлой формы, облицованъ мраморомъ. По угламъ четыре бронзовыя сидячія фигуры: Вѣры, Мудрости, Силы и Правосудія; ихъ дѣлалъ художникъ Залеманъ. Между этими фигурами четыре барельефа художника Рамазанова, изображающіе событія изъ жизни Николая I: усмиреніе бунта 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, обращеніе къ народу во время холерныхъ безпорядковъ 1831 г. на Сѣнной площади, возложеніе Николаемъ I андреевской звѣзды на гр. Сперанскаго за составленіе свода законовъ, и осмотръ импера-

торомъ веребьевскаго моста на петербургско-московской желѣзной дорогѣ въ 1852 г.

На смѣну Монферрану и бар. Клодту выступилъ вскорѣ молодой, даровитый русскій художникъ Микѣшинъ, поставившій въ 1862 г. въ Новгородѣ памятникъ тысячелѣтію Россіи. Ему было поручено сооруженіе самаго большого изъ петербургскихъ памятниковъ — императрицѣ Екатеринѣ II, на площади предъ Александринскимъ театромъ. Проектъ, со всѣми подробностями, принадлежитъ Микѣшину. Площадь памятника занимаетъ 27 саженъ въ окружности, высота—7 саж. Основаніемъ служатъ цѣльныя гранитныя ступени, соединенныя безъ желѣзныхъ скрѣпленій и положенныя на фундаментѣ изъ 4-саженныхъ свай. Надъ ступенями утвержденъ 5-саженный пьедесталъ, составленный изъ гранитныхъ частей трехъ оттѣнковъ: темно-краснаго, темно-сѣраго и свѣтло-сѣраго. Императрица Екатерина представлена въ царственной порфирѣ. Вокругъ пьедестала расположены девять бронзовыхъ фигуръ ея сподвижниковъ: Румянцева, Потемкина, Суворова, Державина, Дашковой, Безбородко, Бецкаго, Чичагова и Орлова-Чесменскаго. Памятникъ открытъ 24 ноября 1873 г.

Въ томъ же году поставленъ на Васильевскомъ острову, передъ зданіемъ морского училища, памятникъ адмиралу Крузенштерну, прославившемуся кругосвѣтнымъ плаваніемъ, обогатившимъ науку многими открытіями. Бронзовая статуя адмирала возвышается на гранитномъ пьедесталѣ.

При прокладкѣ Пушкинской улицы, въ разбитомъ среди нея скверѣ поставленъ бронзовый бюстъ Пушкина.

Русское искусство, сдѣлавшее въ царствованіе Александра II значительные успѣхи, обогатилось прекраснымъ зданіемъ общества поощренія художниковъ въ Большой Морской, съ музеемъ прикладныхъ искусствъ, составленнымъ писателемъ Григоровичемъ, и съ обширными залами для художественныхъ выставокъ. Для музыкальнаго образованія учреждена, при содѣйствіи великаго князя Константина Николаевича, консерваторія.

Эрмитажъ и галлереи академіи художествъ продолжали обогащаться художественными сокровищами. Важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ Эрмитажа была мадонна Рафаэля, купленная въ 1871 г. за 320 тысячъ франковъ.

Петербургъ съ честью занималъ свое передовое положеніе среди русскихъ городовъ, продолжая быть не только центромъ правительственной дѣятельности, но и центромъ литературнымъ, артистическимъ, научнымъ. Онъ неизмѣнно привлекалъ къ себѣ молодыя силы, съ блескомъ выступавшія на поприщѣ литературы, журналистики и искусствъ. Поэты Майковъ, Некрасовъ, Полонскій постоянно жили въ Петербургѣ; Гончаровъ, Достоевскій, Салтыковъ, позднѣйшіе писатели 60-хъ и 70-хъ годовъ, также большую часть своей литературной дѣятельности отдавали Петербургу. Тургеневъ, хотя и жилъ большею частью заграницею, часто посѣщалъ нашу столицу и принадлежалъ къ ея литературному кружку. Даровитѣйшіе художники того времени: Рѣпинъ, Крамской, Маковскій, Якобій, Лагоріо, и др., также какъ знаменитый композиторъ и піанистъ Рубинштейнъ, авторы многихъ оперъ Сѣровъ, Даргомыжскій и пр. — въ такой же степени принадлежали Петербургу. Ожи-

вленіе періодической печати, наставшее съ конца 50-хъ годовъ и въ особенности съ изданіемъ новыхъ законовъ о печати въ 1865 г., въ свою очередь много возвысило значеніе Петербурга, какъ центра умственной и общественной жизни страны.

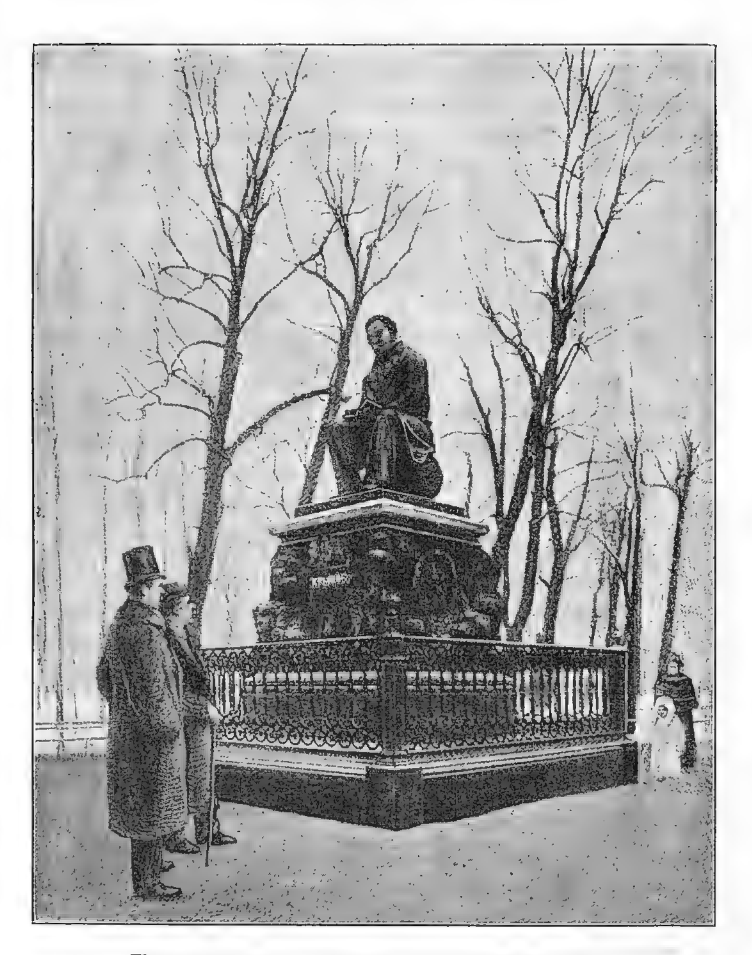
VIII.

Петербургскія событія царствованія Александра II.—Злодѣяніе 1 марта 1881 г.

Богатое преобразованіями во всѣхъ областяхъ государственной жизни, царствованіе Александра II было вмѣстѣ съ тѣмъ полно событіями, глубоко волновавшими не только петербургское общество, но и народную толпу. Петербургъ былъ много разъ свидѣтелемъ высокихъ патріотическихъ и народныхъ чувствъ, радостныхъ или горестныхъ, овладѣвавшихъ всѣми слоями населенія.

Мы уже знаемъ, какъ принято было столицею великое дѣло освобожденія крестьянъ. Цѣлый рядъ быстро послѣдовавшихъ другихъ преобразованій, клонившихся къ лучшему переустройству имперіи, поддерживалъ въ обществѣ и въ народѣ настроеніе, исполненное радостной признательности и свѣтлыхъ надеждъ. Но неожиданно разразились событія, повергшія столицу въ горесть и смятеніе.

Въ началѣ 1865 г. обнаружились опасные признаки въ здоровьѣ наслѣдника цесаревича, Николая Александровича. Болѣзнь не уступала леченію, и великаго князя перевезли въ Ниццу, теплый климатъ которой могъ быть ему полезенъ. Но злой недугъ быстро развивался, не уступая усиліямъ

Памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду.

лучшихъ европейскихъ врачей, въ томъ числѣ знаменитаго хирурга Наполеона III, Нелатона. 12 апрѣля цесаревичъ скончался, окруженный поспѣшившею прибыть къ нему августѣйшею семьею. Вѣсть объ этой горестной утратѣ тяжело пора-

Памятникъ Императору Николаю I.

зила всю Россію. Одинъ изъ современниковъ, имѣвшій возможность лично оцѣнить высокія душевныя качества скончавшагося царственнаго юно-

ши, такъ отозвался на роковую вѣсть: „Мы оплакиваемъ въ эти минуты смерть, въ которой заключались тысячи смертей: умиралъ не только человѣкъ, умирала юность, умирала красота, умирала первая едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды милліоновъ добрыхъ людей, умиралъ идеалъ высокаго, справедливаго, благороднаго“.

Спустя годъ, Петербургъ былъ потрясенъ другимъ событіемъ. 4 апрѣля 1866 года императоръ Александръ II, выходя послѣ обычной прогулки изъ Лѣтняго сада, со стороны Дворцовой набережной, едва не сдѣлался жертвой злодѣйскаго покушенія. Въ немногочисленной толпѣ, находившейся у рѣшетки сада, нѣкто Каракозовъ направилъ на государя пистолетъ и выстрѣлилъ. Къ счастью, стоявшій подлѣ мастеровой Комисаровъ, уроженецъ Костромской губерніи, замѣтивъ умыселъ злодѣя, толкнулъ его подъ руку, и гнусное покушеніе было предотвращено. Преступникъ немедленно былъ схваченъ.

Вѣсть объ этомъ событіи, съ быстротою молніи разнесшаяся по городу, подняла всѣхъ на ноги. Толпы народа запрудили улицы и площади; хотѣли знать подробности, хотѣли удостовѣриться, что Промыслъ Божій отвратилъ несчастье. Въ храмахъ, передъ часовнями, служили благодарственные молебны; пѣніе народнаго гимна раздавалось всюду. Вечеромъ въ театрахъ потрясенная публика не уставала требовать исполненія гимна. Нѣсколько дней кряду появленіе государя въ публичныхъ мѣстахъ подавало поводъ народу къ восторженнымъ изъявленіямъ радости по случаю чудеснаго избавленія царя отъ грозившей опасности. Ремесленникъ Комисаровъ, пожалованный

въ дворянское званіе, сдѣлался героемъ Петербурга и предметомъ шумныхъ чествованій, въ которыхъ принимали участіе всѣ слои населенія.

Маріинскій театръ.

Поэтъ Майковъ отозвался на событіе стихами:

Все, что въ груди ёсть русскаго у насъ—
Оскорблено! Уста молчатъ, нѣмѣя
Отъ ужаса! Рукой безвѣстнаго злодѣя
Едва святая кровь царя не пролилась...
Царя—блюстителя строжайшаго законовъ.
И гдѣ же? Между насъ, среди своей семьи...
Царя—строителя земли,
Освободителя милльоновъ!

Въ память событія 4 апрѣля 1865 г. на мѣстѣ его, подлѣ воротъ Лѣтняго сада, поставлена изящная мраморная часовня, предназначенная свидѣтельствовать вѣкамъ о неслыханномъ злодѣйствѣ и о чудесной благости Промысла.

Еще ранѣе покушенія Каракозова, враги существующаго порядка пытались произвести смуту въ странѣ, вызвавъ въ Петербургѣ грозное бѣдствіе—пожары. Въ срединѣ мая 1862 г. ежедневно огонь вспыхивалъ то тамъ, то здѣсь, такъ что пожарные съ трудомъ могли поспѣвать съ помощью въ разныя части города. 28 мая, въ праздникъ св. Духа, въ пять часовъ дня огонь показался въ одной изъ лавокъ Апраксина двора, и въ короткое время охватилъ огромное пространство. Сильный вѣтеръ и скученность построекъ содѣйствовали распространенію пожара; вскорѣ весь Апраксинъ и Щукинъ дворы, съ прилегающими кварталами, были объяты пламенемъ. Сгорѣло до 6 тысячъ лавокъ, и убытки отъ этого страшнаго бѣдствія высчитывались въ десятки милліоновъ. Правительство и общественная благотворительность оказывали потомъ широкую помощь несчастнымъ погорѣльцамъ.

Съ 1876 г. вниманіе всей Россіи, а также и Петербурга, было приковано къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Страданія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ сербовъ и болгаръ, терпѣвшихъ вѣковыя притѣсненія отъ турокъ, глубоко волновали русское общество и даже простой русскій народъ. Когда Сербія взялась за оружіе, и во всей Россіи начались сборы пожертвованій для помощи балканскимъ славянамъ, Петербургъ и Москва сдѣлались главными центрами, откуда направлялись въ Сербію всякаго рода пособія, а затѣмъ и добровольцы, желавшіе жертвовать своею кровью для защиты маленькаго сербскаго государства. Все населеніе Петербурга принимало горячее участіе въ дѣятельности славян-

скаго комитета, завѣдывавшаго помощью славянамъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за военными дѣйствіями, руководство которыми принялъ на себя генералъ М. Г. Черняевъ. Въ театрахъ и концертныхъ залахъ устраивались спектакли и вечера въ пользу турецкихъ славянъ; телеграммы изъ за Дуная раскупались на улицахъ, возбуждая всеобщій страстный интересъ.

Патріотическое одушевленіе, охватившее столицу, возросло еще болѣе, когда для Россіи насталъ часъ вмѣшаться въ балканскія дѣла и выступить могущественной защитницей угнетенныхъ славянъ. Освободительная война 1877—1878 гг. осталась навсегда памятной для Петербурга чрезвычайнымъ подъемомъ національнаго чувства. Весь городъ, съ его милліоннымъ населеніемъ, жилъ извѣстіями съ театра войны, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ выступила за Дунай гвардія, оставившая здѣсь столько встревоженныхъ родныхъ сердецъ. Насколько въ этомъ общемъ возбужденіи участвовали всѣ слои городского населенія, съ поразительною силою сказалось въ ноябрскіе дни 1878 г., когда получены были радостныя извѣстія о взятіи Карса (6 ноября) и о паденіи Плевны и плѣнѣ Османа со всею его арміей (28 ноября). Въ эти дни къ вечеру, когда зажжена была иллюминація, несмѣтныя народныя толпы наполнили главныя улицы столицы. На Невскомъ остановлено было движеніе экипажей, и во всю ширину и длину его покрыла ликующая толпа. Крики: „ура!“, пѣніе народнаго гимна, раздавались по всему проспекту до поздняго часа ночи.

Между тѣмъ враги существующаго порядка, въ своей безсмысленной злобѣ, подготовляли событіе,

которымъ горестно закончилось славное царствованіе Александра II. Къ стыду русскаго общества, среди него существовали никому невѣдомые предатели, неустанно преслѣдовавшіе Царя Освободителя безумными злоумышленіями. Послѣ покушенія Каракозова слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ преступныхъ покушеній, становившихся все болѣе дерзкими, и наконецъ 1 марта 1881 г., черезъ годъ послѣ радостно отпразднованнаго всею Россіей 25-лѣтія царствованія, разразилось ужасное злодѣяніе, прервавшее жизнь Александра II.

Въ этотъ день, пришедшійся въ воскресенье первой недѣли великаго поста, государь ѣхалъ въ каретѣ въ часъ пополудни изъ Михайловскаго дворца въ Зимній, по набережной Екатерининскаго канала. Вдругъ, близъ Конюшеннаго моста, подъ карету брошенъ былъ разрывной снарядъ. Кузовъ кареты былъ разбитъ. Императоръ Александръ, сохраняя полное присутствіе духа, вышелъ на покрытую снѣгомъ мостовую, чтобы освѣдомиться о положеніи сопровождавшихъ его лицъ. Въ это время злодѣйская рука бросила къ его ногамъ второй снарядъ, тотчасъ же разорвавшійся. Этимъ взрывомъ государю нанесено было множество ранъ.

Преступникъ, оказавшійся Рысаковымъ, былъ тотчасъ же схваченъ.

Истекавшаго кровью государя уложили въ сани и отвезли въ Зимній дворецъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Такъ совершилось злодѣяніе, равнаго которому по гнусности и дерзости нельзя указать во всей русской исторіи. Петербургъ, въ стѣнахъ котораго разыгралось это страшное событіе, былъ потрясенъ. Безмолвный ужасъ негодованія и скорби стоялъ надъ городомъ.

На мѣстѣ, обагренномъ кровью Царя-Мученика, воздвигнутъ храмъ Воскресенія Христова, по рисунку архитектора Парланда, въ русско-византійскомъ стилѣ, съ чрезвычайно красивымъ сочетаніемъ эмальированныхъ разноцвѣтныхъ куполовъ. Храмъ этотъ въ настоящее время доканчивается отдѣлкой.

IX.

Успѣхи петербургскаго благоустройства въ царствованіе императора Александра III. — Городовое положеніе въ 1892 года.

Дѣятельность городскихъ общественныхъ учрежденій продолжала развиваться и въ царствованіе императора Александра III. Главными предметами заботъ было больничное и санитарное дѣло, а также расширеніе средствъ для начальнаго народнаго образованія. Въ области врачебнаго благоустройства дума пользовалась дѣятельною помощью величайшей медицинской знаменитости того времени, профессора С. П. Боткина, и ей удалось достигнуть весьма значительныхъ успѣховъ.

Послѣ тяжелаго тифознаго 1879 г. городскіе врачи убѣдились, что больничныя помѣщенія, открываемыя временно въ частныхъ домахъ, не достигаютъ цѣли, и потому предположено было устроить на окраинахъ города постоянные бараки, для начала на 500 кроватей. Эти бараки открыты были на Александровскомъ плацу въ 1882 г. На постройку ихъ было израсходовано до 400 т. руб., а на содержаніе положено отпускать до 125 тыс. ежегодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе пріобрѣтала сторонниковъ мысль о своевременности пере-

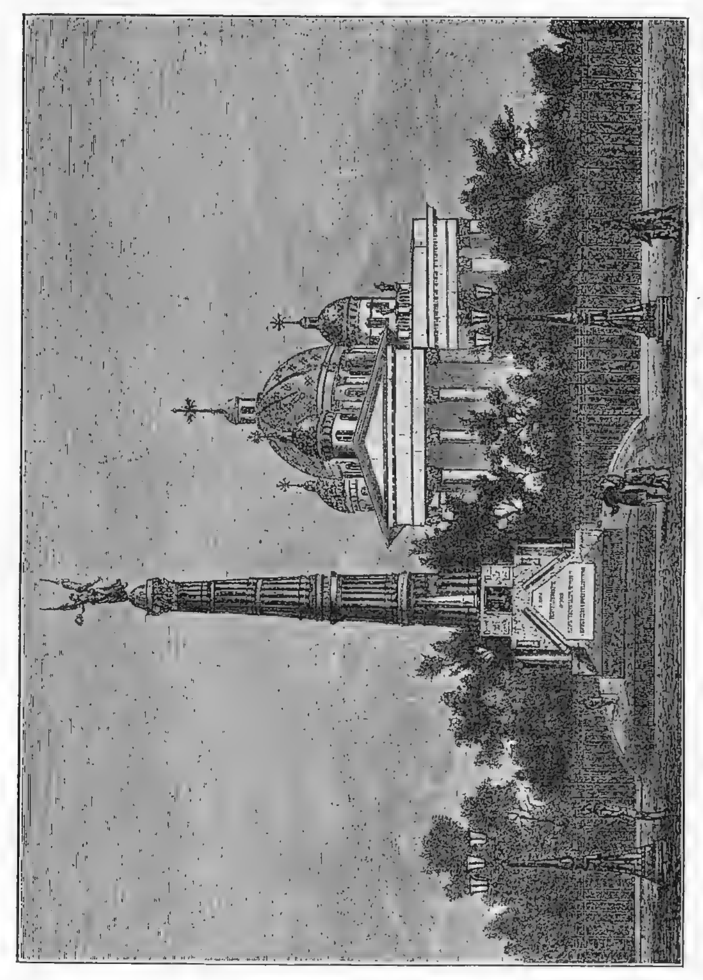
дать въ завѣдываніе думы все вообще больничное устройство въ городѣ. Въ 1881 г. дума, обсудивъ этотъ вопросъ, поручила учрежденной при ней

Памятникъ Екатеринѣ II.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III.

Памятникъ Славы и соборъ св. Троицы.

исполнительной коммисіи общественнаго здравія изслѣдовать санитарное состояніе всѣхъ больничныхъ и богадѣленныхъ зданій, и подготовить весь необходимый матеріалъ для этихъ заведеній; поруче-

ніе это было исполнено въ 1883 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ дума постановила ходатайствовать о передачѣ на ея содержаніе всѣхъ гражданскихъ больницъ и богадѣленъ, которыми завѣдывалъ особый попечительный совѣтъ. При разсмотрѣніи этого ходатайства въ канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи, главноуправляющій канцеляріей нашелъ передачу больничныхъ учрежденій городу единственнымъ исходомъ изъ ихъ неудовлетворительнаго состоянія. Онъ выразилъ мнѣніе, что городъ, тратя на эти больницы двѣ трети всей суммы ихъ содержанія (820 т. руб.) имѣетъ права и на завѣдываніе ими, и полагалъ, что городское управленіе всего скорѣе можетъ достигнуть въ этомъ дѣлѣ необходимыхъ улучшеній. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой не оспаривалъ такого заключенія, и въ іюлѣ 1883 г. дума постановила принять въ завѣдыванье городского общественнаго управленія больницы и богадѣльню, ихъ зданія, обзаведеніе, имущество, дѣла и капиталы.

Самая передача состоялась 1 сентября 1884 г. Городу переданы были 6 больницъ и 1 богадѣльня, а затѣмъ и временныя больницы бывшей санитарной коммисіи, вмѣстѣ съ врачебно-санитарнымъ надзоромъ, состоявшимъ изъ 12 врачей, получавшихъ ранѣе содержаніе изъ казны.

Принявъ такимъ образомъ на себя попеченіе о санитарномъ и врачебномъ благоустройствѣ города, дума постепенно подготовляла рядъ мѣръ къ оздоровленію столицы, улучшала систему вывозки городскихъ отбросовъ, устройство кладбищъ, скотобоенъ, заботилась объ очисткѣ каналовъ, разведеніи новыхъ скверовъ и пр. Поставленъ былъ на очередь и весьма важный вопросъ о ка-

нализаціи, оставшійся, къ сожалѣнію, долгое время не рѣшеннымъ, въ виду очень большой стоимости этого предпріятія.

Снабженіе города чистой водой также было предметомъ заботъ городского управленія. Думѣ пришлось вступить въ пререканія съ акціонернымъ обществомъ петербургскихъ водопроводовъ, чѣмъ сильно замедлялось рѣшеніе этого дѣла. Послѣ настойчивыхъ усилій, думѣ удалось однако, сначала добиться устройства водопроводовъ въ зарѣчныхъ частяхъ города, а затѣмъ и выкупа всей водопроводной сѣти городомъ. Послѣ того дума могла уже свободно заняться улучшеніемъ водоснабженія, и устроить громадные фильтры, съ цѣлью возвысить чистоту получаемой изъ Невы воды.

Освѣщеніе городскихъ улицъ и площадей также постепенно улучшалось. Зарѣчныя части уже имѣли, какъ и незарѣчныя, газовое освѣщеніе. Въ 1879 г., съ постройкою новаго каменнаго моста черезъ Неву, дума постановила освѣщать его электричествомъ по способу изобрѣтателя, инженера Яблочкова. Три года спустя, въ 1882 г. электричествомъ стали освѣщать главныя улицы, сначала Невскій проспектъ между Полицейскимъ и Аничковымъ мостами, потомъ обѣ Морскія улицы, Дворцовую набережную съ площадью, часть Невскаго отъ Аничкова моста до Знаменской площади, наконецъ Фонтанку между Аничковымъ и Измайловскимъ мостами, Вознесенскій проспектъ и другія улицы.

Заботы объ улучшеніи санитарнаго состоянія столицы привели между прочимъ къ устройству многихъ скверовъ и садовъ. Особенныхъ расхо-

довъ потребовало разведеніе Александровскаго сада на мѣстѣ Адмиралтейскаго сквера и Сенатской площади, обошедшееся городу до 200 т. руб. Съ 1883 г. садъ этотъ сталъ украшаться бюстами знаменитыхъ русскихъ людей: Жуковскаго, Лермонтова, Глинки и др. Самый большой и замѣчательный изъ этихъ бюстовъ-памятниковъ поставленъ знаменитому путешественнику и изслѣдователю Средней Азіи, Пржевальскому. Большимъ изяществомъ отличается также биржевой скверъ, разбитый предъ зданіемъ биржи на Васильевскомъ острову.

Въ Лѣтнемъ саду дворцовымъ вѣдомствомъ разрѣшено было открытіе ресторана и электрическое освѣщеніе сада, но такъ какъ публика по вечерамъ вела себя тамъ не совсѣмъ порядочно, то черезъ нѣсколько лѣтъ ресторанъ былъ закрытъ, и садъ пересталъ освѣщаться.

Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ по благоустройству столицы въ царствованіе Александра III было закрытіе Лиговскаго канала и устройство на мѣстѣ его широкаго бульвара, обставленнаго прекрасными домами. Вытекая изъ стоячихъ прудовъ Таврическаго сада, Лиговка легко загнивала въ лѣтнее время и издавала зловонный запахъ. Дума признала необходимымъ, въ видахъ оздоровленія мѣстности, засыпать этотъ безполезный каналъ. Теперь на его мѣстѣ проходитъ одна изъ лучшихъ улицъ города.

Хотя такимъ образомъ городскія учрежденія, созданныя по положенію 1870 г., успѣшно развивали свою дѣятельность, но существенныя измѣненія, внесенныя въ устройство земскихъ учрежденій, потребовали пересмотра и городского устрой-

ства. Поэтому въ 1890 г. приступлено было къ составленію новаго городового положенія, а въ слѣдующемъ году законопроектъ былъ уже внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. 11 іюня 1892 г. проектъ былъ утвержденъ императоромъ Александромъ III.

Новое городовое положеніе, дѣйствующее съ нѣкоторыми измѣненіями и по настоящее время, во многомъ существенно отличается отъ положенія 1870 г. По новому положенію, правами городскихъ избирателей пользуются лица и учрежденія, владѣющія въ чертѣ города недвижимой собственностью стоимостью не менѣе 3 т. р., или же содержащіе торгово-промышленное предпріятіе, требующее свидѣтельства первой гильдіи. Лица духовнаго званія не участвуютъ непосредственно въ выборахъ и не могутъ быть гласными; ихъ представляетъ въ думѣ депутатъ отъ духовнаго вѣдомства. Совершенно по другимъ соображеніямъ, отъ участія въ городскомъ управленіи отстранены содержатели и сидѣльцы винныхъ лавокъ и питейныхъ домовъ (тогда эти заведенія принадлежали частнымъ лицамъ). Порядокъ городскихъ выборовъ существенно измѣненъ отмѣною выборовъ по разрядамъ. Всѣ избиратели составляютъ одно избирательное собраніе, которое, въ виду многочисленности избирателей, подраздѣляется на участки; въ каждомъ участкѣ могутъ быть выбраны въ гласные только тѣ, кто имѣетъ голосъ въ этомъ участкѣ. Передача голоса по довѣренности допускается только для лицъ хотя совершеннолѣтнихъ, но не достигшихъ 25 лѣтняго возраста, и для женщинъ; также неотдѣленный сынъ можетъ пользоваться по довѣренности голосомъ отца. Число гласныхъ не-

христіанъ, которое раньше могло достигать одной трети общаго состава, теперь ограничено было одной пятой частью; евреи вовсе лишены избирательныхъ правъ. Присутствіе по городскимъ дѣламъ разбираетъ всѣ жалобы на неправильности при выборахъ. Въ случаѣ избранія гласныхъ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ требуется, производятся новые выборы, а если и послѣ нихъ число избранныхъ гласныхъ окажется менѣе двухъ-третей установленнаго состава, то недостающее число пополняется лицами, состоявшими въ этомъ званіи въ предъидущемъ четырехлѣтіи, по старшинству полученныхъ ими избирательныхъ голосовъ. Полное число гласныхъ для Петербурга опредѣлено въ 160 чел., вмѣсто прежнихъ 250. Въ составъ думы введенъ предсѣдатель мѣстной уѣздной земской управы. Посѣщеніе думскихъ засѣданій сдѣлано обязательнымъ для гласныхъ; за непосѣщеніе засѣданій безъ уважительной причины положены: замѣчаніе, денежные штрафы и временное исключеніе изъ состава думы. Число очередныхъ засѣданій думы не можетъ превышать 24 въ годъ. Городской голова назначается высочайшею властью, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ; но думѣ предоставлено избирать двухъ кандидатовъ на эту должность. Всѣ должностныя лица, избираемыя думой, утверждаются градоначальникомъ. Составъ городской управы установленъ въ числѣ 6 членовъ. Городской голова, товарищъ его и члены управы считаются состоящими на государственной службѣ.

Таковы общія черты городового положенія 1892 г., которому въ прошломъ 1902 г. истекло первое десятилѣтіе.

Царствованіе императора Александра III, озна-

меновавшееся чрезвычайнымъ подъемомъ политической и государственной силы Россіи и быстрымъ хозяйственнымъ ростомъ страны, отразилось на Петербургѣ возрастаніемъ населенія, достигшаго 1 мил. 250 т., развитіемъ частнаго домостроительства и расширеніемъ городского бюджета, возросшаго до 15 милл. Изъ построекъ общественнаго значенія слѣдуетъ въ особенности отмѣтить сооруженіе храма Воскресенія въ память мученической кончины Александра II, и перестройку обветшавшаго зданія Большого театра въ зданіе Консерваторіи русскаго музыкальнаго общества. По обширнымъ размѣрамъ и прекрасному внутреннему устройству заслуживаетъ вниманія также зданіе военнаго собранія на углу Литейной и Кирочной улицъ, съ большими залами, комнатами для пріѣзжихъ военнослужащихъ, и пр.

Въ послѣдніе годы царствованія начало свою въ высшей степени полезную дѣятельность общество трезвости, задавшееся цѣлью доставить рабочему петербургскому населенію приличныя развлеченія, способныя отвлечь его отъ посѣщенія трактировъ и питейныхъ домовъ (впослѣдствіи уничтоженныхъ). Общество, пользуясь дѣятельнымъ покровительствомъ его императорскаго высочества принца А. П. Ольденбургскаго, устроило народный театръ въ Таврическомъ саду, затѣмъ еще нѣсколько театровъ въ частяхъ города, по преимуству населенныхъ рабочими. Въ тоже время общество дешевыхъ столовыхъ устроило общедоступный театръ на Васильевскомъ островѣ.

Наряду съ тѣмъ развивалось быстрыми шагами дѣло начальнаго народнаго образованія, поступившее съ 1877 г. въ завѣдываніе городского об-

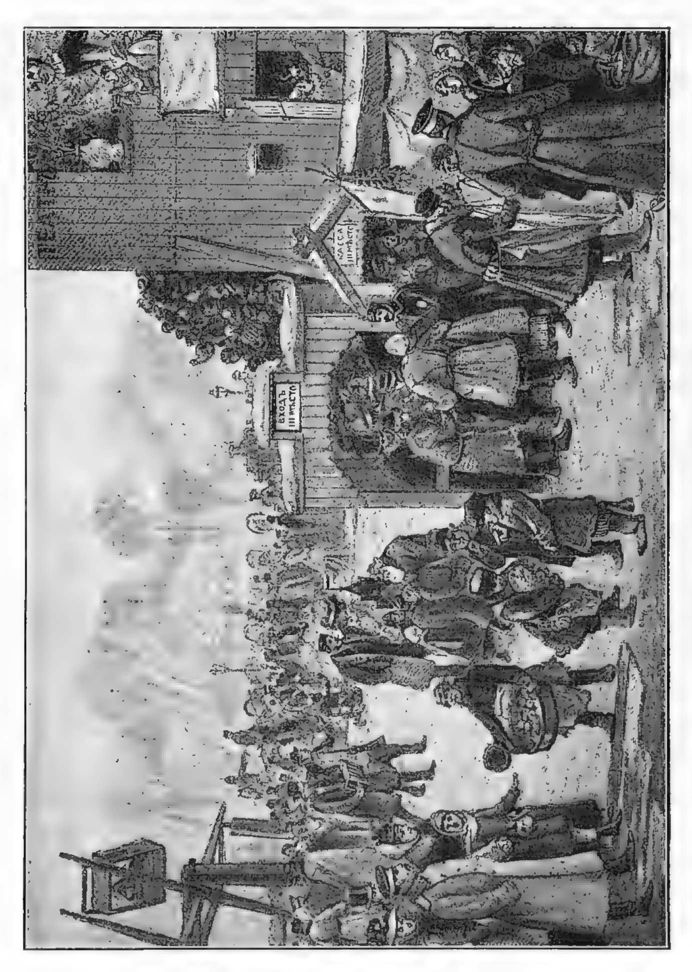
щественнаго управленія. Въ началѣ 1881 г. въ Петербургѣ было всего 88 начальныхъ училищъ, при 4 т. учашихся; въ 1894 г., въ годъ кончины Александра III, число школъ возросло уже до 320, а число учащихся въ нихъ, до 16.668. Блестящая постановка этого дѣла является важнѣйшей заслугой столичной думы и состоящей при ней училищной коммисіи.

Консерваторія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества.

Въ царствованіе Александра III Петербургу довелось впервые принять участіе въ одномъ изъ самыхъ счастливыхъ дѣлъ его внѣшней политики— установленіи дружественнаго сближенія, а затѣмъ и союза между Россіей и Франціей. Мы говоримъ о памятныхъ дняхъ посѣщенія Кронштадта французской военной эскадрой подъ начальствомъ контръ-адмирала Жервэ. Живѣйшее воодушевленіе, съ какимъ отнеслось къ этому посѣщенію петербургское населеніе, выдвинуло событіе далеко

изъ ряда обыкновенныхъ политическихъ явленій. Народное чувство явно угадало въ немъ глубокій смыслъ и великое значеніе. Городъ былъ неузнаваемъ въ тѣ нѣсколько дней, въ которые французскіе моряки гостили въ русской столицѣ. Тысячныя толпы тѣснились на набережной, поджидая

Балаганы на Царицыномъ лугу.

французовъ, провожали ихъ по улицамъ, радушно предлагали угощеніе матросамъ. Люди всякаго званія обнимались съ ними, качали ихъ на рукахъ, кричали „ура“. Появленіе французскихъ мундировъ въ театрахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ вызывало шумное выраженіе восторговъ русской публики. Эти дни были первыми въ цѣломъ ряду франко-русскихъ торжествъ, свидѣтелемъ которыхъ довелось быть Петербургу въ послѣдующее царствованіе.

Императору Александру III, принимавшему личное участіе въ послѣдней турецкой войнѣ, принадлежала мысль увѣковѣчить подвиги русскихъ войскъ въ этой войнѣ достойнымъ памятникомъ. Такой памятникъ былъ воздвигнутъ на площади собора св. Троицы въ Измайловскомъ полку. Онъ состоитъ изъ высокой колонны, сложенной изъ отбитыхъ у турокъ пушекъ, и въ своей простотѣ сохраняетъ суровый воинскій характеръ, который желали ему придать.

X.

Сооруженія послѣднихъ лѣтъ. — Народный домъ Императора Николая II.—Читальный залъ Императорской публичной библіотеки.—Троицкій мостъ.—Заключеніе.

Плодотворная дѣятельность общества попеченія о народной трезвости увѣнчалась нѣсколько лѣтъ назадъ устройствомъ „Народнаго дома Императора Николая II“ въ Александровскомъ паркѣ. Заведеніе это—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ не только въ Петербургѣ, но и въ Европѣ. Отлично задуманное, тщательно доконченное во всѣхъ

разнообразныхъ подробностяхъ, оно вполнѣ отвѣчаетъ своему прекрасному назначенію—создать для недостаточнаго и неизбалованнаго петербургскаго населенія мѣсто отдыха и развлеченія.

Народный домъ представляетъ громадное каменное зданіе, одна часть котораго занята залой, а другая—театромъ. Со стороны парка зданіе окружено широкой террасой, уставленной столиками и стульями. Къ зданію примыкаетъ обширная часть парка, имѣющая самое разнообразное назначеніе: тутъ и павильоны съ открытыми сценами, и эстрады для музыки, и чайные бараки, и кухни, и площадки усыпанныя гравіемъ, и пр. Въ театрѣ даются драмы и комедіи, оперы, феерія, обстановочныя пьесы историческаго или сказочнаго содержанія; труппа очень многочисленная и находится подъ управленіемъ опытнаго артиста. На открытыхъ сценахъ и маленькихъ эстрадахъ разыгрываются пантомимы, показываются небольшіе звѣринцы, даютъ представленія фокусники, акробаты и пр. Все расчитано на то, чтобы даже не попавшій въ театръ посѣтитель могъ за небольшую входную плату получить разнообразныя развлеченія. Буфетъ, изъ котораго совершенно изгнаны всякіе спиртные напитки, также приноровленъ къ потребностямъ небогатой публики. Чай и кушанья подаются по крайне дешевымъ цѣнамъ, причемъ все—вполнѣ доброкачественное и приготовленное безъ затѣй, но вкусно и опрятно. Простой человѣкъ, даже съ семействомъ, можетъ тутъ при небольшихъ издержкахъ пріятно провести время и поужинать.

Такимъ же точно характеромъ отличаются народныя увеселенія въ Таврическомъ саду.

Устройство народныхъ театровъ нанесло ущербъ масляничнымъ балаганамъ. Они въ послѣдніе годы перенесены съ Царицина луга на Семеновскій плацъ, и уже не привлекаютъ такого множества гуляющихъ, какъ въ прежнее время.

Другое замѣчательное сооруженіе, какимъ обогатился Петербургъ въ нынѣшнее благополучное царствованіе — новый читальный залъ Императорской публичной библіотеки. Помѣщеніе библіотеки давно уже оказывалось тѣснымъ и для накоплявшихся изъ году въ годъ книжныхъ сокровищъ, и для возраставшаго числа посѣтителей читальнаго зала. Поэтому рѣшено было, рядомъ съ библіотекой, выстроить новое зданіе, соединенное со старымъ стѣна-объ-стѣну и представляющее какъ бы продолженіе его. Въ это новое зданіе перенесена часть книжныхъ собраній библіотеки, и тамъ же устроенъ новый читальный залъ для публики. Залъ этотъ гораздо обширнѣе прежняго, и устроенъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ удобствъ для пользующихся имъ.

Изъ казенныхъ сооруженій послѣднихъ лѣтъ въ особенности замѣчательны: новое зданіе ссудной казны на Фонтанкѣ, у Чернышева моста, и громадное зданіе политехникума въ Лѣсномъ, открытое 1 октября 1902 г. Въ обоихъ сооруженіяхъ изящная простота стиля соединяется съ примѣненіемъ всевозможныхъ техническихъ усовершенствованій. Громадный, съ хорами, залъ политехникума, раздѣленный красивыми баллюстрадами, можетъ вмѣстить въ себѣ 3 тысячи человѣкъ. Все зданіе трехъ-этажное, въ ново-романскомъ смѣшанномъ стилѣ; къ нему примыкаютъ домъ общежитія студентовъ и домъ съ квартирами профессоровъ.

Широкое развитіе средствъ для начальнаго образованія, сдѣлавшееся въ послѣднее время главнымъ предметомъ заботъ городского управленія, указало на необходимость постройки собственныхъ домовъ для городскихъ училищъ. Въ настоящее время выстроено уже нѣсколько такихъ домовъ, изъ которыхъ главный на Васильевскомъ островѣ. Такіе дома, соединяя въ себѣ цѣлую группу школъ или классовъ, даютъ возможность поставить учащихся въ удобную учебную и гигіеническую обстановку, какой нельзя достигнуть въ тѣсныхъ частныхъ помѣщеніяхъ.

Развитіе частнаго домостроительства, постепенно усиливаясь, достигло въ послѣдніе годы небывалаго развитія. Всѣ части города, даже отдаленныя, быстро застраиваются; громадныя пятиэтажныя зданія выростаютъ каждый годъ и на бойкихъ, и на глухихъ улицахъ. Архитектура новыхъ зданій при этомъ много улучшается; появляются дома изъ финляндскаго свѣтло-сѣраго гранита и мрамора, вводится для облицовки нижнихъ этажей полированный красноватый гранитъ, а для верхнихъ—богатыя лѣпныя украшенія, иногда съ раскраской. Нѣкоторые громадные дома строятся съ воротами, доходящими до четвертаго этажа, и такимъ образомъ внутренній дворъ какъ бы обращается въ улицу, со всѣхъ сторонъ обстроенную высокими корпусами. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе обращается вниманіе на внутреннія удобства; на лѣстницахъ устраиваются подъемныя машины, дворы покрываются асфальтомъ, ванны становятся принадлежностью даже небольшихъ квартиръ, и т. д.

Скученность населенія въ центральныхъ ча-

стяхъ города и вызванная этимъ дороговизна квартиръ привела къ тому, что петербургскія окраины въ послѣднее время стали усиленно заселяться и застраиваться. Для старожиловъ, которые помнятъ на Пескахъ, за Лиговкой или въ тихихъ улицахъ Семеновскаго или Измайловскаго полковъ безконечные пустыри, обнесенные деревянными заборами, или ряды маленькихъ, по большей части деревянныхъ домиковъ съ палисадниками,—мѣстности эти стали неузнаваемыми. Вездѣ повыростали многоэтажные каменные дома, магазины съ большими стеклами, всюду проникло освѣщеніе, мелькаютъ газовые и электрическіе фонари, чувствуется непрерывное городское движеніе. Въ особенности же застроилась въ послѣднее время Петербургская сторона. Эта часть города, послужившая его колыбелью, утратила свое значеніе, какъ только центръ города перенесенъ былъ на лѣвый берегъ Невы, и почти два столѣтія оставалась въ запустѣніи. Здѣсь каменныя постройки были рѣдкостью, и по сторонамъ улицъ уныло тянулись огороды и пустопорожнія мѣста Теперь городъ, стѣсненный въ своей центральной части, принялъ какъ будто обратное стремленіе туда, гдѣ Петръ Великій положилъ ему начало. Въ короткое время Петербургская сторона застроилась, лучше освѣтилась и вымостилась; не только на Каменноостровскомъ проспектѣ, но даже на дальнихъ улицахъ воздвиглись громадные дома, и еще недавно пустынная и бѣдная мѣстность оживилась не менѣе участковъ лѣваго берега.

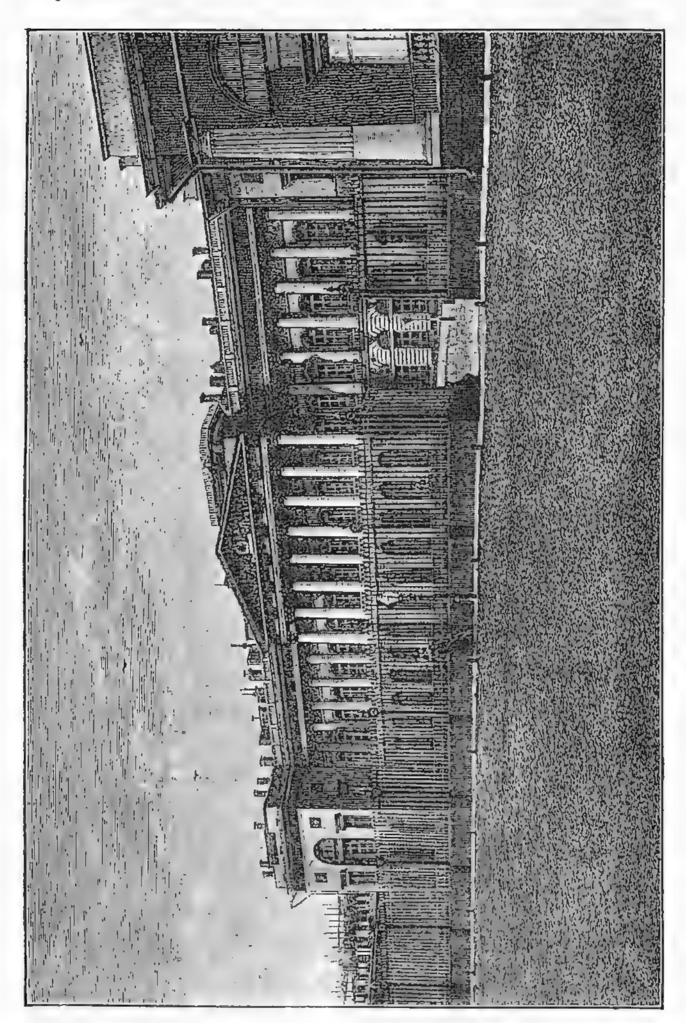
Этому движенію населенія и всякаго рода городской предпріимчивости за Неву въ большой степени содѣйствовало сооруженіе постояннаго

Троицкаго моста. Такъ какъ деревянные мосты снимаются во время ледохода, и сообщенiе по нимъ два раза въ годъ прерывается, то одна вѣсть о рѣшенной постройкѣ постояннаго моста на Петербургскую сторону разомъ подняла цѣны на землю въ этой мѣстности. Въ короткое время исчезла большая часть старыхъ построекъ на Каменноостровскомъ проспектѣ и замѣнилась новыми, между которыми не мало многоэтажныхъ, красивой отдѣлки.

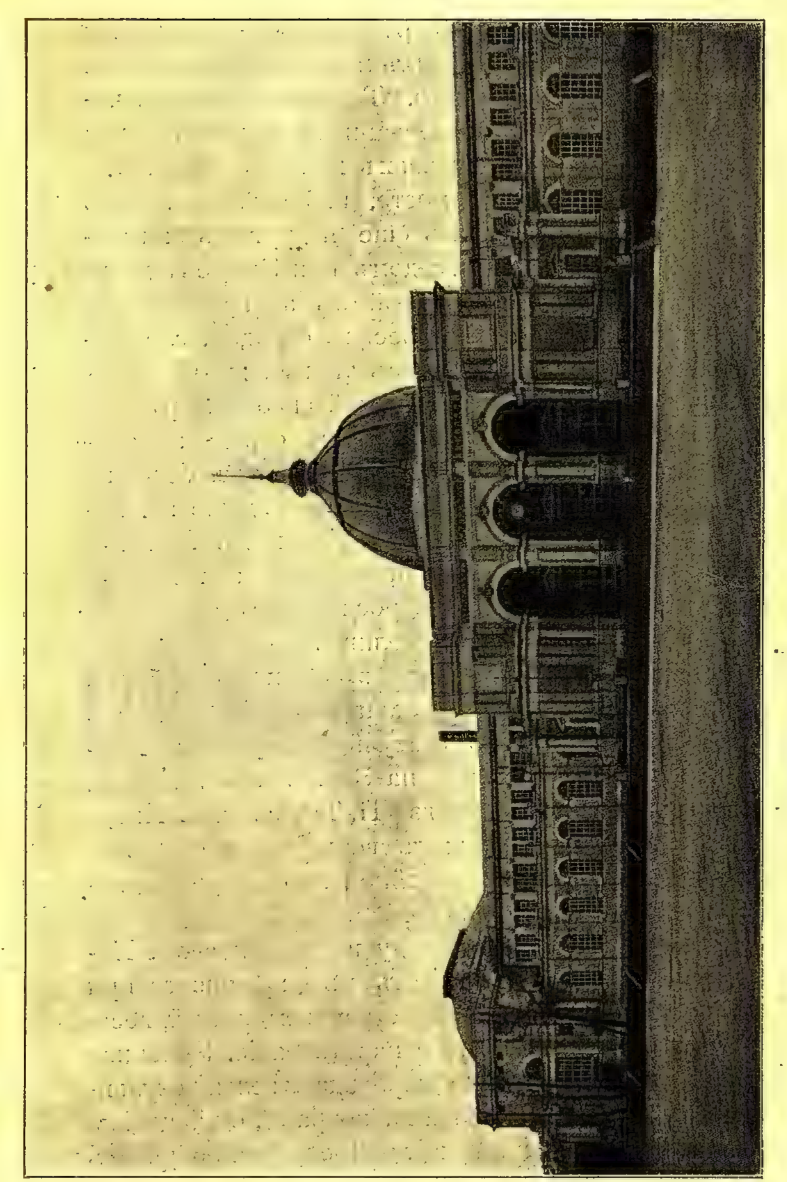
Мысль о постройкѣ каменнаго Троицкаго моста занимала императора Александра III, но видѣть ее осуществленною привелось его благополучно царствующему Преемнику. Изъ всѣхъ невскихъ мостовъ Троицкiй самый длинный, и потому сооруженiе его представляло наибольшiя трудности и требовало громадныхъ денегъ. На устроенномъ конкурсѣ проектовъ, самымъ удачнымъ оказался проектъ бельгiйскаго общества „Батиньйоль", которому и была отдана постройка за 6 милл. руб. (безъ дамбы, соединяющей мостъ съ правымъ берегомъ). Нѣсколько лѣтъ понадобилось на это громадное сооруженiе, и только въ нынѣшнемъ году дѣло приведено къ концу, такъ что открытiе моста совпало съ 200-лѣтнимъ юбилеемъ Петербурга.

Новый Троицкiй мостъ поставленъ на семи гранитныхъ быкахъ, и представляетъ болѣе выгнутую дугу, чѣмъ Николаевскiй и Александровскiй. Разводная часть расположена близь лѣваго берега и снабжена сильнымъ механизмомъ. Внѣшность моста отличается простотою; чугунныя украшенiя незатѣйливы. Тѣмъ не менѣе, сооруженiе это надо отнести къ числу замѣчательнѣйшихъ въ Петербургѣ, и важнѣйшихъ въ промышленномъ

и народно-хозяйственномъ отношенiи. Связавъ съ центромъ города Петербургскую сторону, оно вполнѣ упрочило будущее этой обширнѣйшей окраины.

Музей Императора Александра III.

Народный домъ Императора Николая II.

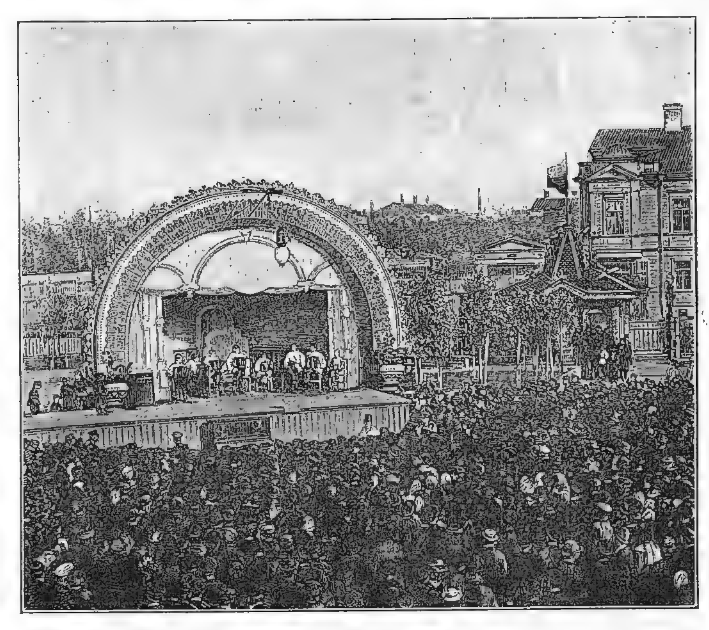
Въ настоящее время рѣшена уже постройка двухъ другихъ постоянныхъ мостовъ черезъ Неву, Дворцоваго и Охтенскаго. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ деревянные мосты останутся только на невскихъ рукавахъ между островами.

Кромѣ Троицкаго моста, набережная лѣваго берега Невы обогатилась еще и другимъ замѣчательнымъ украшеніемъ: садомъ при Зимнемъ дворцѣ, со стороны, обращенной къ адмиралтейству. Обширный садъ этотъ обнесенъ оградой, сложенной изъ розоваго гранита съ такими же четырехгранными колоннами и чугунной сквозной рѣшеткой превосходнаго рисунка. Вся ограда замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ стилемъ дворца и великолѣпно довершаетъ чудное зданіе гр. Растрелли. И по цѣнности матеріаловъ, и по художественному исполненію, пристройка эта должна быть отнесена къ самымъ роскошнымъ достопримѣчательностямъ нашей столицы.

Въ непродолжительномъ времени Петербургъ долженъ украситься еще однимъ величественнымъ памятникомъ—конною статуей императора Александра III, сооружаемой на Знаменской площади, по модели художника князя П. Трубецкаго. Императоръ будетъ изображенъ верхомъ на спокойно стоящей лошади, въ спокойной позѣ, исполненной силы и вдумчиваго величія.

Возвышающаяся изъ году въ годъ красота Петербурга дала себя замѣтить въ особенности при посѣщеніяхъ высокихъ иностранныхъ гостей, весьма частыхъ въ нынѣшнее царствованіе. Убранная флагами, бюстами, арками, гирляндами зелени, скульптурными группами, мачтами, коврами, освѣщенная газовыми звѣздами и вензелями, столица получаетъ

въ такіе дни чрезвычайно нарядный видъ. Наиболѣе памятными для петербургскаго населенія остались посѣщенія двухъ президентовъ дружественной намъ французской республики, покойнаго

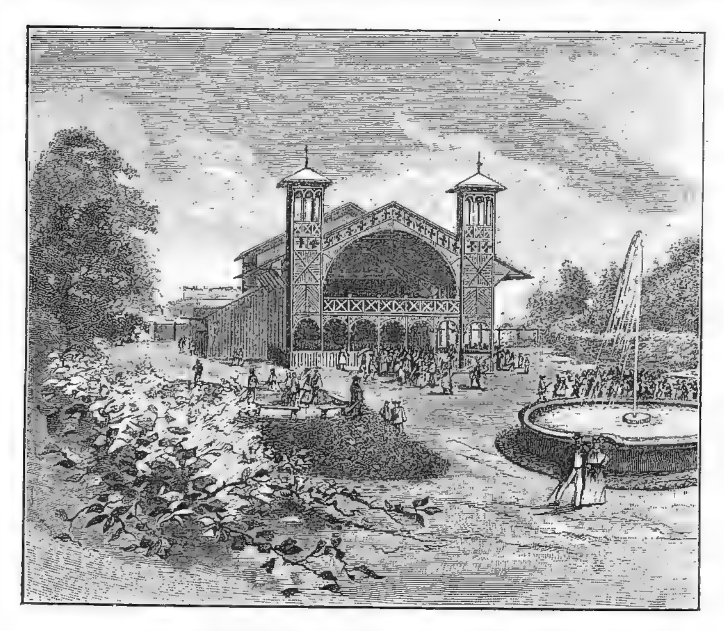

Лѣтнія народныя увеселенія.

Феликса Фора и г. Эмиля Лубэ. Сочувственныя встрѣчи, оказанныя имъ всѣми классами петербургскихъ обывателей, явились продолженіемъ торжествъ, оживлявшихъ улицы столицы въ дни пребыванія адмирала Жервэ.

Мы прослѣдили двухсотлѣтнюю исторію Петербурга, въ связи съ событіями общей государственной важности, въ центрѣ которыхъ онъ стоялъ.

Мы видѣли какъ этотъ городъ, заложенный первоначально какъ необходимое прикрытіе нашему выходу въ море и опора противъ шведскаго вторженія, становится вскорѣ любимымъ созданіемъ великаго Петра, рѣшившаго основать здѣсь новую столицу, и нашедшаго въ только что зачинавшемся

Лѣтнія народныя увеселенія.

городкѣ свой „парадизъ". Мы видѣли потомъ, какъ колебалась судьба Петербурга при ближайшихъ преемникахъ Петра, какъ новая столица едва не утратила своего значенія, и какими медленными шагами подвигалось ея развитіе въ первые сорокъ лѣтъ существованія. Но геніальныя соображенія царя-преобразователя одержали верхъ надъ всѣми препятствіями, и послѣ непродолжительной за-

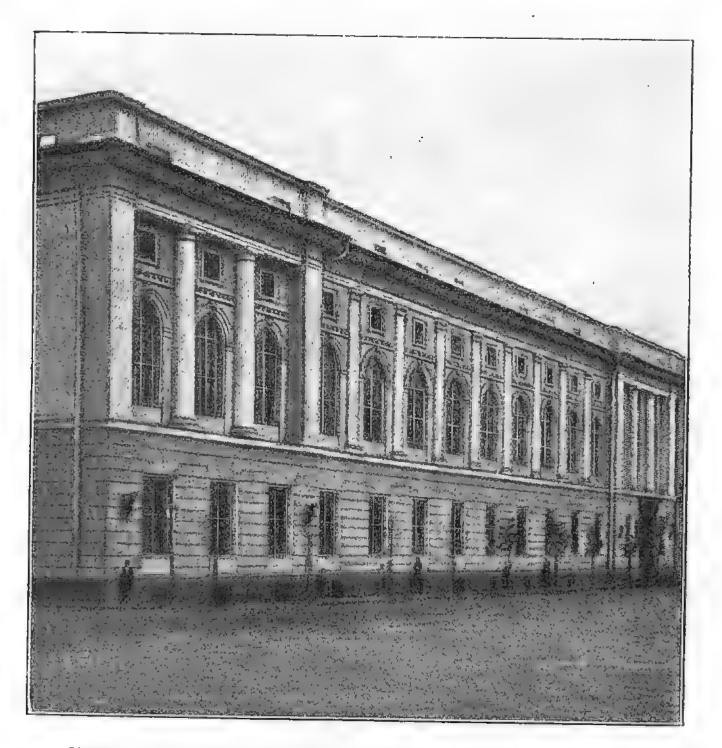
держки, Петербургъ сталъ развиваться съ такою же стремительною быстротою, какъ и вся Россія. Почти на половинѣ пути, прожитаго нашею столицею, Пушкинъ могъ уже сказать:

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова...

А нынѣ, когда протекло 70 лѣтъ послѣ того какъ были написаны эти вдохновенныя строки, поэтъ не узналъ бы „Петра творенье“: столько перемѣнъ, столько улучшеній съ тѣхъ поръ! Петербургъ за эти послѣдніе 70 лѣтъ разросся, разбогатѣлъ, благоустроился, населеніе его учетверилось, бюджетъ расширился до 28 милліоновъ. „Мосты повисли надъ водами“ уже не деревянные, а чугунно-каменные; главныя улицы освѣтились электричествомъ, и въ этомъ отношеніи съ минувшей зимы, когда проложены новые кабели и поставлены новые фонари, Петербургъ не уступаетъ ни одной изъ европейскихъ столицъ.

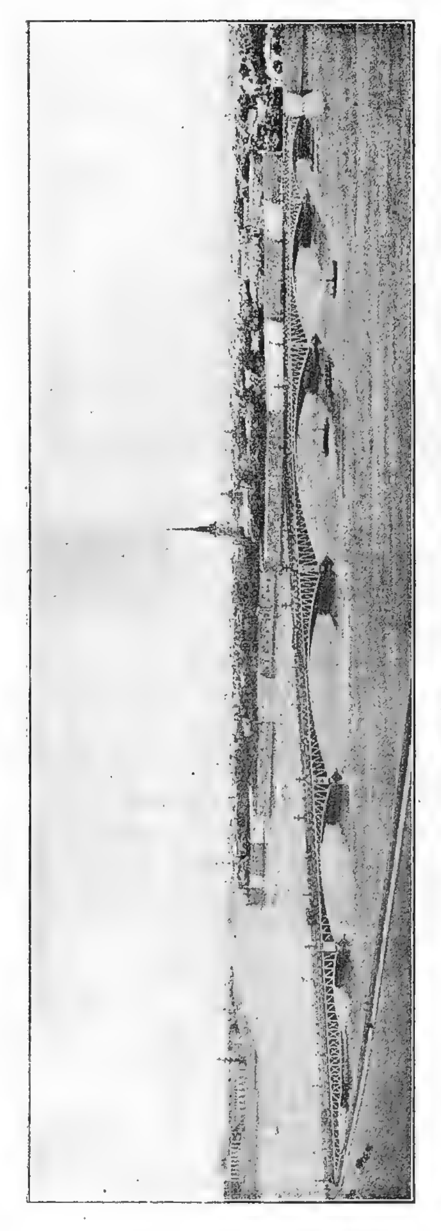
Въ особенности утѣшительными являются

успѣхи народнаго образованія: здѣсь съ каждымъ годомъ городское управленіе широкими шагами идетъ къ поставленной имъ цѣли — дать петербургскому населенію средства всеобщаго обученія. Мы уже видѣли, что въ 1894—5 учебномъ году въ

Читальный залъ Императорской публичной библіотеки.

Петербургѣ было 320 начальныхъ училищъ; въ слѣдующіе годы число ихъ быстро возрастало: въ 1895-6—330, въ 1896-7—342, въ 1897-8—376, въ 1898-9—396, въ 1899-1900—423, въ 1900-1—446, въ 1902—514. Число учащихся возрасло къ настоящему

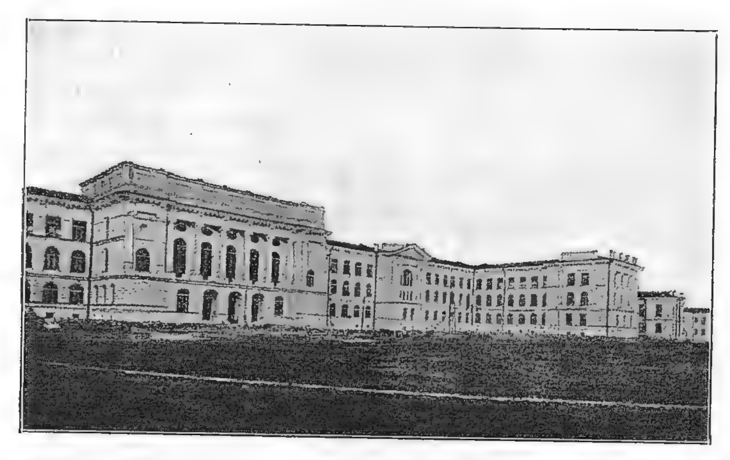

Новый Троицкій мостъ на Невѣ.

времени до 26.000. Число 4-классныхъ училищъ — 5, изъ нихъ 3 мужскія и 2 для дѣвочекъ.

Среди заботъ объ оздоровленіи города и развитіи средствъ медицинской помощи, городское управленіе не забыло также и нуждающихся изъ бѣднѣйшаго населенія: для нихъ устроены ночлежные дома, основанъ городской ломбардъ, открыто бюро для пріисканія прислуги.

Наконецъ, на очереди стоятъ вопросы особенной важности: о канализаціи города, объ устройствѣ электрическихъ способовъ передвиженія, о постройкѣ Дворцоваго и Охтенскаго мостовъ, и др. Все

Петербургскій политехникумъ въ Лѣсномъ.

это обѣщаетъ въ будущемъ такое развитіе городского благоустройства, которое сдѣлаетъ Петербургъ вполнѣ достойнымъ его значенія—столицы великой русской имперіи и резиденціи ея Царей.

Нынѣ, въ торжественные дни двухсотъ-лѣтняго юбилея Петербурга, оглядываясь на его прошлое и съ довѣріемъ относясь къ его будущему, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ, посвятившимъ ему такъ много своихъ вдохновенныхъ стиховъ:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

